АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

127

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ НЕОЛИТА И БРОНЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

594

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

127

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ НЕОЛИТА И БРОНЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1971

Выпуск содержит статьи советских и иностранных археологов, посвященные проблемам неолита и бронзового века на территории СССР. Кроме освещения материалов вновь открытых памятников, ряд материалов касается теоретических вопросов истории первобытного общества. Включено несколько работ по истории древней металлургии меди и бронзы. Выпуск охватывает археологические материалы, найденные на территории Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии.

Редакционная коллегия:

Н. Н. Воронин, *Н. Н. Гурина*, *Л. В. Кольцов* (ответственный секретарь),
И. Т. Кругликова (ответственный редактор), *К. Х. Кушнарева*,
А. Ф. Медведев, *Н. Я. Мерперт*, *П. А. Раппопорт* (зам. отв. редактора),
В. В. Седов, *Д. Б. Шелов*, *А. Л. Якобсон*

1-6-2
76—1971 (I)

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 127 1971 год

СТАТЬИ

В. М. МАССОН

МЕТОД ПАЛЕОЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В АРХЕОЛОГИИ

Одним из исходных теоретических положений советской археологии является тезис о социально-экономическом развитии как о движущей силе исторического процесса. Это базовое теоретическое положение обусловило особое внимание, которое советские археологи уделяют истории хозяйства, разрабатывая целый ряд методических приемов его исследования и интерпретации. Представляется, что современный уровень наших знаний, базирующийся на количественно весьма обильном массовом материале, позволяет перейти к более углубленному и в известной мере комплексному рассмотрению древней экономики. В СССР опыт подобной работы успешно осуществлен С. Н. Бибиковым, хотя примененный им термин «хозяйственно-экономический комплекс» представляется не вполне удачным [1]. Более удобным и более правильным является понятие палеоэкономики. К этому термину позднее склонился и С. Н. Бибиков, предложив интересный анализ экономической структуры верхнепалеолитического стойбища [2]. С нашей точки зрения, под палеоэкономикой следует понимать раздел экономической науки, исследующий народное хозяйство первобытных общин и отрасли этого хозяйства.

В настоящее время разрабатывается ряд методических приемов, которые обеспечивают реальные возможности успешного палеоэкономического анализа. Одной из предпосылок такого анализа являются сплошные раскопки древних поселений и могильников и всестороннее исследование обнаруженных при этом объектов. Здесь могут быть использованы исследования древней природной среды, подсчет населения отдельных поселков и целых регионов, учет костных остатков не по числу особей, а в пересчете на выход мяса, определение производительности труда на основе данных этнографии, экспериментальных работ и письменных документов архаических обществ Древнего Востока. Особое значение имеет исследование орудий труда методом функционального анализа, применяемого не к отдельным предметам, а к комплексам и памятникам в целом.

Важность палеоэкономических расчетов может быть наглядно продемонстрирована на ряде примеров. Хорошо известна, например, та большая роль в сложении раннеклассового общества, которую обычно припи-

[1] *С. Н. Бибиков.* Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья. СА, 1965, № 2.

[2] *С. Н. Бибиков.* Опыт палеоэкономического моделирования в археологии. «Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1966 г.» Кишинев, 1967.

сывают ирригационному земледелию. Однако в настоящее время известен ряд оросительных систем эпохи первобытнообщинного строя. Так, в Южном Туркменистане каналы были открыты у позднеэнеолитического поселения Геоксюр I[3]. В Хорезме архаические по облику культуры памятники степной бронзы оказались тесно связанными с ирригационным земледелием, прекрасно знакомым с системой каналов[4].

Вместе с тем расчеты по оценке трудовых затрат на создание геоксюрской ирригационной системы показывают, что они находятся в пределах возможностей простой кооперации первобытных общин. Так, основной канал здесь имеет сечение примерно в 2,5 кв. м и длину в 3 км. Иными словами, при его проведении было вынуто около 7500 куб. м грунта. Шумерские нормативы предусматривают при копке каналов объем работы в 6 куб. м в день при глубине до 1 локтя (0,5 м) и в 3 куб. м при глубине в два-три локтя[5], что, видимо, связано с необходимостью относа земли в корзинах с места работы. Даже при минимальных нормах проведение геоксюрского канала требовало 2500 человеко-дней, или работы 50 человек в течение двух месяцев[6]. Для такого крупного центра, как Геоксюр, с населением в 1500—2000 человек выделение соответствующего числа землекопов едва ли представляло значительные трудности. Близкие цифры были получены и при определении трудовых затрат на проведение каналов на юго-западе США в пору существования культуры Хоккам[7]. Таким образом, сам факт наличия или отсутствия каналов без учета соответствующих экономических затрат еще недостаточен для правильного понимания обществ, оставивших те или иные ирригационные сооружения. Лишь достаточно обширные и сложные ирригационные системы означали коренной переворот в производительных силах общества. Поэтому совершенно права Г. Н. Лисицина, выделяющая в истории орошаемого земледелия фазу простейших каналов и фазу сложных ирригационных систем[8].

Наоборот, если применить систему палеоэкономических расчетов к формирующимся раннеклассовым обществам, отчетливо выявляется их высокий экономический потенциал, огромные производственные возможности вне сферы непосредственного обеспечения жизненного уровня. В этом отношении особенно показательны памятники монументальной архитектуры, представленные чаще всего храмовыми комплексами, а также цитаделями, дворцами и погребальными сооружениями. Так, например, платформа цитадели Яз-депе, памятника IX—VII вв. до н. э., характеризующего эпоху сложения классового общества и государственных образований в Средней Азии, была сложена из сырцового кирпича[9]. При площади в 10 000 кв. м и высоте в 8 м массив в целом образовывал

[3] *Г. Н. Лисицына.* Древнейшие оросительные каналы на территории Туркмении. «Гидротехника и мелиорация», 1964, № 9; она же. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. М., 1965.

[4] *М. А. Итина.* Древнехорезмийские земледельцы. В кн.: «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 75—86. В отличие от Южного Туркменистана земледелие здесь, правда, не имело ярко выраженного оседлого облика, что и не привело к резкой смене форм культуры.

[5] *А. А. Вайман.* Шумеро-вавилонская математика. Л., 1961, стр. 38. Дополнительные данные были приведены А. А. Вайманом в докладе «Нормирование труда в Двуречье в XXI—XVIII вв. до н. э.», прочитанном в Секторе Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР 29 января 1966 г.

[6] *Г. Н. Лисицына.* Орошаемое земледелие. . ., стр. 129.

[7] *R. B. Woodbury.* Prehistoire Agriculture at the Point of Pins, Arizona. «Memoires of Society for American Archaelogy», 17, 1961. По расчетам автора для проведения канала сечением 1×2 м длиной в 2 или 3 мили было достаточно труда 25 человек.

[8] *Г. Н. Лисицына.* Основные этапы истории земледелия на юге Средней Азии и Ближнем Востоке. «Проблемы археологии Средней Азии». Л., 1968, стр. 82—83.

[9] *В. М. Массон.* Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, № 73, 1959, стр. 73.

80 000 куб. м. По шумерским нормам кладки 1,5 куб. м на человеко-день на одно возведение этой платформы, не считая производства самого кирпича, было затрачено около 53 000 человеко-дней.

Весьма важны и палеодемографические расчеты, показывающие не только динамику роста населения вообще, но и состояние производительных сил, важнейшей составной частью которых является человек. Здесь, в частности, особенно ярко выступают последствия того перехода к новым формам экономики в виде земледелия и скотоводства, который многие исследователи именуют неолитической революцией. По данным этнографии, плотность населения среди охотников и собирателей характеризуется от одного (австралийцы, бушмены) до пяти-семи человек на 100 кв. км (индейцы доколумбовой Америки). Исходя из этих цифр и опираясь на данные полностью раскопанного поселения Стар Карр, Р. Брейдвуд и Ч. Рид определили численность Англии и Уэльса в эпоху мезолита в 7500 человек [10]. Плотность же раннеземледельческого населения те же авторы определяют в 1000 человек на 100 кв. км. Эта цифра находит подтверждение в археологических материалах Южного Туркменистана. Здесь геоксюрский оазис поры энеолита, тщательно изученный и наземными раскопками и с помощью аэрометодов, занимал площадь около 400 кв. км. Раскопки как жилых домов, так и поселений целиком позволяют определять население оазиса в пору его расцвета в 4000—5000 человек [11], т. е. 1000—1200 человек на 100 кв. км. Опираясь на подобные выкладки, демограф Э. Дивей [12] предлагает следующие расчеты для населения земного шара:

Около 300 000 г. до н. э.	— 1 млн. человек	
„ 25 000 г. до н. э.	— верхний палеолит	— 3,34 млн. человек
„ 10 000 г. до н. э.	— мезолит	— 5,32 млн. человек
„ 6 000 г. до н. э.	— ранние земледельцы	— 86,5 млн. человек

При всей условности подобных наметок совершенно ясно, что переход к земледельческой экономике имел своим последствием первый демографический взрыв.

Особенно большие возможности для палеоэкономического анализа открывают сплошные раскопки памятников. В качестве примера можно указать на неолитическое поселение Джейтун, полностью вскрытое на уровне второго горизонта. Оказалось, что этот раннеземледельческий поселок состоял из 30 однокомнатных домов, рассчитанных, судя по их размерам (16—30 кв. м), на проживание отдельных парных семей [13]. О большой роли парной семьи в джейтунском обществе свидетельствует и децентрализованный характер домашних производств. Все орудия труда с Джейтуна определены методом функционального анализа [14] и их распределение по территории поселка выявило весьма примечательную картину. Каждый жилой дом с примыкающим дворовым участком и подсобными строениями образовывал отдельный хозяйственно-жилой комплекс. Распространение орудий труда показывает, что в 25 таких комплексах производилась обработка дерева, в 27 выделывались шкуры, в 20 изготовлялись кремне-

[10] *R. J. Braidwood, Ch. A. Reed.* The Achievement and Early Conseguences of Food Production: A Consideration of the Archaeologica and Natural-Historical Evidence. «Gold spring Harbor Simposia on Qantitative Biology», v. XXII. New York, 1957, p. 24.

[11] *В. М. Массон.* Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, стр. 319.

[12] *E. S. Deevey.* The Human Population. «Scientific American», 1960, v. 209, № 3, p. 196.

[13] Первоначально, исходя из плотности застройки вскрытых участков, количество домов на Джейтуне определялось в 35—40.

[14] *Г. Ф. Корбкова.* Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. МИА, № 158, 1969.

вые орудия. Практически, если учесть ограниченное число находок в окраинных плохо сохранившихся домах, каждая парная семья Джейтуна не только владела отдельным домом, но и была порой основной и самообеспечивающейся производственной и потребляющей единицей. Особенно показательно наличие в каждом доме очага, видимо, связанное с посемейным характером приготовления и потребления пищи. Так, соединение широких раскопок памятника и метода функционального анализа, примененного не к отдельным образцам, а ко всем орудиям труда в целом, позволяет сделать важные заключения по экономике и общественной системе древних джейтунцев (рис. 1).

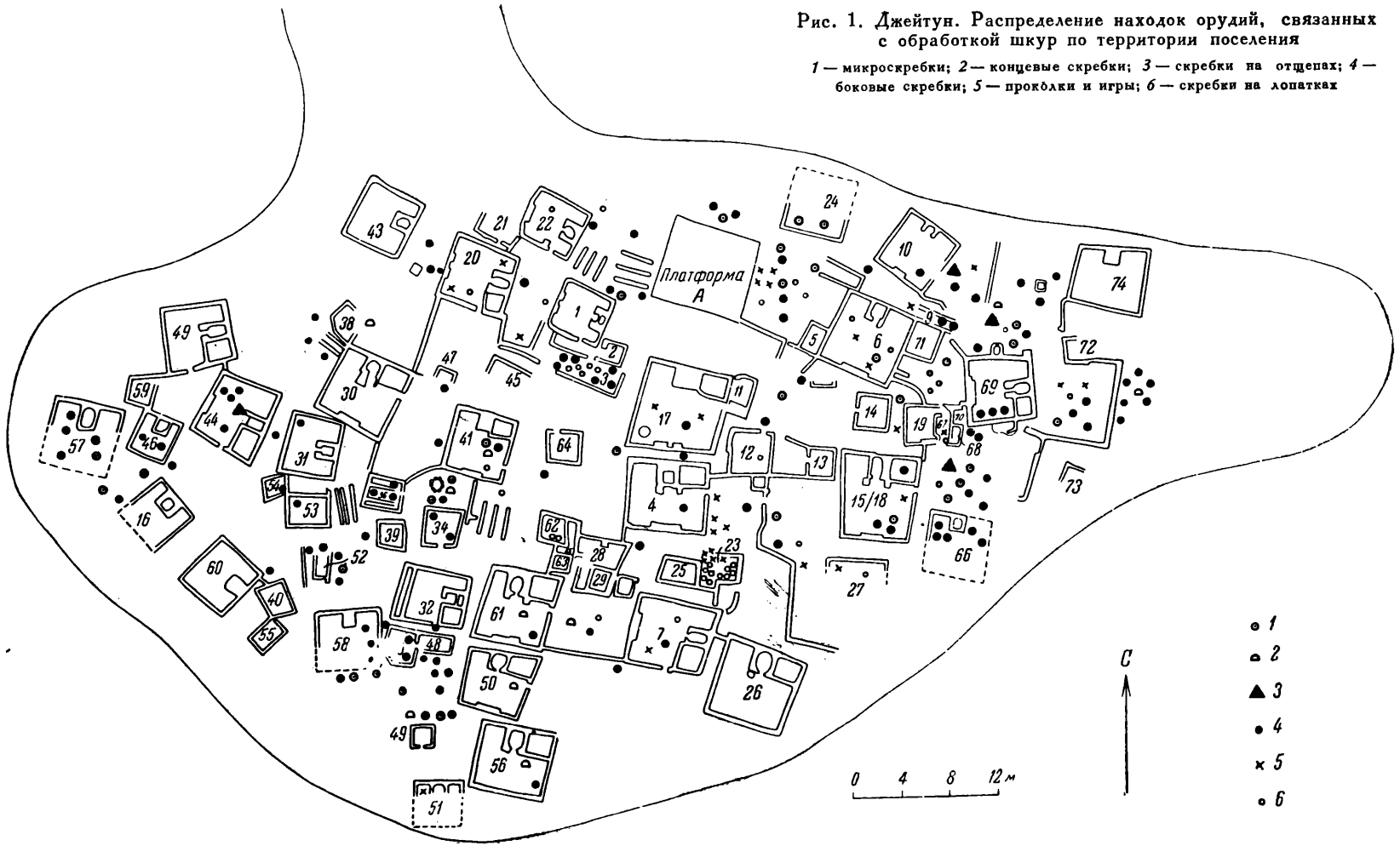
Эта сравнительно высокая роль парной семьи в весьма архаическом обществе отнюдь не должна казаться чем-то необычным и неожиданным. Новые исследования указывают на значительную древность парной семьи как первичной социальной ячейки человеческого общества. Так, детальный анализ, проделанный С. Н. Бибиковым, показал, что семья из пятисеми человек образовывала в верхнепалеолитическом обществе Восточной Европы относительно замкнутую производственную группу [15]. Опираясь на размеры верхнепалеолитических жилищ, к сходному заключению приходит Г. П. Григорьев [16]. Размеры крупноплановых домов Эйнана [17] как будто свидетельствуют о сохранении этого значения парной семьи и в пору мезолита.

Вместе с тем джейтунское поселение в целом представляло собой первобытную общину, объединение в которую парных семей в числе прочих причин было обусловлено коллективным характером труда в условиях полуполивного земледелия. Можно попытаться ориентировочно определить экономический потенциал этой первобытной общины и распределение по отдельным отраслям усилий, минимально необходимых для простого воспроизводства. Исходной цифрой в данном случае является население поселка, равное 150—180 человек, если исходить из численности парной семьи в пять-шесть человек [18]. Исходя из этого определим минимальные потребности джейтунцев в зерне. Г. Н. Лисицина для энеолитического Геоксюра исходила из ежедневной потребности в зерне по 250—300 г на человека в день [19]. С. Н. Бибиков, по этнографическим данным Восточной Европы, как минимальную норму потребления зерна называет 16 кг на человека в месяц [20]. По шумерским документам конца III тыс. до н. э., мужчины получали в среднем 36 кг, а женщины 18 кг. Иногда выдачи женщинам колебались от 12 до 24 кг, но довольствие для мужчин не опускалось ниже 18 кг в месяц [21]. Учитывая наличие в составе джейтунского поселка женщин и детей, можно принять однодневную потребность общины в зерне 100 кг в день, или 36,5 т в год. Кроме того, необходимо было оставить зерно для посевного фонда, а также, возможно, на корм скоту. Исходя из этого, примем годовую потребность джейтунцев в зерне в 44 т. При урожайности сам-15, т. е. 20—22 ц/га, необходимая площадь полей для получения 44 т ячменя составляет около 20 га. В современном северном Ираке в отсталых мелких хозяйствах обработка 6 га требует 250 человеко-дней [22], т. е. около 830 человеко-дней для 20 га. Учитывая разницу в орудиях труда, увеличим эту цифру втрое, что даст

[15] *С. Н. Бибиков.* Опыт палеоэкономического моделирования в археологии, стр. 15.
[16] *Г. П. Григорьев.* Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л., 1968, стр. 154—155.
[17] *J. Perrot.* Le gisement natoufien de Mallaha (Eynan). «L'Anthropologie», t. 70, № 5—6, 1966.
[18] Ср.: *И. М. Дьяконов.* Общественный и государственный строй древнего Двуречья. М., 1959, стр. 20.
[19] *Г. Н. Лисицына.* Орошаемое земледелие. . ., стр. 141.
[20] *С. Н. Бибиков.* Хозяйственно-экономический комплекс. . ., стр. 53.
[21] *А. И. Тюменев.* Государственное хозяйство древнего Шумера. М.—Л., 1956, стр. 401.
[22] *R. Mc. C. Adams.* The Evolution of Urban Society. Chicago, 1966, p. 42.

Рис. 1. Джейтун. Распределение находок орудий, связанных с обработкой шкур по территории поселения

1 — микроскребки; *2* — концевые скребки; *3* — скребки на отщепах; *4* — боковые скребки; *5* — проколки и игры; *6* — скребки на лопатках



2500 человеко-дней. Сконцентрировав усилия общины в определенные промежутки времени (учитывая цикличность земледельческого труда), джейтунцы получали достаточное количество питания для обеспечения прожиточного минимума.

Определенные выкладки могут быть предложены и для скотоводства. С. Н. Бибиков пришел к выводу, что трипольские земледельцы потребляли на человека около 4 кг мяса в месяц, или 130 г в день[23]. В ахеменидском Персеполе мясной паек составлял около 300—400 г в день[24]. Представляется, что при принятой нами для Джейтуна норме 500 г зерна на человека в день, 150 г мяса на человека в день является наиболее вероятной цифрой. Это составляет дневную потребность поселка в мясе 27 кг и годовую в 9 т. Если бы всю мясную пищу доставляло скотоводство, то такое количество мяса требовало бы ежегодного забоя 450 овец или коз, что соответствует стаду в 2000 голов. В таком случае из расчета три пастуха на стадо в 500 голов скотоводческий сектор джейтунской экономики требовал бы около 3300 человеко-дней в год. Однако учитывая наличие охоты, также в изобилии доставлявшей мясные продукты[25], эту цифру надо сократить минимум на одну треть. К сожалению, производительность труда в сфере охоты менее поддается подобным расчетам.

Экспериментальные работы С. А. Семенова показали, что изготовление каменных орудий отнюдь не было столь трудоемким делом, как предполагалось ранее. Так, на изготовление топора из мягкого камня (сланца) было затрачено 2,5—3 часа, мустьерские остроконечники и скребла изготовлялись за 5—10 мин., концевой скребок из призматической пластины за 1 мин.[26] Суммарная кубатура стен 30 домов Джейтуна составляет 720 куб. м, что при шумерских нормах 1,5 кв. м в день требовало на строительство всех домов 480 человеко-дней. Учитывая время, необходимое на приготовление и транспортировку глиняных блоков, из которых возводились дома, эту цифру необходимо увеличить втрое. Так, по тем же нормам Шумера переноска кирпича на расстояние в 360 м определялась нормой около 1 куб. м в день.

Подобные ориентировочные расчеты позволяют в определенной мере составить представление о минимальных трудовых затратах, необходимых для поддержания существования общин джейтунского типа. В целом в день поселок из 30 семей, учитывая помощь, оказываемую подростками, располагал потенциально 90 человеко-днями, что составляет около 33 000 трудодней в год. Отсюда необходимо вычесть женский труд по дому, связанный с приготовлением пищи, шитьем одежды, уходом за детьми и прочими заботами. Из расчета 1 человеко-день на семью в день это составляет около 11 000. Остальные 22 000 человеко-дней, согласно предлагаемым расчетам, могут быть приблизительно распределены следующим образом:

Земледелие	2500	человеко-дней
Скотоводство	2200	»
Строительство	1500	»
Изготовление орудий	1000	»
Итого . . .	7200	человеко-дней

[23] *С. Н. Бибиков.* Хозяйственно-экономический комплекс..., стр. 55.

[24] *М. А. Дандамаев.* Чужеземные рабы в хозяйстве ахеменидских царей и их вельмож. М., 1960, стр. 4.

[25] Новые определения костных материалов с Джейтуна, осуществленные В. И. Цалкиным, указывают на наличие там домашних козы и овцы и на значительно больший удельный вес скотоводства по сравнению с охотой, чем это представлялось ранее.

[26] *С. А. Семенов.* Экспериментальный метод изучения первобытной техники. «Археология и естественные науки». М., 1965, стр. 220.

Каково бы ни было увлечение охотой, совершенно ясно, что она не могла заполнить все оставшееся время. Легко могут быть покрыты этим остатком и «неолитические бюллетени». Таким образом, совершенно ясно, что новая производящая экономика внесла кардинальные изменения в баланс рабочей силы, открыв значительные возможности как для дополнительного труда, так и для досуга. Здесь были заложены потенциально те возможности ускоренного (по сравнению с присваивающей экономикой) расширенного воспроизводства, которое в конечном итоге привело к сложению в среде земледельческих общин первых цивилизаций.

Разумеется, нет никаких оснований абсолютизировать значение подобных расчетов, которые следует рассматривать как самые ориентировочные. Дальнейшие исследования, и в частности широко поставленные экспериментальные работы и привлечение этнографических материалов, должны повысить степень надежности такого рода выкладок. Вместе с тем представляется, что методика палеоэкономических изысканий позволяет более обоснованно и разносторонне изучать исторические процессы далекого прошлого и их экономическую детерминированность.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 127 1971 год

Д. А. КРАЙНОВ

МЕТАЛЛУРГИЯ У ПЛЕМЕН ФАТЬЯНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Тезис о существовании собственной металлургии у фатьяновских племен, предложенный мною в 1941 г.[1], вызвал возражения со стороны исследователей, утверждавших заимствование фатьяновцами металла извне. А. А. Спицын[2] и В. А. Городцов[3] связывали медные вещи, найденные в фатьяновских могильниках, с влиянием Кавказского металлургического центра или с южными степными культурами эпохи бронзы, но они все же указывали на специфику фатьяновских металлических изделий[4] и особенно на особую форму медных вислообушных топоров, присущих только фатьяновской культуре[5]. Позднее находку браслета в Мытищинском могильнике и балановских металлических украшений некоторые исследователи связывали со среднеевропейским, унетицким влиянием или относили к предметам «унетицкого импорта»[6].

Эти взгляды обосновывались прежде всего типологическим сходством металлических фатьяновских изделий со степными кавказскими, унетицкими и прочими находками, а также малочисленностью металлических вещей в фатьяновских могильниках и отсутствием на территории распространения фатьяновской культуры древних рудных разработок.

Однако за посление 10 лет при раскопках многочисленных фатьяновских могильников были добыты неоспоримые доказательства существования металлургии у фатьяновцев[7]. Во-первых, значительно увеличились количество и ассортимент найденных в могильниках фатьяновских изделий[8], во-вторых, обнаружены погребения литейщиков (металлургов) на

[1] *Д. А. Крайнов.* Вауловский могильник. «Труды ГИМ», вып. XII, 1941, стр. 127—128.
[2] *А. А. Спицын.* Медный век в Верхнем Поволжье. ЗОРСА РАО, т. V, вып. I. СПб., 1903, стр. 5; *он же.* Новые сведения о медном веке в Средней и Северной России, ЗОРСА РАО, т. VII. СПб., 1905.
[3] *В. А. Городцов.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России. М., 1915.
[4] *А. А. Спицын.* Археологические заметки. «Труды секции РАНИОН», вып. IV, М., 1928, стр. 483.
[5] *В. А. Городцов.* Указ. соч., стр. 25—36.
[6] *А. Я. Брюсов.* Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 64; *он же.* Об экспансии культур с боевыми топорами. СА, 1961, № 3, стр. 26; *О. Н. Бадер.* К истории первобытного хозяйства на Оке и в Верхнем Поволжье в эпоху металла. ВДИ, 1939, № 3, стр. 115; *он же.* Мытищинский могильник. КСИИМК, вып. 75, 1959, стр. 152—153; *О. А. Кривцова-Гракова.* Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 32; *К. В. Сальников.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 119—120.
[7] *Д. А. Крайнов.* Отчеты Верхневолжской экспедиции за 1964, 1965, 1966, 1967, 1968 гг. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2918, 3125, 3385, 3567.
[8] *Д. А. Крайнов.* Памятники фатьяновской культуры. Московская группа. САИ, вып. В-1-19, 1963; *он же.* Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа. САИ, вып. В-1-20, 1964.

Средней Волге[9] и на Верхней Волге[10]. Работами Е. Н. Черныха по изучению химического состава фатьяновского металла выяснено его местное производство[11].

Среди погребального инвентаря фатьяновских могильников найдены медные вещи, разнообразные и по форме и по назначению: вислообушные боевые топоры, втульчатые копья, шилья, иглы, височные проволочные привески («в полтора оборота»), широкие пластинчатые витые привески со щитками, очковидные привески, перстни, колечки, трубчатые пронизки, манжетовидные браслеты, спирали, витые трубчатые спирали, трубчатые браслеты, гривны (?) и пр.

Металлические изделия, таким образом, представлены боевым оружием, украшениями и мелкими предметами домашнего обихода (шилья, иглы), что свойственно всем культурам бронзового века Восточной Европы. Постепенное внедрение металла наблюдается при сопоставлении количества и качества металлических изделий в различных группах фатьяновских памятников[12]. В памятниках так называемой Московской группы металлические изделия очень редки. Это привески в полтора оборота, широко распространенные в одновременных культурах шнуровой керамики и боевых топоров. Почти полное отсутствие металлических вещей в Московских, Калужских, Калининских могильниках, вероятно, следует объяснять не только удаленностью их от металлургических центров, но и иными причинами (может быть, более ранним временем). Отсутствует металл и в прибалтийских ранних памятниках культуры ладьевидных топоров. Характерно, что рядом в памятниках среднеднепровской культуры металл встречен в довольно значительном количестве. Находки медного колечка с большой примесью мышьяка в Истринском могильнике, вероятно, можно объяснить связями со среднеднепровской культурой. В могильниках, найденных на территории Ярославской, Ивановской и Горьковской областей, металлические изделия встречаются чаще. В более поздних памятниках возрастает их число, а также увеличивается разнообразие форм (Вауловский, Волосово-Даниловский, Фатьяновский, Горкинский и пр.); в Балановском могильнике и на Средней Волге их еще больше. Таким образом оказывается, что наибольшее количество металлических изделий имеется в наиболее поздних фатьяновских могильниках, связанных с распространением фатьяновской культуры на Среднюю Волгу и Поветлужье, где в большом количестве встречаются медистые песчаники, которые могли быть использованы фатьяновцами в качестве рудных разработок. Кстати, в этих местах отмечается большое скопление фатьяновских памятников (могильники и поселения) и огромное количество случайных находок каменных сверленых топоров-молотков и каменных пестов, которые, вероятно, использовались при обработке руды.

Среди фатьяновских металлических изделий наряду с формами, широко распространенными в Восточной Европе в эпоху бронзы, есть и специфические формы. К ним относятся медные вислообушные топоры. Сейчас известно более 30 топоров из могильников и мест случайных на-

[9] *В. Ф. Каховский.* Чурачикский курган в Чувашии. СА, 1963, № 3, стр. 176, рис. 6, *1*, *2*.

[10] *Д. А. Крайнов.* Отчет Верхневолжской экспедиции за 1964 г. Волосово-Даниловский могильник. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2918.

[11] *Е. Н. Черных.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966; *он же.* Спектральные исследования медных изделий из могильников балановского и фатьяновского типов. См. в кн.: *О. Н. Бадер.* Балановский могильник. М., 1964, стр. 364, 365.

[12] *Д. А. Крайнов.* Фатьяновская культура. САИ, вып. В-1-19 и САИ, вып. В-1-20, 1964; *он же.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья (Фатьяновские племена II тысячелетия до н. э.). Архив ИА АН СССР, Р-2, № 1982 Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук.

ходок. Все они могут быть объединены в фатьяновский тип. Их характерные признаки, с нашей точки зрения, правильно выделены В. А. Городцовым и дополнены другими исследователями [13]. Фатьяновские медные топоры отличаются от камских, срубных, северокавказских и других вислообушных топоров [14]. Они не известны за пределами территории фатьяновской культуры. Общее сходство их как на Верхней, так и на Средней Волге является свидетельством общности различных групп фатьяновской культуры и их сравнительной одновременности. Наблюдающиеся небольшие различия в форме этих топоров могут быть объяснены или хронологическими, или локальными причинами. Вероятно, развитие фатьяновских топоров шло за счет расширения лезвия и выпрямления клинка.

Все фатьяновские топоры сделаны при помощи литья и последующей проковки совершенно одинаково как на Средней Волге [15], так и на Верхней Волге [16], о чем свидетельствуют одинаковые литейные формы. О местном изготовлении металлических предметов говорит также и сходство, а в некоторых случаях тождество орнаментики на фатьяновских металлических изделиях и сосудах. Штриховой орнамент в виде косых насечек на колечке из погребения 5 и ромбический узор на кольце из погребения 4 Вауловского могильника [17] идентичны узорам на сосудах из Ярославских могильников. Особенно же показательна в этом отношении орнаментика Мытищинского браслета [18] (рис. 2). Во-первых, она так же симметрична, как и орнаментика на сосудах, во-вторых, ромбическая сетка, начинающая и замыкающая рисунок, часто встречается в фатьяновской орнаментике и, наконец, отдельные элементы этого рисунка тождественны узорам сосудов Мытищинского и Кузьминского могильников.

Манжетовидные браслеты из Севернобирского [19] и Владычинского могильников [20] (рис. 2, *2—5*) украшены типичным фатьяновским орнаментом (линии, елочки и ромбические сетки) и свидетельствуют об общности фатьяновской культуры.

Рисунок на копье из Волосово-Даниловского могильника [21] также подтверждает его местное производство. Втулка копья орнаментирована нарезным «елочным» узором, одинаковым с обеих сторон (рис. 2, *6*). У основания втулки три пояска, каждый из трех линий с поперечной косой штриховкой. Подобные узоры встречаются на фатьяновских сосудах, особенно в восточных частях территории ее распространения. В том же Волосово-Даниловском могильнике в погребении 61 [22] найден пластинчатый перстень с широким щитком (рис. 2, 7). На поверхность щитка нанесен узор в виде продольных линий, как и на браслетах из Мытищинского, Владычинского и Севернобирского могильников (рис. 2, *1—5*).

Неоспоримым доказательством местного изготовления фатьяновских

[13] *В. А. Городцов.* Указ. соч., стр. 25—36; Б. Г. *Тихонов.* Металлические изделия эпохи бронзы. МИА, № 90, 1960; *О. С. Гадзяцкая.* Фатьяновский медный топор из г. Солнечногорска. СА, 1961, № 1.

[14] *Б. Г. Тихонов.* Указ. соч.

[15] *В. Ф. Каховский.* Чурачикский курган в Чувашии. СА, 1963, № 3, стр. 175, 177.

[16] *Д. А. Крайнов.* Отчет Верхневолжской экспедиции за 1964 г. Архив ИА АН СССР. Волосово-Даниловский могильник.

[17] *Д. А. Крайнов.* Вауловский могильник, стр. 127.

[18] Там же, стр. 145, рис. II, *5*.

[19] *К. В. Сальников.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 25, рис. 2, *15, 26, 27*, стр. 118—121.

[20] *О. Н. Бадер.* Фатьяновский металл и его среднеевропейские связи. «Sborník Národniho muzea V Praze». Praha, 1966, стр. 79—83, табл. VIII, *4, 5, 6, 7*.

[21] *Д. А. Крайнов.* Волосово-Даниловский могильник фатьяновской культуры. СА, 1964, № 4, стр. 70, рис. 2, *1* и стр. 79.

[22] *Д. А. Крайнов.* Отчет Верхневолжской экспедиции за 1967 г. Волосово-Даниловский могильник. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3567.

металлических вещей являются находки литейных форм в Чурачикском[23] и Волосово-Даниловском[24] могильниках.

В первом, под курганной насыпью, найдены два погребения литейщика с литейными формами и медным топором, отлитым в одной из форм.

В Волосово-Даниловском могильнике в 1964 г. нами было обнаружено в погребении 21 захоронение литейщика, сопровождавшееся двумя глиняными двустворчатыми литейными формами для отливки вислообушных медных топоров, глиняным тиглем и четырьмя сосудами. Литейные формы лежали рядом друг с другом. Размеры их различны. Длина большей 18 см, а меньшей 16 см (рис. 3, *1, 2*). На одной из форм есть «рубцы», очевидно, для обвязывания. Формы служили для отливки вислообушных топоров различных размеров.

Вместе с литейными формами была найдена небольшая глиняная плошка с небольшим носиком для слива (рис. 3, *3*). Ее внутренняя и внешняя поверхность покрыта вторично тонким слоем глины (ангобом). Края сосуда оплавлены или ошлакованы под действием очень сильного жара. Возможно, при совершении погребения сосуд был подновлен и обмазан глиной.

Спектральный анализ накипи на сосуде, проведенный Е. Н. Черныхом, показал, что, вероятно, эта плошка служила тиглем.

Химический состав металлических изделий фатьяновской культуры, определенный Е. Н. Черныхом[25], показывает, что все они изготовлены из чистой меди с рядом характерных микропримесей, перешедших в металл из исходных руд. Химический состав металла подтверждает общность фатьяновских и балановских изделий. Химический анализ фатьяновского металла показал не только единообразие его, но и резкое отличие от кавказского металла. Последнее обстоятельство положило конец вековому спору о связях фатьяновского металла с Кавказскими металлургическими центрами.

По-видимому, прав Е. Н. Черных, предполагая, что возможными исходными рудами фатьяновского металла являются медистые песчаники Среднего Поволжья[26]. Сравнение химического состава руд из медистых песчаников Среднего Поволжья и фатьяновских металлических изделий привело Е. Н. Черныха к заключению о сходстве в наборах их примесей и местном характере фатьяновской металлургии[27]. Месторождения медистых песчаников известны сейчас во многих местах Среднего Поволжья, Прикамья, низовьях Вятки и Приуралья[28].

Фатьяновцы могли пользоваться в основном только теми рудами, которые выходят на поверхность.

Поскольку залежи медистых песчаников расположены на восточных окраинах территории распространения фатьяновской культуры, то невольно встает вопрос: кто же производил добычу руды и ее первоначальную обработку — «балановцы» или «фатьяновцы»? Можно согласиться с мнением Е. Н. Черныха, что распространение из медистых песчаников

[23] *В. Ф. Каховский.* Чурачикский курган в Чувашии. СА, 1963, № 3, стр. 175, 177, рис. 6, *1—2, 6.*

[24] *Д. А. Крайнов.* Отчет Верхневолжской экспедиции за 1964 г. Волосово-Даниловский могильник.

[25] *Е. Н. Черных.* Спектральные исследования медных изделий из могильников балановского и фатьяновского типов. См. в кн.: *О. Н. Бадер.* Балановский могильник, стр. 364—365.

[26] *Е. Н. Черных.* История древнейшей металлургии Восточной Европы, стр. 76.

[27] Там же, стр. 73—77.

[28] *И. М. Миропольский.* Медные руды в Пермских отложениях ТАССР и их генезис. «Ученые записки Казанского гос. университета», т. 98, кн. I. Геология, вып. 1, 1938, стр. 5, 10—18; *Б. Г. Тихонов.* Металлические изделия эпохи бронзы, стр. 7—22.

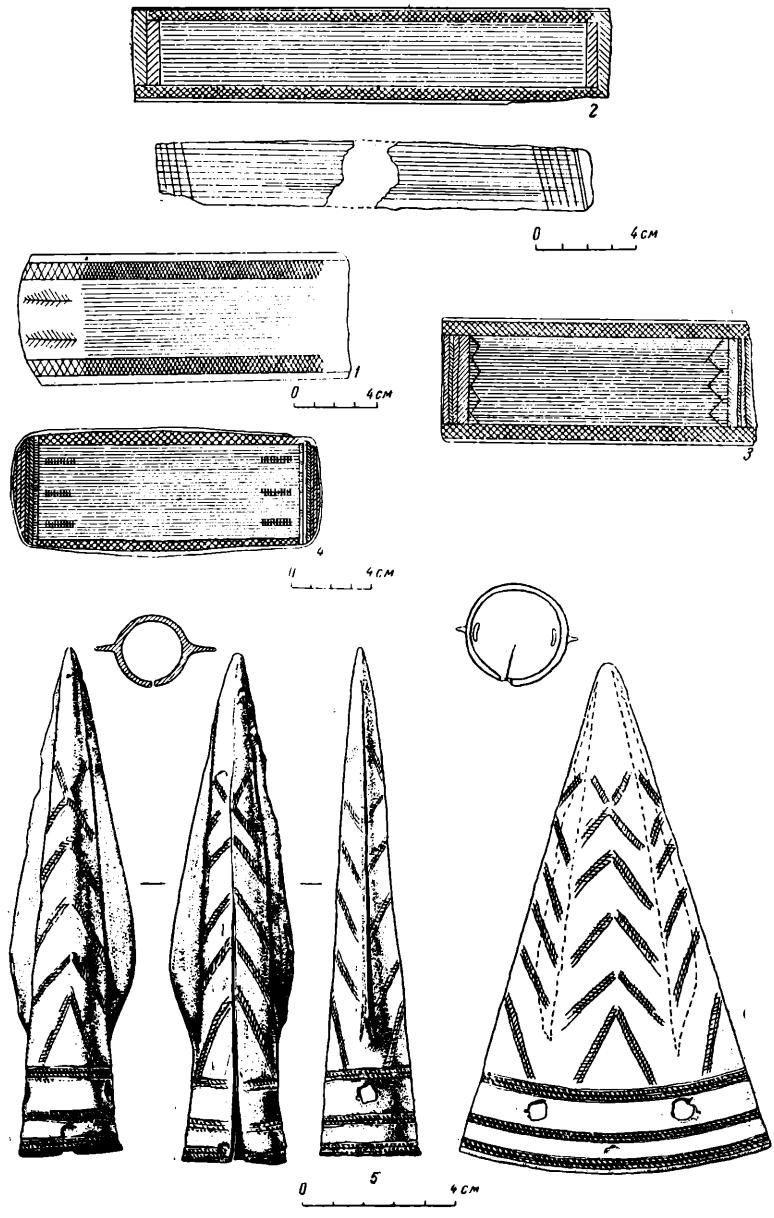


Рис. 2. Медные изделия из памятников фатьяновской культуры

1 — браслет манжетовидный из Мытищинского могильника; *2* — браслеты манжетовидные из Севернобирского могильника (по К. В. Сальникову); *3—4* — браслеты манжетовидные из Владычинской стоянки (по О. Н. Бадеру); *5* — медное копье из Волосово-Даниловского могильника; *6* — перстень (подвеска) из Волосово-Даниловского могильника, погребение 61; *7* — очковидная привеска из Севернобирского могильника; *8—9* — витые широкие кольца из Севернобирского могильника; *10* — витое широкое кольцо из Никульцинского могильника; *11* — витые кольца из Никульцинского могильника

металла шло с востока на запад, но пока трудно согласиться с утверждением Е. Н. Черныха [29] и О. Н. Бадера [30], что только балановские племена [31] производили добычу руды и от них фатьяновцы получали ее или полуфабрикаты. Однако О. Н. Бадер признает, что фатьяновские металлические изделия «создают в целом неповторимый комплекс, своеобразие которого еще раз подчеркивает своеобразие фатьяновской культуры; в частности, он отличается от комплекса балановского металла» [32]. Не исключено существование различных рудных источников у ярославских и балановских племен. Металлургия ярославских племен могла частично развиваться и на базе медистых песчаников низовьев р. Вятки и, вероятно, на основе руды со Средней Волги.

Это предположение подтверждается следующими фактами:

1. Металлические изделия из таких могильников, как Волосово-Даниловский, Вауловский, Фатьяновский, Никульцынский и другие, отличаются от вещей Балановского могильника, и по количеству в Волосово-Даниловском могильнике их не меньше, чем в Балановском.

2. Верхневолжские фатьяновские памятники (по формам топоров, керамики и пр.) увязываются с некоторыми памятниками Вятско-Ветлуж-

[29] *Е. Н. Черных.* История древнейшей металлургии Восточной Европы, стр. 76.
[30] *О. Н. Бадер.* Фатьяновский металл и его среднеевропейские связи, стр. 81.
[31] Мы считаем, что и балановские и фатьяновские племена относятся к одной фатьяновской культуре. Их различие объясняется или локальными, или хронологическими причинами.
[32] О. Н. Бадер. Фатьяновский металл..., стр. 81—82.

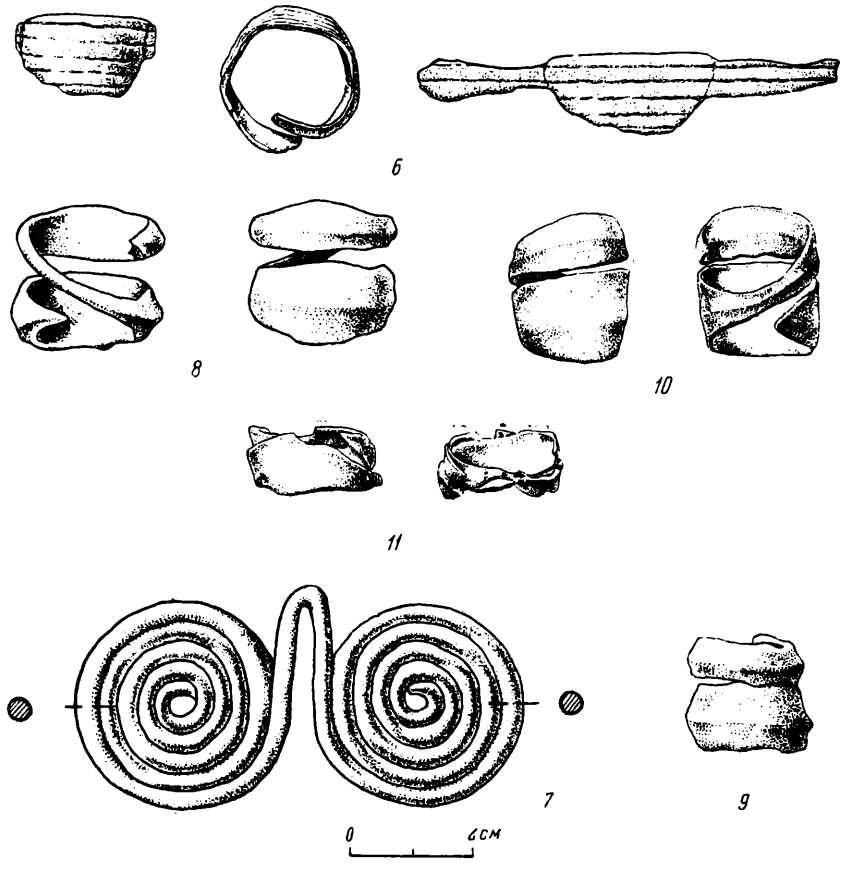


Рис. 2 (*окончание*)

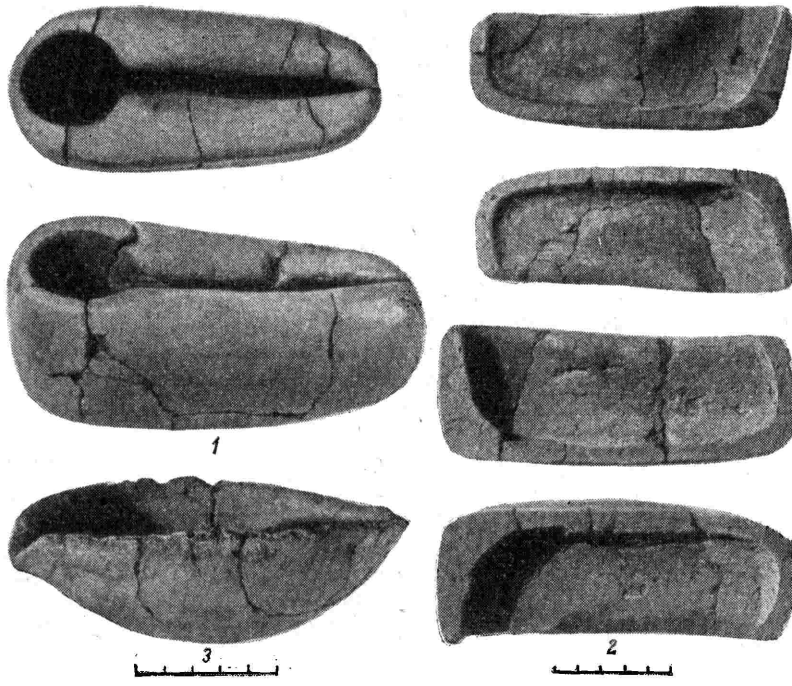


Рис. 3. Волосово-Даниловский могильник. Литейные формы (*1*, *2*) и тигель (*3*) из погребения 21

ского междуречья [33], это заставляет предполагать, что разработка медистых песчаников, расположенных в этом районе, производилась именно фатьяновцами.

3. Особенно важным доказательством является позднее возникновение фатьяновской металлургии — когда фатьяновские племена достигли восточных своих окраин. К этому времени относятся рабочие топоры, молоты, песты, терочники, найденные в Вятско-Ветлужском междуречье.

4. Наконец, движение фатьяновцев на восток к районам медистых песчаников (ярославских племен к низовьям Вятки и дальше в Приуралье, а балановских в область свияжских медистых песчаников) [34] можно объяснить их стремлением к залежам металла с целью добычи руды и изготовления более эффективного металлического оружия. Тождественность манжетовидных браслетов из Севернобирского и Мытищинского могильников, а также тождественность широких щитковых с ребрами спиральных привесок и очковидных привесок из Севернобирского могильника с вещами из Никульцинского могильника Ярославской области (рис. *2, 8, 9, 10, 11*) и Юрьевского могильника Костромской области может свидетельствовать о далеких походах фатьяновцев в поисках металла [35].

Второе предположение также не исключается, т. е. фатьяновцы могли привозить металл и со Средней Волги.

[33] *Д. А. Крайнов.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья (Фатьяновские племена II тысячелетия до н. э.). Автореф. докт. дисс. М., 1967, стр. 21 и 36.

[34] Небезынтересно отметить совпадение распространения ранних памятников фатьяновской культуры (балановских) и территории расположения медистых песчаников в междуречье Волги и Свияги.

[35] Автор рассматривает Севернобирский могильник как фатьяновский могильник.

Таким образом, фатьяновские племена, очевидно, на базе Вятско-Прикамских и Средневолжских медистых песчаников создают свою собственную металлургию, развившуюся на позднем этапе культуры. Не исключено, что первоначальное знакомство с металлом протофатьяновцы получили на западе или через племена среднеднепровской культуры, где встречаются вещи, которые можно связывать с Прикарпатьем[36]. Возможно, оттуда же были заимствованы фатьяновцами первоначальные формы некоторых украшений.

У фатьяновцев постепенно выработались не только специфические устойчивые формы изделий из металла, но и особые методы металлообработки. Металлографический анализ наконечника копья и вислообушного топора из Волосово-Даниловского могильника, произведенный профессором И. Я. Новиковым и Н. Пазухиным, показывает высокую технику литья меди, а также ковки металла и в горячем и в холодном виде. По мнению этих специалистов, фатьяновцы выработали особые методы и приемы обработки металла, указывающие не на начальный этап развития металлургии, а на развитый. Погребение литейщика в Волосово-Даниловском могильнике было расположено почти в центре холма. Этот факт указывает на высокое и почетное место литейщиков в фатьяновском обществе.

Таким образом, с каждым годом мы получаем все новые и новые доказательства существования собственной металлургии у фатьяновских племен.

[36] *Е. Н. Черных.* История древнейшей металлургии Восточной Европы, стр. 65—72, 87.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 127 1971 год

ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ

В. И. КНЫШОВ

РАСКОПКИ ЖИЛЫХ КОМПЛЕКСОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА АЛТЫН-ДЕПЕ

Если в Южном Туркменистане сравнительно хорошо изучены жилые постройки поры неолита и энеолита, то в отношении поселений бронзового века исследователи, как правило, ограничивались общей формулировкой о наличии там многокомнатных массивов, бывших жилищами большесемейных общин [1]. Конкретное изучение жилых комплексов явилось одной из задач, поставленных при начале раскопок на Алтын-депе. Наиболее интересными оказались результаты, полученные при работах на раскопе 5, расположенном на одном из крупных всхолмлений памятника — так называемого холма стены. Работы здесь были начаты в 1966 г., но тогда характер планировки и ее интерпретации оставались не вполне ясными [2]. Эти раскопки были продолжены в 1967—1968 гг., в результате чего удалось создать достаточно четкую картину объединения нескольких помещений в замкнутые комплексы [3]. Остановимся на краткой характеристике вскрытых строений (рис. 4).

Раскопы разделяет узкая улочка. Единственный дверной проем ведет с улицы в помещение 1, заполненное плотным кирпичным завалом, стены его за время существования штукатурились трижды. Площадь помещения равна 9,12 кв. м. Кроме уже упомянутого дверного проема помещение имеет еще две двери. Одна ведет на юг в помещение 2, другая — на север в помещение 34.

Справа от входа в помещение 2 расчищен очаг с перегородкой. Само помещение четырехугольное, вытянутое с востока на запад. Площадь 10,66 кв. м. Узкая дверь ведет из него на юг в комнату 26. Это узкий четырехугольник, также вытянутый с востока на запад. Помещение было оштукатурено лишь однажды. Площадь его — 8,64 кв. м.

Вторая дверь помещения 1 ведет на север в помещение 34. В плане оно неправильной формы. Стены, образующие северо-восточную часть помещения, полуовальной формы, кроме того, все стены не одинаковы по ширине. При кладке их широко использовали битый кирпич. Прослеживается один слой штукатурки и то не на всех участках стен. Приблизи-

[1] *Б. А. Литвинский.* Намазга-тепе. СА, 1952, № 4, стр. 32; «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы». М.—Л., 1966, стр. 165.

[2] *В. М. Массон.* Протогородская цивилизация юга Средней Азии. СА, 1967, № 3, стр. 169.

[3] *В. М. Массон.* Монументальная архитектура Алтын-депе. АО 1967 г. М., 1968, стр. 346; *он же.* Четвертый сезон раскопок на Алтын-депе. АО 1968 г. М., 1969, стр. 435.

тельная площадь помещения 5,5 кв. м. Снаружи, примерно к середине северной стены помещения 1, впритык к ней без перевязки пристроена полуторакирпичная стена шириною в один кирпич, отделяющая от помещения 34 помещение 36. Вторая дверь из комнаты 36 ведет на запад. Причем стены, образующие дверь, если их продолжить, не стыкуются, а заходят одна за другую. Площадь помещения равна 4,5 кв. м.

Следует отметить, что дверные проемы сообщающихся помещений 1, 2, 26 и 34 (кроме дверей на улицу и во двор) расположены по линии север—юг и все примыкают почти вплотную к восточной стене.

Из помещения 36 по узкому «переулку» можно выйти на северный двор (двор *А*). Видимо, первоначально, когда был построен дом, из помещения 1 через северную дверь выходили прямо во двор и лишь позднее было пристроено помещение 34, которое затем разделили перегородкой на две части (помещения 34 и 36), а выход во двор сделали из помещения 36.

Двор был заполнен рыхлыми культурными слоями с преобладанием золы, которая содержала кухонные отбросы и фрагменты керамики. Во дворе найдены остатки овальной в плане печи, напоминающей современный туркменский тандыр. Стена, образующая улицу на участке двора, сложена из строительных отходов и имеет разную ширину, тогда как, являясь восточной стеной помещений 26, 2 и 1, она представляет собой довольно четкую линию, равную по ширине на всем протяжении примерно 50 см.

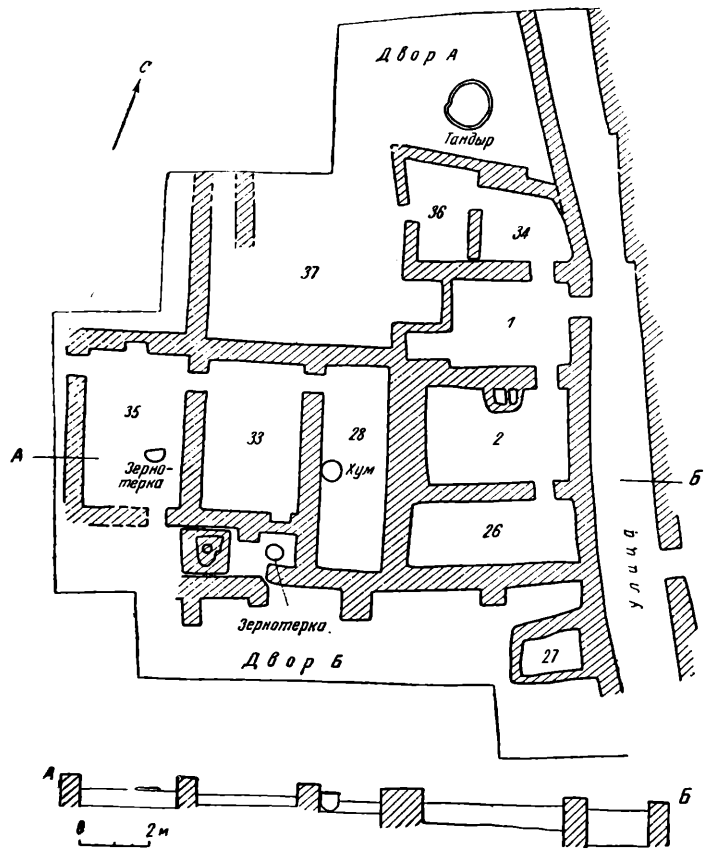


Рис. 4. Участок поселения Алтын-депе, вскрытый в 1967—1968 гг.

К глухой стене помещения 26 с южной стороны примыкает другой двор (двор *Б*). По заполнению он почти не отличается от двора *А*. Во дворе *Б* у восточной стены, образующей улицу, вскрыто помещение 2. Оно не сохранило следов штукатурки, площадь его очень мала — 1,8 кв. м.

Вплотную к южной стене первого комплекса строений примыкает второй, состоящий из комнат 28, 33, 35 и 47 (помещение 47 расчищено в 1968 г.). Комната 28 четырехугольная в плане, вытянута с юга на север. У западной стены в пол вкопан хум, возле которого найдено несколько целых сосудов. Кроме сосудов и хума в помещении были найдены два мраморных навершия, выпрямитель древков стрел и обломок бронзового пробойника. Стены оштукатурены одним слоем. Площадь помещения — 8,64 кв. м. Единственный дверной проем связывает его с помещением 33. Оно подквадратное в плане, с двумя дверными проемами на одной линии. В южной стене вскрыта небольшая ниша с ровными стенами прекрасной сохранности с несколькими слоями штукатурки, общая толщина которой достигает 7 см. Западная стена помещения окрашена в красный цвет. Площадь помещения равна 11,61 кв. м.

Через западный дверной проем помещение 33 связывается с помещением 35. Планы этих помещений аналогичны. Три дверных проема ведут на юг, восток и запад. В северной стене была сделана ниша. Стены оштукатурены тремя слоями. Из находок нужно отметить зернотерку. Площадь помещения — 12,60 кв. м. Южная дверь ведет к очагу, который находится в помещении 29. Оно не замыкается с запада, так как вместо западной стены здесь находится массивный очаг с глиняным столбиком в середине. Южная стена состоит из отрезков двух стен: первой, являющейся продолжением южной стены помещений 26 и 28, и второй, видимо, позднее пристроенной к ней. Приблизительная площадь этого помещения, включая очаг, равна 3,5 кв. м. Рыхлое с кирпичными обломками заполнение в основном состояло из золы, в которой найдены и кости мелкого и крупного рогатого скота. Здесь же обнаружена и зернотерка.

Через западную дверь помещения 35 можно пойти в помещение 47. Это узкий четырехугольник правильных очертаний с однослойной обмазкой стен. Приблизительная площадь комнаты — 7,5—8 кв. м.

Почти все двери второго комплекса строений тяготеют к северо-западному углу помещений и расположены по оси восток—запад. Подавляющее большинство находок на раскопе 5 составляет керамика типа Намазга V. В большинстве своем она отличается высоким техническим совершенством и вся изготовлена на гончарном круге быстрого вращения. Вся керамика не расписная. Ее можно разделить на четыре группы. I группа — керамика хорошего обжига с плотным черепком розового цвета, покрытого светлым ангобом; II группу представляет керамика со светлым тестом и светлым ангобом; III — керамика красного цвета; к IV группе относится керамика с большой примесью шамота.

Керамика первых трех групп не различается по формам. Это хумы, подразделяющиеся по венчикам на три вида, горшки двух видов, корчаги двух видов. Далее можно отметить миски, чаши, вазы, цилиндрические и биконические сосуды, которые в свою очередь подразделяются в большинстве случаев на несколько видов.

Особняком стоит IV группа, в которую выделяется керамика, изготовленная из плохо отмученной глины, с большой примесью шамота в тесте. Формы этой группы грубы и тяжеловесны: котлы со сливами, тагоры (тазы) и жаровни.

Кроме керамики найдены обломки каменных сосудов, биконические бусины серого цвета, несколько круглых обожженных глиняных ядер для пращи, лепное глиняное колесико от игрушечной повозки с выступающей втулкой, мраморные навершия, орнаментированные тремя ломаными линиями пряслица, обломок четырехгранного бронзового пробойника,

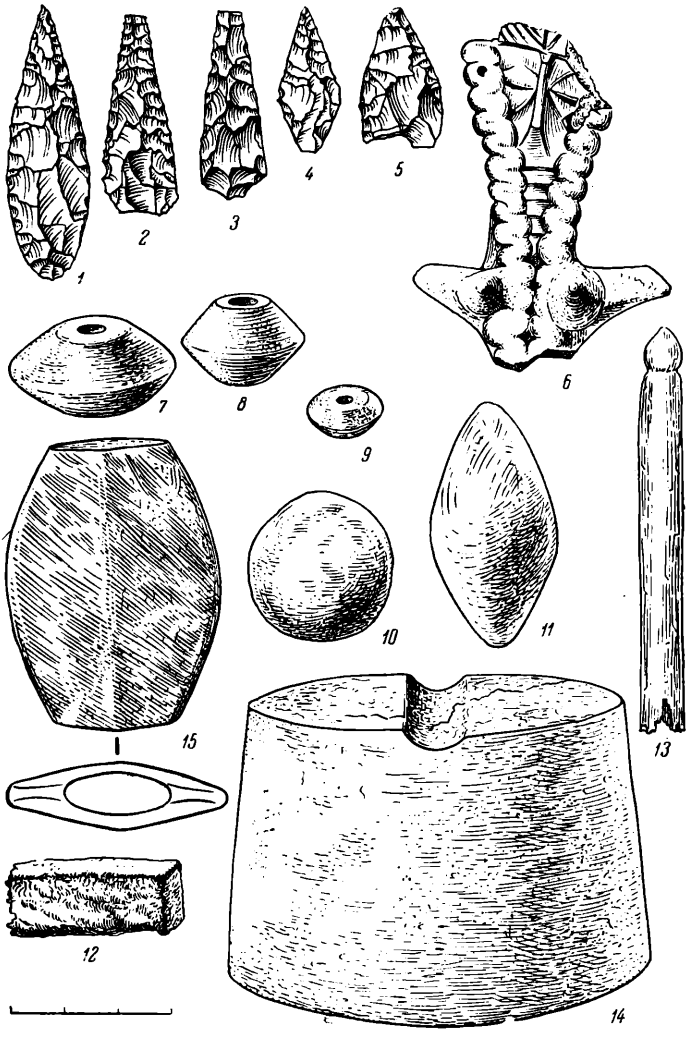


Рис. 5. Находки с поселения Алтын-депе

обломок каменной печати красного цвета, лицевая сторона которой заполнена перекрещивающимися насечками. Особо отметим лавровидные наконечники стрел (кремневые и сланцевые) с двухсторонней обработкой с округлым или вогнутым основанием и обломок (голова и часть торса) женской статуэтки [4] (рис. 5).

Даже при беглом взгляде на вскрытые помещения видна обособленность отдельных групп комнат. Выделяется два замкнутых комплекса. Первый состоит из помещений 1, 2, 26, 34 и 36, второй — из помещений 28, 33, 35 и 47. Попытаемся на основании планировки, характера постройки и материала определить назначение помещений. Комнаты 1 и 2 можно определить как жилые. Четкость возведенных стен, тщательность

[4] Находки эти характерны для памятников типа Намазга V (конец III—начало II тысячелетия до н. э.) Южной Туркмении, в частности подобная статуэтка опубликована в статье Б. А. Куфтина «Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г.». «Труды ЮТАКЭ», т. VII. Ашхабад, 1956, стр. 287—288, рис. 38—39, крупный план внизу.

внутренней отделки, выход на улицу и во двор, немногочисленность грубых керамических изделий, очаг для обогревания служат, по нашему мнению, достаточным основанием для такого определения.

Помещение 26 сообщается с помощью узкого дверного проема с помещением 2 и другого выхода не имеет. Найденные здесь кости, а у южной стены остатки туши животного, наталкивают на мысль об использовании помещения как кладовой для хранения запасов. В пользу этого предположения говорит также некоторая узость помещения по отношению к комнатам 1 и 2 и однослойная штукатурка стен.

Помещение 1 с момента первоначальной постройки имело выход во двор *А*, затем к нему были пристроены две комнаты-клетки (помещения 36 и 34). Помещения 36 и 34 не имеют ни четкости стен комнаты 1, ни толстой и тщательной штукатурки комнаты 2. Стенка-перегородка вовсе не была оштукатурена. Толщина стен помещений 34 и 36 в два раза тоньше стен помещений 1 и 2. Большое количество фрагментов керамики (самой разной по технике изготовления и по назначению), так же как и приведенные выше аргументы, позволяют высказать мнение о хозяйственном назначении помещений 34 и 36.

Второй строительный комплекс (помещения 28, 33, 35 и 47) вплотную примыкает к первому с западной стороны. Если первый комплекс помещений ориентирован длинными сторонами с востока на запад, то помещения второго комплекса ориентированы длинными сторонами с юга на север. Первый и второй комплексы дверными проемами не соединены. Следовательно, можно рассматривать первый и второй комплексы как самостоятельные единицы.

Помещение 28 в плане гораздо у́же 33-го и 35-го. Оно глухое (за исключением выхода в помещение 33), оштукатурено в один слой. Найденные здесь хум, горшки, каменные пряслица, обломок бронзового пробойника, выпрямитель древков стрел — все это позволяет отнести это помещение к хозяйственно-производственному.

Особым качеством внутренней отделки отличаются помещения 33 и 35. Оба имеют по нескольку дверных проемов и ниши. Показательна толщина штукатурки на стенах (в помещении 33 семь слоев — 7 см). Одна из стен помещения 33 окрашена в красный цвет. Стены по толщине везде равные. Здесь найдены фрагменты керамики преимущественно тонкой обработки. Суммируя все это, помещения 33 и 35 можно отнести к жилым. Помещение 47, видимо, играло роль вестибюля, о чем свидетельствует его небольшая ширина и почти полное отсутствие находок. Через него осуществлялся выход из всего комплекса на улицу. Помещение 29 является не чем иным, как пространством между стенами. Оно использовалось для выброски золы и кухонных отбросов. Помещение 27 — типичная хозяйственная клеть, построенная во дворе. Кривые и не оштукатуренные стены его сложены из разного по цвету кирпича. Ромбовидность плана, отсутствие дверных проемов, размеры, характер находок — все это позволяет определить его как хозяйственное помещение.

Итак, в результате работ на Алтын-депе получен интересный материал, позволяющий по-новому поставить вопрос о жилых планировках эпохи бронзы. В частности, ясно, что население Алтын-депе на рубеже III—II тысячелетий до н. э. жило не в аморфных многокомнатных массивах, а в отдельных домах с несколькими комнатами, из которых и состояли жилые кварталы. В этих домах, вероятно, жила небольшая семья, которая пользовалась особой кухней. Раскопки 1968 г. полностью подтвердили наблюдения 1967 г. В этом году был открыт замкнутый строительный комплекс, в котором также выделяются жилые и хозяйственные помещения. Кроме того, найдена кухня, которая в отличие от открытых ранее находилась уже в небольшом по площади помещении, соединенном с жилой комнатой великолепно сохранившимся дверным проемом.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 127 1971 год

Г. Ф. КОРОБКОВА, А. М. МАНДЕЛЬШТАМ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ С МАНГЫШЛАКА

Во время разведывательных работ, проведенных в 1963 г. Закаспийским отрядом на Мангышлаке, здесь наряду с другими памятниками был обнаружен ряд новых местонахождений с кремневым инвентарем. Несмотря на то, что материалы носят подъемный характер, они достаточно выразительны и могут быть хотя бы ориентировочно датированы.

Ниже дается краткая характеристика их по отдельным пунктам находок.

1. Тюбеджик (колодцы в 36 км восточнее форта Шевченко). Сборы производились на берегах сая, в котором расположен ныне почти высохший источник. Находки концентрировались на ограниченном участке протяженностью в 150 м, отдельные предметы встречены у колодцев и в смывах.

Коллекция насчитывает 153 кремневых предмета: отщепы — 119 экз., обломки пластин без следов употребления — 24, нуклеусы — 6 и орудия — 4 экз. В качестве сырья использовался серый непрозрачный кремень, источники которого отмечены в известняках датского яруса верхнего мела в районе Карынжарыка (Восточный Мангышлак) [1]. Техника обработки камня пластинчатая, без микролитоидных черт. Характерными заготовками для орудий являлись широкие крупные призматические пластины с неровными боковыми краями, нередко оформленные односторонней краевой ретушью, нанесенной только со стороны спинки. Призматические пластины правильных очертаний здесь единичны, микропластинки отсутствуют. По составу инвентаря Тюбеджик удивительно напоминает пункт Чагыл II, расположенный в Прикарабугазье [2]. Там тоже представлены в основном обломки нуклеусов, отбросы производства и единичные орудия. По-видимому, и рассматриваемый памятник относится к разряду временных стойбищ, где люди останавливались на незначительное время, о чем свидетельствует минимальный процент орудий — 2,6%. Здесь же расщеплялся кремень, изготовлялись орудия.

Весь материал просматривался под микроскопом с целью установления функций орудий и технических деталей оформления рабочих лезвий. Нуклеусы представлены фрагментами атипичных или аморфных ядрищ со следами бессистемного скалывания с них пластин и отщепов (рис. 6, *1*). Среди орудий обнаружены отбойник, скребок и резчики-скобели. С типо-

[1] *А. В. Виноградов, В. В. Шолохов.* Новые неолитические находки с Устюрта. ВКК ФАН Узб. ССР, 1967, № 2, стр. 77—88.

[2] *Г. Ф. Коробкова, Л. Я. Крижевская, А. М. Мандельштам.* К вопросу о неолите Прикаспия (По материалам памятников Карабугаза). «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 61.

логической точки зрения эти орудия распределялись бы следующим образом: отбойник, скребок и пластины с ретушированным боковым краем. Таким образом, для первых двух орудий получено полное соответствие типологического и функционального определения. Расхождения имеются лишь в отношении резчиков-скобелей, функции которых не совпадают с их формами.

Отбойник сделан из небольшой кремневой гальки, сохраняющей на большей части площади естественную поверхность. Последняя частично нарушена следами сработанности в виде выбоин, стертых участков и царапин.

Скребок представлен концевой формой со слегка скошенным рабочим краем (рис. 6, *2*). Заготовкой для него служил обломок широкой призматической пластины длиной 2 см, шириной 1,3 см. Лезвие оформлено мелкой плоской заостряющей ретушью, нанесенной по краю со стороны спинки. Оно сильно сработано, о чем свидетельствует скругленность кромки лезвия, интенсивная заполированность всего рабочего края, линейные следы, перпендикулярные лезвию. Это орудие использовалось для обработки шкур животных.

Резчики-скобели (2 экз.) изготовлены из широких массивных пластин: один — на реберчатой пластине (рис. 6, *3*), второй — на призматической, ножевидной (рис. 6, *4*). Особенно интересен с функциональной стороны первый экземпляр. Длина его 3,2 см, ширина 2,1 см. Одно лезвие отделано со стороны спинки краевой мелкой заостряющей ретушью, другое

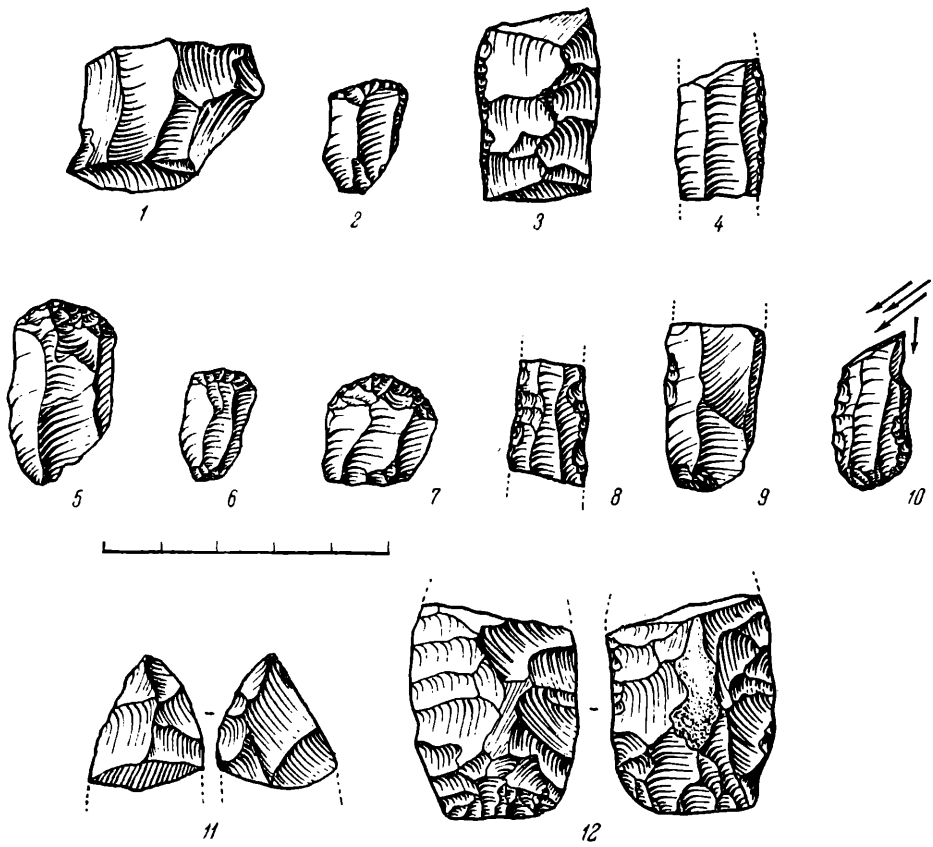


Рис. 6. Предметы из кремня

1—4 — Тюбеджик; *5—12* — Кулиа

Рис. 7. Кулиз: общий вид головной части сая

имеет естественно полученный при расщеплении режущий край. В работе использовалось неретушированное лезвие, частично поврежденное при употреблении. Аналогичные детали оформления лезвий и следы сработанности имеет и второй резчик-скобель. Оба они применялись для обработки деревянных предметов с плоской широкой поверхностью.

В коллекцию из Тюбеджика входит также раковина Didacna, часто встречающаяся на неолитических поселениях и стоянках Средней Азии[3]. Данный экземпляр не имеет никаких следов — ни обработки, ни ношения. По-видимому, это заготовка украшения, принесенная с берегов Каспийского моря.

2. Кулиз (источник в 160 км восточнее форта Шевченко). Сборы производились на берегах глубокого сая, начинающегося у источника (рис. 7). Находки концентрировались в головной части его: число их резко уменьшалось при удалении от края. Обследованный участок составил около 0,5 кв. км. Вблизи от источника имеются мазары, сложенные из кремнистой породы. Этот пункт является наиболее ярким и выразительным памятником, давшим богатую коллекцию каменных изделий (206 экз.). Орудия здесь составляют 11,2%. Они сделаны из типичного для данного района серого кремня и выполнены в характерной технической традиции. Для индустрии Кулиза также специфична примитивная пластинчатая техника обработки камня, когда основными заготовками были широкие призматические пластины с неровными боковыми краями. Последние массивны и имеют утолщенный ярко выраженный бугорок и крупную ударную площадку. Орудия оформлены более тщательно. При этом широко применялась двойная ретушь: односторонняя краевая, нанесенная со стороны спинки, и двусторонняя, сплошь покрывающая поверхность орудий. Как и в Тюбеджике, здесь также отсутствуют какие-либо микролитоидные черты в индустрии. Этим она сильно отличается от среднеазиатских неолитических комплексов, где микролитоидные элементы значительны[4].

Кремневый инвентарь Кулиза содержит 23 орудия, 3 обломка нуклеусов, 54 фрагмента пластин и 126 отщепов. С типологической точки зрения наши функциональные определения расходятся лишь в серии ножевидных пластин с ретушированными и необработанными краями.

[3] *А. В. Виноградов.* Неолитические украшения из створок раковин Didacna. КСИИМК, вып. 59, 1955.

[4] *Г. Ф. Коробкова.* Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. МИА, № 158, 1969, стр. 17—60, 80—142.

Самую большую серию составляют скребки (18 экз.). Среди них преобладают концевые на пластинах (11 экз.) и на отщепах (7 экз). Заготовками для первых служили либо целые призматические пластины, либо их обломки. Скребковое лезвие оформлено плоской пологой ретушью (рис. 6, *5—6*). Длина их 1,9—3,3 см, ширина 1,1—1,8 см. Боковые края лишены какой-либо вторичной подправки. Скребки на отщепах имеют подчетырехугольную форму и тщательное оформление рабочего края (рис. 6, *7*). Ретушь заостряющая, плоская и нанесена только со стороны спинки. Степень износа орудий незначительна.

Скобель представлен одним фрагментом (рис. 6, *8*). Он сделан из призматической, трапециевидного сечения пластины с неровными краями, отделанными со спинки ретушью. Края слегка вогнуты и выкрошены. Линейные следы прослеживаются лишь на отдельных выступающих участках лезвия. Это орудие употреблялось как скобель для обработки дерева.

В аналогичной функции использовалось и другое орудие — резчик-скобель (рис. 6, *9*), близкий по своим техническим данным тюбеджикскому. Он также сделан из широкой призматической пластины, у которой боковое рабочее лезвие использовалось без всякой подправки. Поэтому с типологической точки зрения подобные орудия напоминают ножевидные пластины без ретуши. По характеру следов сработанности они близки боковым скребкам, использованным при обработке шкур и выделке кож животных. Однако в отличие от них рабочий край резчиков-скобелей не имеет округлых очертаний и сильной заполированности, характерных для скребкового лезвия. Рассматриваемые орудия использовались для обработки дерева на широкой площади.

В коллекции имеется также один резец. Он срединного типа, многофасеточный. Лезвие его образовано тремя сколами с одной стороны и одним с другой (рис. 6, *10*). Длина орудия 2,8 см, ширина 1,2 см. В качестве заготовки использовалась широкая призматическая пластина, ретушированная со стороны ударной площадки и по боковым краям. Такая отделка нанесена в целях притупления обушковой части орудия, находящейся во время работы в руке. Лезвие сработано слабо: оно лишь слегка затуплено и выкрошено, линейных следов нет.

Двусторонне обработанные наконечники дротиков или копий представлены двумя фрагментами нижней и верхней части орудий (рис. 6, *11—12*). Они изготовлены из массивных пластинчатых отщепов, эллипсоидных в поперечном сечении и ретушированных сплошь по всей поверхности. Ретушь, оформляющая их поверхности, плоская, крупная, фасетки удлиненные, порою параллельные (рис. 6, *12*). У второго экземпляра она более глубокая, но также строго целенаправленная. Никаких следов сработанности лезвия не имеется. По-видимому, эти орудия служили лишь как наконечники дротиков или копий. По технике оформления поверхности, очертаниям заготовок и размерам они очень похожи на западноказахстанские [5] и усть-нарымские [6]. В целом индустрия Кулиза мало чем отличается от таковой Тюбеджика.

3. Киндерли. Сборы производились на восточном берегу бухты, носящей это название, недалеко от одноименного поселка. Все находки происходят из непосредственных окрестностей имеющейся здесь группы курганов. Один из предметов обнаружен в выбросе (?) из разграбленного погребения в плотном комке материкового (?) грунта, что, возможно, указывает на наличие здесь под поздними наносами культурного слоя.

[5] *А. А. Формозов.* Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 52.

[6] *Г. Ф. Коробкова.* Результаты изучения производственных функций каменных орудий из Усть-Нарыма. «Новые методы в археологических исследованиях». М.—Л., 1963, стр. 232.

Здесь найдено только три пластины: все они выполнены в характерной для данной группы местонахождений технической традиции из того же материала.

4. Удэк (овраг в 74 км восточнее форта Шевченко). Сборы производились на берегах оврага, в месте, где интенсивная окраска растительности позволяла предполагать наличие пересыхающего источника. Находки малочисленны и рассеянного характера: это шесть сильно окатанных кремневых предметов — конусовидный нуклеус с односторонним огранением, отщепы и осколки.

5. На 21 км по дороге Джетыбай-Узень: небольшой сай, начинающийся во впадине, где прослеживались признаки пересыхающего источника. Сборы производились в окрестностях впадины и по головной части сая. Здесь найдено лишь пять предметов: две ударные площадки от нуклеусов, тщательно подправленные короткими фасетками, два отщепа и одна призматическая пластина. По технике обработки и материалу все они идентичны предметам с других пунктов.

Индустрия рассмотренных новых местонахождений на Мангышлаке настолько сходна, что позволяет объединить все эти памятники в одну группу или единый культурный комплекс. Для них характерны: одинаковое сырье (серый непрозрачный патинизированный кремень); пластинчатая техника обработки (в основе которой лежит заготовка в виде широкой призматической пластины с неровными краями или обломок подобной пластины); односторонняя краевая заостряющая ретушь, нанесенная со стороны спинки, реже двусторонняя сплошная. Основными типами орудий являются концевые скребки без обработки продольных краев, скобели и резчики-скобели, двусторонне обработанные наконечники дротиков или копий и единичные резцы.

Данный комплекс наиболее близок к индустрии западноказахстанского неолита, где также представлена техника крупных пластин и частично отщепов, двусторонне обработанных наконечников дротиков или копий и скребков [7]. Некоторые черты сходства мангышлакские материалы имеют и с неолитом Устюрта (идентичные заготовки и технические приемы оформления скребков, широкие пластины и их обломки, единичные резцы и другие черты) [8] и прикарабугазским комплексом (крупные пластины, резцы и концевые скребки) [9]. Однако, несмотря на это общее сходство, в целом инвентарь рассматриваемых нами памятников достаточно своеобразен. Здесь нет типичных для Западного Казахстана, Устюрта и Прикарабугазья микропластин с притупленным краем, со скошенным концом, с противолежащей ретушью. По сравнению с перечисленными выше районами здесь более единообразная техника нанесения ретуши, малочисленны скребки на отщепах, отсутствуют концевые скребки с ретушированными продольными краями и наконечники стрел.

Суммируя сказанное и принимая во внимание отмеченные различия между мангышлакскими материалами и индустрией окружающей территории, можно прийти к заключению, что рассматриваемая группа памятников Мангышлака должна быть объединена в единый культурно-хронологический комплекс. Однако из-за отсутствия достаточного количества материалов из данного района пока трудно решить, является ли он вариантом западноказахстанского неолита (с которым имеет небольшое сходство), его этапом, или выделяется в самостоятельную культуру. Пока

[7] *А. А. Формозов.* Кельтеминарская культура в Западном Казахстане, стр. 49—58; *он же.* Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 141—147.

[8] *А. В. Виноградов.* Неолит Устюрта. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 64—75.

[9] *Г. Ф. Коробкова, Л. Я. Крижевская, А. М. Мандельштам.* К вопросу о неолите Прикаспия..., стр. 55—63.

лишь можно предполагать, что этот комплекс в хронологическом плане стоит несколько позднее прикарабугазского и западноказахстанского, о чем свидетельствует состояние техники обработки камня и оформления орудий, заготовки, а также типы орудий. В относительной хронологии — это поздний неолит. Абсолютная датировка пока затруднительна. Можно лишь предположить, принимая во внимание аналогии с позднекельтеминарскими памятниками и Усть-Нарымом, что данный комплекс ориентировочно следует отнести к III тысячелетию до н. э.[10] Нужно надеяться, что дальнейшие исследования на Мангышлаке позволят уточнить вопросы хронологии и культурной принадлежности рассматриваемой группы памятников.

[10] *А. В. Виноградов.* Неолитические памятники Хорезма. М., 1968, стр. 143—152; *Г. Ф. Коробкова.* Орудия труда и хозяйство неолитических племен..., стр. 171.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 127 1971 год

А. РАДУНЧЕВА (София)

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ КЛИСЕДЖИК (СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ БОЛГАРИЯ) В 1967 Г.

В 1967 г. были продолжены раскопки энеолитического поселения Клиседжик у с. Виница (южнее г. Преслава), начатые в 1965 г.[1] В этом сезоне исследования охватили всю северную половину поселения. Были продолжены и раскопки некрополя поселения, расположенного к востоку и юго-востоку от него. На северной половине холма, менее, чем южная нарушенной средневековым кладбищем, полностью вскрыт предпоследний (при отсчете сверху вниз) строительный горизонт. Постройки здесь были прямоугольными, средний размер их 8 × 5,60 м. Каждая из них разделена внутренней перегородкой на две части: большая имела жилое назначение, меньшая — хозяйственное. В последней находилась печь, здесь хранили запасы пищи, сосуды и пр. Жилища такого же плана известны в энеолитических слоях Каранова[2], «Азмашкой могилы»[3], Русе[4] и др. Крыши, очевидно, были двускатными. Постройки располагались очень тесно: расстояние между ними колебалось от 20 до 40 см. Жители поселения стремились застроить все пространство верхней площадки холма. Однако от северной периферии к центру холма вела своеобразная «улица» — проход шириной 1,50 м. Центр же полностью разрушен средневековой церковью.

Материалы исследованного горизонта характерны для второй половины энеолита. Инвентарь каждого жилища состоял из многочисленных и разнообразных предметов: орудий труда, украшений, антропоморфных статуэток из глины и кости. Все эти изделия находят прямые аналогии среди находок из энеолитических поселений Коджа-Дермен[5], Султан[6], Салманово[7], Русе[8] и др.

К тому же времени относится и последний — нижний — строительный горизонт. Он охватывает несколько большую площадь, но и его постройки расположены почти вплотную друг к другу. Жилища здесь

[1] *А. Радунчева.* Поселение и некрополь эпохи энеолита у с. Виница в Северо-Восточной Болгарии. КСИА, вып. 115, 1969.
[2] *G. I. Georgiev.* Kulturgruppen der Jungstein- und Kupferzeit in der Ebene von Thrazien (Sudbulgarien). «L'Europe à la fin de l'âge de la pierre». Praha, 1961.
[3] *Г. И. Георгиев.* Главни резултати от разкопките на Азмашката селищна могила през 1961. ИАИ, XXVI, 1963.
[4] *Г. И. Георгиев и Н. Ангелов.* Разкопки на селищната могила до гр. Русе през 1950—1953. ИАИ, XXI, 1957.
[5] *Р. Попов.* Коджадерменската могила при гр. Шумен. ИАИ, VI, 1916—1918.
[6] *В. Николаев.* Могилата при с. Султан, Поповско. ГНМ, IV, 1922—1925.
[7] *Р. Попов.* Предисторическата Денева могила до с. Салманово. ИАД, IV, 1914.
[8] *Г. И. Георгиев и Н. Ангелов.* Указ. соч.

Рис. 8. Глиняный сосуд из поселения у с. Виница, вторая половина энеолита

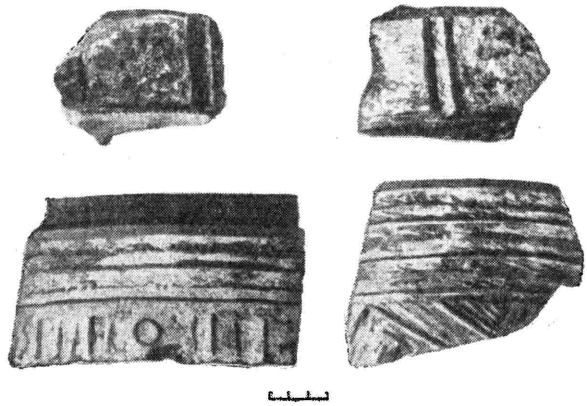


Рис. 9. Керамика из нижнего слоя поселения у с. Виница

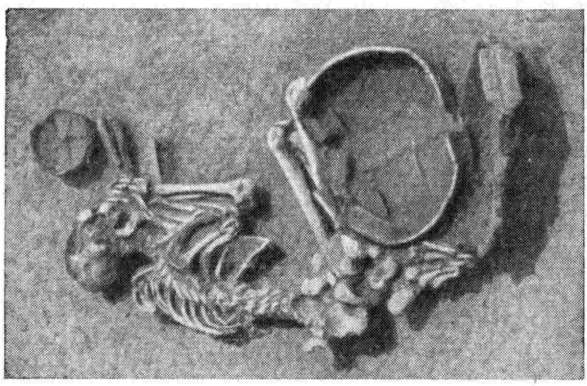


Рис. 10. Погребение из некрополя поселения у с. Виница, вторая половина энеолита

разделены внутри двумя рядами кольев (рис. 8). Крыша, возможно, была горизонтальной между этими рядами, а по обе стороны их спускалась скатами. До сего времени застройка поселения домами подобного плана в Болгарии не зафиксирована. Интересно, что ни в одном из восьми жилищ, занимавших всю площадь поселения, не была найдена печь. Лишь в крайнем северо-восточном жилище открыто квадратное сооружение, с трех сторон огражденное высоким глиняным парапетом, сделанным весьма тщательно. Четвертая сторона (южная) полностью открыта. Ре-

гулярного зольно-угольного слоя, характерного для печи или очага, здесь нет. Возможно, сооружение это является остатками алтаря.

Последний горизонт является наиболее насыщенным находками. Найдено значительное число сосудов, характерных для второй половины энеолита (см. рис. 8), много орудий труда и статуэток. При изготовлении глиняных зооморфных статуэток древние мастера подчеркивали характерные черты конкретного животного. Наряду с изображениями домашних животных найдены фигурки медведя и лисы. Встречен зооморфный сосуд, расписанный желтой и белой красками.

В южной половине поселения открыты остатки массивной деревянной ограды, состоявшей из двух параллельных рядов кольев. Расчищенный участок ограды имеет длину 32 м. Он полукругом охватывает южную часть поселка. Столь хорошо сохранившаяся деревянная оборонительная система впервые встречена на болгарском энеолитическом поселении.

Материалы древнейшего строительного горизонта аналогичны находкам на поселении Радуване (Румыния), которые Е. Комша относит к переходному периоду от культуры Баян к культуре Гумельницы [9] (рис. 9).

Следует отметить, что ни в одном жилище не было найдено обугленного зерна, что оставляет открытым вопрос об основе хозяйства древнейшего поселения.

В 1967 г. на некрополе поселения расчищено 17 погребений, часть которых снабжена богатым инвентарем. Как и в раскрытых ранее погребениях [10], покойники лежат скорченно на левом боку, головой на юго-восток, с кистями рук перед лицом. Сосуды многочисленны. В четырех могилах найдены металлические клинья, а в одной — вместе с клином — проушной топор-молот, ожерелье и весьма характерные сосуды (рис. 10). В другом случае — также вместе с клином и сосудами — найдена золотая подвеска, лежавшая у головы покойника. Такая же подвеска найдена еще в одном погребении.

В связи с наличием, с одной стороны, столь богатых, а с другой — полностью лишенных инвентаря погребений, возникает вопрос о причинах такого резкого различия. Очевидно, следует допустить определенное имущественное неравенство.

Ясно, что во второй половине энеолита, а точнее в конце ее, обитатели исследуемой территории имели уже полностью оформленные религиозные представления, о чем свидетельствует единый погребальный обряд. Это подтверждается исследованием ряда некрополей (у с. Лиляк [11], в окрестностях Варны [12] и др.). Этот обряд соответствует достаточно высоко организованному обществу, в котором наметилась имущественная дифференциация, а парная семья являлась основной ячейкой. Последнее подтверждается и сравнительно небольшими размерами жилищ.

С завершением раскопок поселение будет исследовано полностью.

[9] *Е. Комша.* К вопросу о переходной фазе от культуры Баян к культуре Гумельница. «Dacia», т. V, 1961, стр. 39—68.
[10] *А. Радунчева.* Указ. соч.
[11] *Д. Овчаров.* Енеолитен некропол до с. Лиляк, Търговишко. «Археология», кн. I, 1963, стр. 53—56.
[12] *М. Мирчев.* Три погребения от енеолитната епоха. ИВАД, 1961, XII, стр. 117—125.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 127 1971 год

А. Л. НЕЧИТАЙЛО

НОВЫЕ НАХОДКИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ

В последние годы коллекции Ставропольского музея пополнились рядом случайных находок с территории Ставропольского края.

Наконечник копья. Весной 1967 г. при вспашке виноградных плантаций винсовхоза «Бештау» Минераловодского района близ пос. Дунаевка (расположенного севернее Пятигорска) жителем этого поселка Г. М. Сагайдак был найден бронзовый наконечник копья и доставлен в Ставропольский музей (инв. № 15 053). Это пока единственный прорезной наконечник копья в фондах музея. Наконечник втульчатый, с лавролистным пером, боковые грани его равномерно округлены. Длина наконечника 11,5 см, из них 9,8 см — перо. Прорезы обрамлены низкими бортиками. В нижней части круглой в сечении втулки два отверстия для крепления наконечника на древке (рис. 11, *1*).

В 1951 г. А. А. Иессен отмечал, что на Северном Кавказе не известно «ни одного наконечника копья с прорезями в крыльях листа, широко распространенных в Северном Причерноморье в конце эпохи бронзы; в частности, на Дону их сейчас известно не менее пяти и из Астраханского района — один» [1].

Факт находки описанного наконечника говорит о проникновении прорезных копий в Пятигорске. Ближайшую аналогию нашему наконечнику находим в копье из окрестностей селений Терекли—Мектеб, которое Е. И. Крупнов помещает в раннем этапе (XI—VII вв. до н. э.) культур центральной части Северного Кавказа I тысячелетия до н. э.[2]

Также близки новой находке копья из Среднего [3] и Нижнего Поднепровья [4] и копья переходной формы между первыми и вторыми типом, по А. В. Збруевой [5]. К числу близких аналогий относится прорезное копье Сабанчеевского клада, датированное Н. Я. Мерпертом IX в. до н. э.[6] По-видимому, и Пятигорский наконечник копья относится к этому же времени.

Кельт. В 1967 г. на восточной окраине г. Ставрополя, на левом бе-

[1] *А. А. Иессен.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки. МИА, № 23, 1951, стр. 112.
[2] *Е. И. Крупнов.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 121, табл. XI, рис. 5 и сводная таблица перед стр. 137.
[3] *А. И. Тереножкин.* Среднее Приднепровье в начале железного века. СА, 1957, № 2, стр. 51, рис. *3*, *13*, *14*.
[4] *О. А. Кривцова-Гракова.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 146, рис. 34, *31*, *32*.
[5] *А. В. Збруева.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 96, табл. XX, *13*, *14*, *16*, *18—20*.
[6] *Н. Я. Мерперт.* Сабанчеевский клад. Новое в советской археологии. МИА, № 130, 1965, стр. 149—151, рис. 1, *1*.

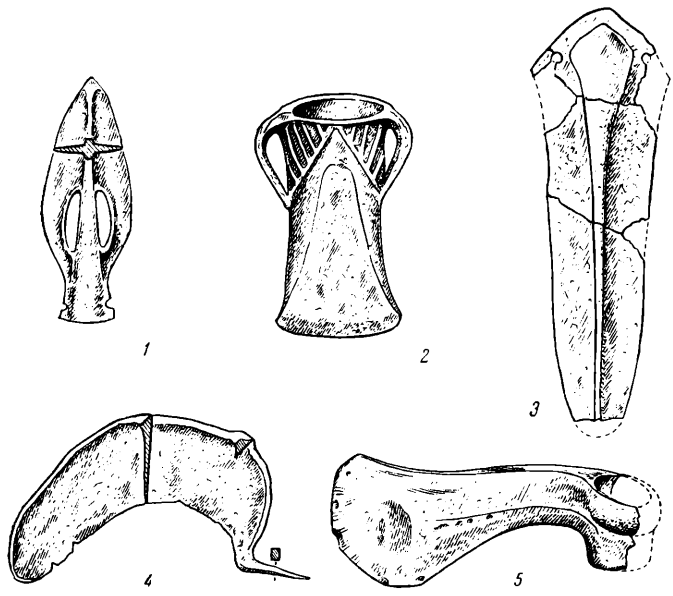


Рис. 11. Новые находки эпохи поздней бронзы

1 — бронзовый наконечник копья, пос. Дунаевка; *2* — бронзовый кельт, г. Ставрополь; *3* — бронзовый кинжал, Новая Джегута; *4* — медный серп, с. Птичье; *5* — бронзовый топор, Архыз

регу речки Туапсинки, при вскапывании огорода на глубине одного штыка В. А. Гайдуковым был обнаружен бронзовый кельт и сдан в музей (инв. № 15 183). Никаких других вещей здесь найти не удалось. Длина кельта 11,3 см. Втулка овальная в сечении с валиком по краю. Большие ушки примыкают к верхнему срезу орудия. В верхней части, около ушек, рельефными валиками нанесен орнамент в виде четырех заштрихованных уголков. Лезвие расширенное, слегка закругленное (рис. 11, *2*), но он, несомненно, входит в группу степных двуушковых кельтов, выделенную на Северном Кавказе А. А. Иессеном[7].

Еще В. А. Городцов связал эти кельты с территорией распространения киммерийской культуры (Приднепровье и Северное Причерноморье), датировав их XI—VII вв. до н. э.[8]

Вслед за А. А. Иессеном, Е. И. Крупновым, Н. Я. Мерпертом можем сказать, что на Кавказ двуушковые кельты попадали с севера — с Дона, Украины и Поволжья[9]. Появление кельтов, так же как и прорезных наконечников копий, на Ставрополье определенно связывается с влиянием степной культуры и приходом ее носителей — киммерийцев/

Серп. Летом 1966 г. в обрезе оросительного канала на глубине 0,2 м близ с. Птичьего (в 17 км к северу от г. Изобильного) школьник В. Трушев случайно увидел медный серп и принес его в музей (инв. № 15 184). Серп с равномерно изогнутой спинкой без резкого ее перегиба. Спинка серпа отчетливо утолщенная с резким уменьшением толщины к режущему краю. Наибольшая ширина серпа 6,5 см. На спинке ближе к стержню рукояти вливался металл (рис. 11, *4*). Подобные серпы А. А. Иессен относил ко второй группе прикубанских серпов позднего

[7] *А. А. Иессен.* Указ. соч., стр. 86—87.

[8] *В. А. Городцов.* К вопросу о киммерийской культуре. «Труды секции археологии РАНИОН», т. II, стр. 54—57.

[9] *А. А. Иессен.* Указ. соч., стр. 86; *Е. И. Крупнов.* Киммерийцы на Северном Кавказе. МИА, № 68, 1958, стр. 180, рис. 1; *он же.* Древняя история Северного Кавказа, стр. 117—118; *Н. Я. Мерперт.* Указ. соч., стр. 152.

бронзового века, только считал невыясненным место вливания металла [10]. На нашем же серпе это место ярко обозначено.

Найденное орудие очень сходно с половиной бронзового широкого серпа с крюком из погребения 3, вскрытого А. С. Уваровым близ с. Константиновки [11].

Топор. В 1960 г. школьники станицы Зеленчукской в устье Линевой балки, расположенной по правую сторону реки Б. Зеленчук, недалеко от Нижнего Архыза нашли бронзовый топор, который поступил в Ставропольский музей (инв. № 14 172).

Топор изящной формы с изогнутым клинком и свисающим обухом. Лезвие его округлое, секировидное, проушина круглая, в верхней части обуха выпуклость (рис. 11, 5). Лезвийная часть топора по изогнутости приближается к топорам I кобанского типа. А. А. Иессен такие топоры синхронизирует с топорами поздней бронзы колхидско-кобанских типов, подчеркивая наличие на Северном Кавказе, к северо-западу от области распространения кобанских бронз, локальных форм бронзовых топоров [12], к одной из которых можем отнести и топор из Архыза.

Кинжал. 15 апреля 1967 г. у слияния рек Джегута и Эльтеркач (правые берега обеих рек), около аула Новая Джегута при вспахивании трактором этой территории на глубине 0,2—0,3 м Х. И. Текеевым был найден бронзовый кинжал и передан в музей (инв. № 15 185).

Кинжал с расширенным в верхней части клинком, раскованными краями. В верхней части его два гнезда для крепления рукояти. Рукоять была найдена здесь же вместе с лезвием. Представляла она собой два сильно измятых бронзовых обломка с прорезным орнаментом в виде треугольников. Длина лезвия кинжала 19,5 см (рис. 11, 3).

Джегутинский кинжал имеет ближайшие аналогии среди кинжалов Кобани [13], дополняет очень маленькое число типично кобанских кинжалов, обнаруженных к северу и северо-западу от Пятигорья и Кабарды [14] и поэтому является важной находкой.

[10] *А. А. Иессен.* Указ. соч., стр. 110—111, рис. 48, *2*.
[11] *Е. И. Крупнов.* Древняя история Северного Кавказа, стр. 120, табл. XIII, *2*.
[12] *А. А. Иессен.* Указ. соч., стр. 96—97, рис. 26, *2, 3*.
[13] *П. С. Уварова.* Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII, табл. XI, *2, 3*.
[14] *А. А. Иессен.* Указ. соч., стр. 82—83, рис. 5, *1, 2, 5*.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 127 1971 год

В. И. МАРКОВИН

КУРГАНЫ КОНСТАНТИНОВСКОГО ПЛАТО У Г. ПЯТИГОРСКА

Курганы эпохи бронзы, расположенные вдоль Константиновского плато в районе г. Пятигорска, привлекли внимание исследователей уже в конце XIX в. В 1881 г. здесь производил раскопки Д. Я. Самоквасов. Найденные материалы он отнес к киммерийской эпохе по принятой им пятичленной периодизации[1]. Результаты раскопок заинтересовали А. С. Уварова, который посвятил им особую статью[2] и пытался собрать коллекцию предметов из указанных курганов[3]. Раскопки Д. Я. Самоквасова у Пятигорска и Кисловодска («Три Камня») позволили А. А. Спицыну выделить Терский район древностей с «окрашенными костяками»[4]. В 1902—1910 гг. в районе Пятигорска работал В. Р. Апухтин[5]. Все эти работы способствовали выделению В. А. Городцовым северокавказской археологической культуры[6].

Раскопки курганов Константиновского плато возобновились только в 50—60-х годах. В 1951—1952 гг. два кургана раскопал краевед И. С. Гумилевский[7]. В 1965 г. еще два кургана были исследованы Э. В. Ртвеладзе и Е. Е. Ивашневым[8]. В 1966 г. мною исследовано еще три кургана[9], два из них дали материалы, особенно характерные для группы в целом.

Курган 1 (5) высотой около 3 м и диаметром 27 м опоясан спиралью-кромлехом, образующим три витка вокруг каменного завала в его центре. Кромлех сложен из речных валунов и плит травертина (до 1,20 × 0,80 × × 0,20 м), положенных плашмя, врытых под углом или поставленных на ребро. Уровень, на котором обнаружены камни кромлеха, различен. Внеш-

[1] *Д. Я. Самоквасов.* Могильные древности Пятигорского округа. «Труды V АС в Тифлисе». М., 1887, стр. 57; *он же.* Основание хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей. Варшава, 1892, стр. VII—VIII; *он же.* Описание археологических раскопок и собрание древностей. «Труды Московского комитета по устройству Черниговского АС». М., 1908, стр. 23—37, 41—50.

[2] *А. С. Уваров.* Раскопки Самоквасова. Сборник мелких трудов. М., 1910, стр. 153—156.

[3] «Каталог собрания древностей А. С. Уварова», отделы IV—VI. М., 1907, стр. 7, № 30, рис. 4.

[4] *А. А. Спицын.* Курганы с окрашенными костяками. ЗРАО, т. XI, вып. I и II. СПб., 1899, стр. 53, 74, 81.

[5] ИАК, вып. 34, 43, 52 (прибавления). СПб., 1910—1914.

[6] *В. А. Городцов.* Бытовая археология. М., 1910, стр. 250 и сл.

[7] *И. С. Гумилевский.* Отчет о раскопках. Архив ИА АН СССР, ф. Р-1, д. 580, 1951 г.; д. 1495, 1952 г.

[8] Отчет Э. В. Ртвеладзе см.: Архив ИА АН СССР, ф. Р-1, д. 3230, 1965 г.

[9] В работах принимали участие В. И. Марковин, М. И. Рыбенко, Е. Е. Ивашнев, Н. Г. Полихрониди, Г. М. Епремян, Л. А. Булава, Г. Г. Синельникова и группа школьников. Курганам была дана двойная нумерация с учетом раскопок 1951—1952 гг.

нее его звено находилось на глубине 1,52 м от центра кургана, внутреннее — опускалось до глубины в 2,20 м, а близ центра кромлех снова поднимался до высоты в 1,30 м. Несмотря на такую разницу, конструкция кромлеха не нарушена. Вероятно, спираль создавалась в процессе возведения насыпи, начиная от центра кургана (рис. 12).

Погребение 1 (на глубине 1,29 м от центра кургана) вписано в виток кромлеха, примыкающий к центральному завалу. Каменный ящик (0,90 × 0,40 м при глубине в 0,30 м) сложен из шести плит и перекрыт двумя плитами травертина, ориентирован, как и виток кромлеха в этой части кургана, с севера на юг. Ящик воздвигнут на гравийном выкиде из центральной могилы. Погребение детское (от костяка сохранился лишь тлен), оно сопровождалось черно-глиняным горшком округлой формы с четко выделенным дном (рис. 13).

Погребение 2 обнаружено на той же глубине за пределами выкида из центральной могилы и было вписано в спираль кромлеха. Сооружение представляет собой удлиненный склеп (2 × 0,90 м при глубине 0,47 м), камни которого положены плашмя в два-три ряда. Склеп ориентирован с юго-запада на северо-восток. Центральная часть его прикрыта древесными плахами. Костяк лежит вытянуто на спине головой на юго-запад, кости покрыты красной охрой; находок не было.

После того как совершили данное захоронение, кромлех был восстановлен — над могилой найдены его отдельные камни.

Погребение 3 (на глубине 1,50 м) также было впущено в спираль кромлеха. Небольшая детская гробница (0,55 × 0,35 × 0, 19 м), сложена с трех сторон двумя рядами плит, сверху перекрыта пластами травертина и речными камнями. Ориентирована с юго-запада на северо-восток. Могила содержала костный тлен и два комка красной охры. В южном углу лежали обломки сосуда, аналогичного сосуду погребения 1. Поверхность его покрыта горизонтальными рядами елочного орнамента.

Погребение 4 (на глубине 2,40 м) обнаружено в первом витке кромлеха. Над гробницей возвышалось огромное количество обломков травертина; с юго-западной стороны она отмечена каменной стелой (0,35 × × 0,25 × 0,12 м). Гробница (2,26 × 0,80—0,50 × 0,55 м) ориентирована с северо-востока на юго-запад. Стены ее обрамлены плитами, положенными плашмя и на ребро. Зазоры в кладке заполнены обломками туфа. На дне расчищены вытянутые костяки женщины и ребенка. Оба ориентированы к юго-востоку (рис. 14, *1*). Костяк женщины уложен на травяную подстилку (сохранился тлен). Череп женщины лежал у правой руки. Возле него найдены кости овцы. В ногах стоял сосуд (рис. 13, *4*). Под сосудом и у колена правой ноги обнаружена красная охра, а под ступнями — зольное пятно. В области поясницы найдены: три полусферические бронзовые бляхи (рис. 15), 95 цилиндрических пастовых бусин, 12 чашевидных бусин, сделанных из зубов ископаемой ганоидной рыбы, и бусина — позвонок форели (рис. 13, *7—12*); бронзовая посоховидная булавка (рис. 13, *8*). Поверх женского костяка лежал детский скелет. Его череп находился на месте черепа женщины (тело ребенка положили в позе, аналогичной положению покойницы). На правой руке ребенка найдено 14 бронзовых подвесок (рис. 13, *6*). В области черепа обнаружено шесть височных колец из бронзы (рис. 13, *5*). По левую сторону погребенных прослеживались дубовые плахи[10]. В гробнице найдены угольки.

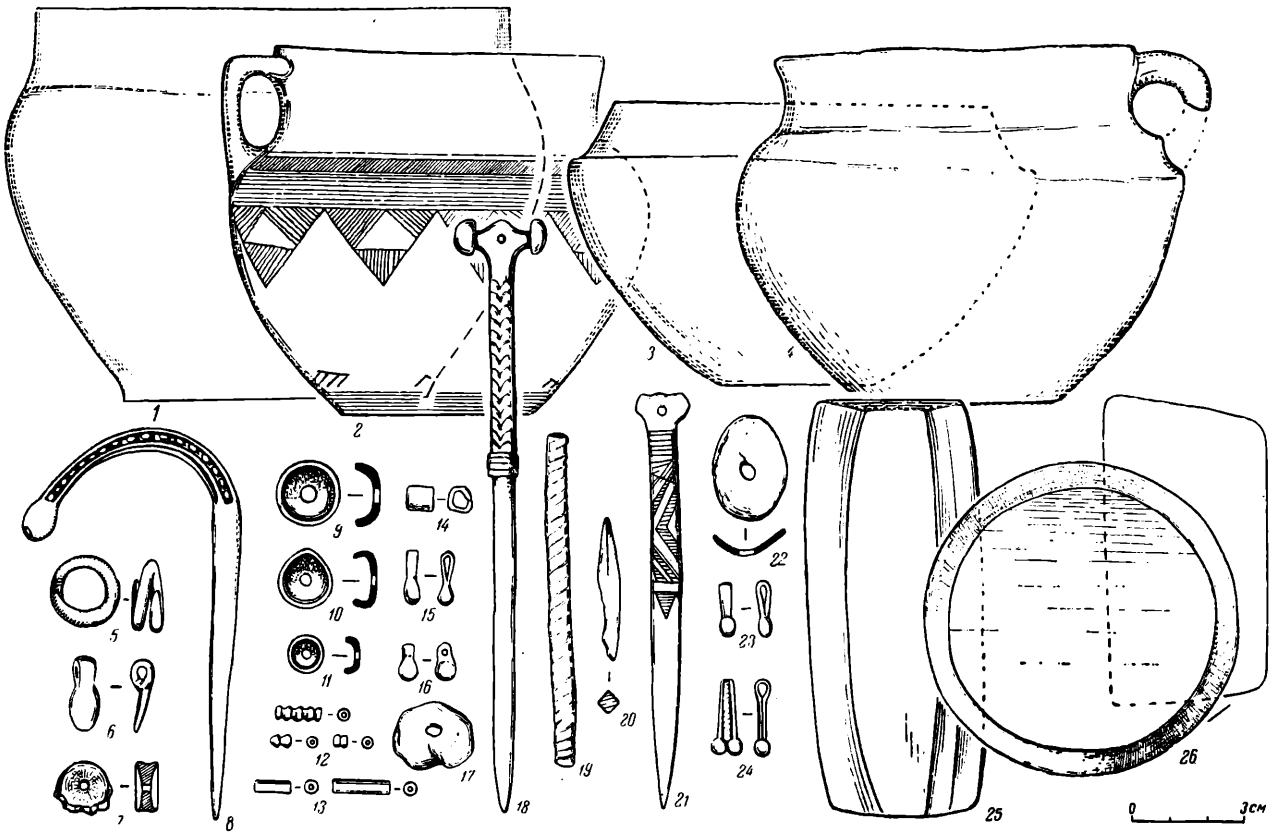
Погребение 5 впущено в слой гравия (на глубину 3 м) между кромлехом и центральным навалом камней. Это яма (1,80 × 0,80 × 0,10 м), обложена плитами и перекрыта деревом. Детский костяк вытянут на спине головой к юго-востоку. Руки покойного прижаты к туловищу. Каплевид-

[10] Дерево определено Г. Н. Лисицыной.

Рис. 12. План кургана 1 (5). Константиновское плато. Раскопки 1966 г. (цифрами обозначены погребения)

ными подвесками из бронзы (пять штук, рис. 13, *23*) украшены запястья ребенка. Между бедер лежала костяная молоточковидная булавка, покрытая резным узором (рис. 13, *21*) в области шеи найдена крупная перламутровая бусина (рис. 13, *22*).

Погребение 6 находилось под мощным завалом камней (площадь его 1,90 × 1,40 м), края которого в некоторых частях обложены плитами. Под ним обнаружен котлован подпрямоугольной формы: 4,20 × 3,05 м при глубине до 5 м (от вершины кургана), вытянутый с ССВ на ЮЮЗ. В нем вырыта могильная яма (2,50 × 1,50 × 0,40 м), ориентированная не очень точно с востока на запад. Северная ее половина обложена каменными плитами, а внутри обрамлена толстыми плахами тополя, вяза и



1—4 — сосуды; *5* — височное кольцо; *6, 15, 16, 23, 24* — подвески; *7, 9—14, 22* — бусы; *8, 18, 21* — булавки; *17*—колпачок; *19* — трубочка; *20* — шило; *25* — шлифовальный камень; *26* — терочник-курант; *1—4* — глина; *5, 6, 8, 14—20, 23, 24* — бронза; *7* — позвонок форели; *9—11* — зубы ископаемой рыбы Sparus или Sparnodus; *21* — кость или рог; *22* — речная раковина — перламутр; *25* — песчаник; *26* — серпентинит; *1* — погребение 1, курган 1 (5); *4—12* — погребение 4, курган 1 (5); *21—23* — погребение 5, курган 1 (5); *3* — погребение 3, курган 3 (7); *2, 24—26* — погребение 4, курган 3 (7)

Рис. 13. Инвентарь подкурганных погребений Константиновского плато

ясеня. Деревом была перекрыта и вся верхняя часть ямы. На дне могилы расчищен слегка окрашенный костяк, лежавший на спине, обращенный головой на восток (рис. 14, *2*). Ноги у него были подняты коленями вверх и в дальнейшем распались, приняв ромбовидное положение. Руки раскинуты в стороны. Слева от костяка найдена кучка красной охры. Возле черепа обнаружены бусины из пасты (*23* штуки, рис. 13, *13*) и бронзы (одна, рис. 13, *14*), бронзовая трубочка (рис. 13, *19*). Возле плеча левой руки два бронзовых колпачка (рис. 13, *17*). Семь каплевидных бронзовых подвеска (рис. 13, *15*, *16*) обнаружено возле черепа, у левого плеча, у локтя правой руки и у правого бедра. Бронзовые трубочки собраны у таза и вокруг ног костяка (10 штук, в длину достигают 9 см). Рядом с правым бедром лежала бронзовая молоточковидная булавка, покрытая литым орнаментом в виде змейки и выпуклого шнура (длина ее 15,7; см. рис. 13, *18*). В могиле прослеживались угли, в засыпке найдены бронзовое четырехгранное шило (рис. 13, *20*) и обломок сосуда.

Курган 3 (7) высотой 1,70 м, диаметром около 20 м, опоясан кромлехом диаметром в 17 м. В нем обнаружен выкид из центральной могилы, а над ним куча камней площадью в 6,10 × 4,80 м. В кургане находилось четыре погребения.

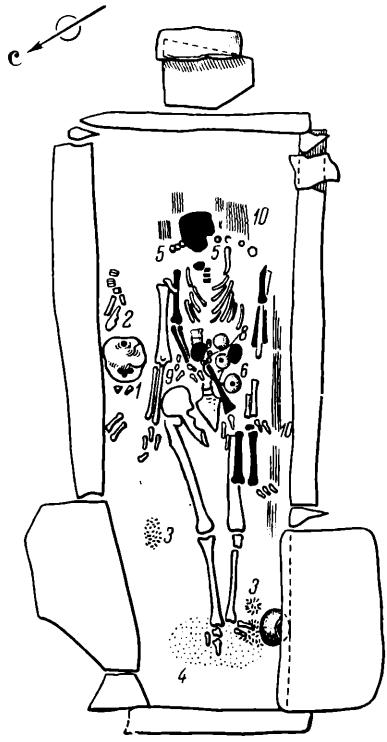
Погребение 1 вписано в кромлех. Гробница сложена из восьми плит (по одной плите с узких сторон), образуя камеру в 2,40 × 1,20 м при глубине 0,84 м от края плит. На дне обнаружен костяк, лежавший скорченно на правом боку головой к западу. Он лежал на носилках (судя по тлену от продольных планок). За затылком найден комочек красной охры. У южных плит гробницы возвышалась груда костей, принадлежавшая более раннему захоронению. Судя по размерам гробницы, этот погребенный некогда лежал в вытянутом положении (рис. 14, *3*).

Погребение 2 расположено между кромлехом и каменным завалом. Могильная яма (2,20 × 0,93 × 0,47 м), обрамленная по краям камнями а с южной стороны плитой. Погребенный лежал на спине, головой к югу. Правая рука под тазом. Между ногами и возле черепа красная охра. У правого плеча лежали кости коровы и обломки сосуда с ребристым корпусом.

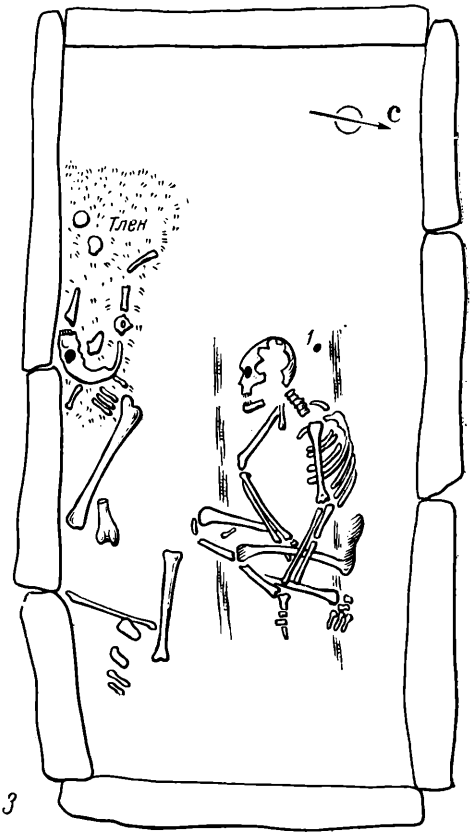
Погребение 3 в яме (2,45 × 1,10 × 0,27 м) обнаружено возле внутренней дуги кромлеха, завалено речным камнем. Могила ориентирована с северо-запада на юго-восток, с юго-восточной (узкой) стороны укреплена двумя плитами. Костяк лежал вытянуто на спине головой на юго-восток. Кисть левой руки находилась под тазом. Возле голени стоял горшок округлой формы с четко выделенной суживающейся шейкой (рис. 13, *3*).

Погребение 4 (центральное) завалено слоем камней, высотой в 2,40 м. Завал прикрывал яму с нечеткими контурами (2,50 × 1,50 м), которая постепенно суживалась в могилу (1,85 × 0,85 м), вытянутую с востока на запад и перекрытую деревом. Контуры ее очень нечетки. Западная стена укреплена плитами, дно округло. Костяк вытянут на спине головой к востоку (рис. 14, *4*). Инвентарь погребения состоял из комков красной охры (между колен покойного и возле правой стопы), 21 бронзовой подвески (у левой руки и левой стопы, рис. 13, *24*), пастовой бусины, круглого куранта, сделанного из зеленого серпентинита (рис. 13, *26*), двух шлифовальных песчаниковых плиток и сосуда с угловатой ручкой (покрыт орнаментом в виде заштрихованных треугольников (рис. 13, *2*).

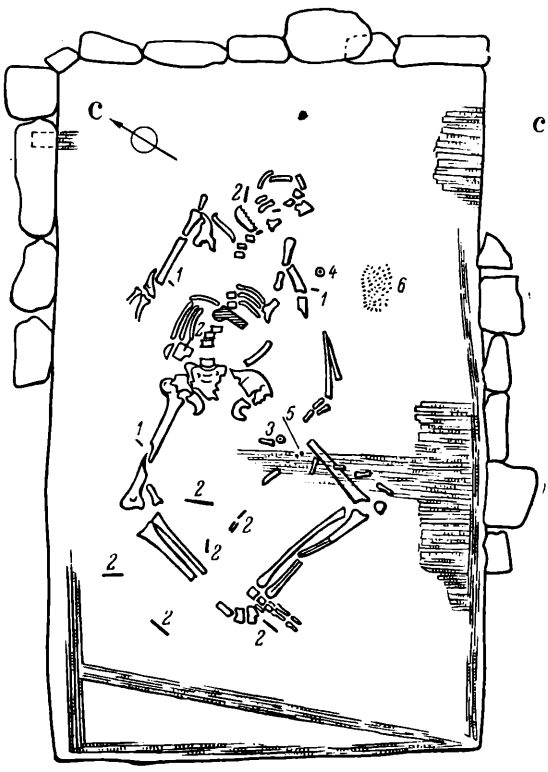
Курганы Константиновского плато обладают рядом характерных черт: наличием кромлехов-колец и кромлехов-спиралей, обнаруженных всеми исследователями; расположением периферийных могил в черте кромлеха; зависимостью ориентировки гробниц от направления данного участка кромлеха; каменными завалами над погребениями; ориентировкой центральных могил с запада на восток (с небольшими отклонениями).



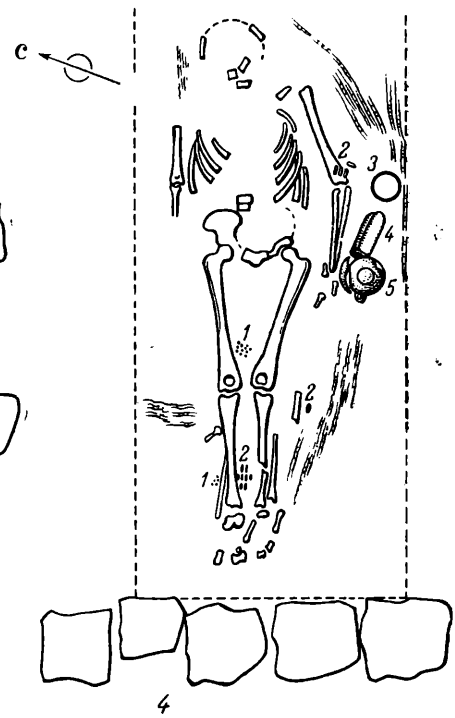
1



3



2



4

0 30см

Скорченные и вытянутые костяки в могилах, наличие охры и довольно единообразного инвентаря, сопровождающего захоронения, — таковы другие особенности, дающие право говорить об определенном культурном единстве данных курганов. Их можно отнести к кругу памятников северокавказской культуры[11], для которой характерно наличие в погребениях керамики, покрытой шнуровым и штампованным узором, топориков кабардино-пятигорского типа, бронзовых предметов, украшенных выпуклым литым орнаментом.

Материалы Константиновских курганов позволяют сделать несколько выводов, касающихся спорных вопросов изучения северокавказской культуры.

1. За последнее время оживился интерес к датировке памятников этой культуры. При этом возникла целая серия сопутствующих вопросов — о происхождении культуры, хронологическом и культурно-историческом осмыслении отдельных предметов, связанных с нею, появились сомнения в существовании особой северокавказской культуры эпохи бронзы. Остановимся на этих вопросах.

Датировка этапов данной культуры до сих пор крайне затруднительна, так как часто приходится иметь дело не с комплексами, а с отдельными случайными находками, что справедливо отмечено А. Хейслером[12]. В трехчленном (поэтапном) делении культуры мы исходили из того, что многие ее ранние погребения близки майкопским комплексам, отдельные черты таких погребений находят аналогии в закавказских древностях рубежа III—II тысячелетия до н. э., а инвентарь этих могил (в частности, листовидные ножи и керамика) позволяет весь материал датировать от начала II тысячелетия до н. э. и до времени около 1700 г. до н. э. Второй этап — период расцвета завершается около 1500 г. до н. э., когда, по мнению ряда исследователей (Т. Б. Попова, О. А. Кривцова-Гракова, М. И. Артамонов, И. В. Синицын и др.), начинается продвижение племен катакомбной культуры на Северный Кавказ. И, наконец, третий этап завершается концом II тысячелетия до н. э., когда, по А. А. Иессену и Е. И. Крупнову, возникают особенности новых культур последующего времени (прикубанской, кобанской). Понятно, что возможны уточнения нашей хронологической схемы. Сейчас В. А. Сафроновым предпринята передатировка отдельных памятников культуры (погребение кургана 7 станицы Андрюковской в Прикубанье, отдельные комплексы в могильниках у сел. Кумбулта и Галиат в Северной Осетии) в сторону их омоложения[13]. Однако В. А. Сафронов передатировке подвергнул памятники, в которых найдены кинжалы и топоры — предметы, слабо изменяющиеся с течением времени и широко распространенные

[11] *В. И. Марковин.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, № 93, 1960, стр. 54 и сл.

[12] *A. Häusler, V. I. Markovin.* Kultura plemen Severnogo Kavkaza b epochu bronzy. MIA, № 93. «Praehistorischen Zeitschrift», Bd. XLI. Berlin, 1963, S. 241, 242.

[13] *В. А. Сафронов.* О датировке рутхинского погребального комплекса северокавказской культуры. КСИА, вып. 108, 1966, стр. 23—30. В этой работе предметы из указанных пунктов датируются XV—XII вв. до н. э.

Рис. 14. Отдельные погребения в курганах Константиновского плато (раскопки 1966 г.)

1 — погребение 4, курган 1 (5) (на плане: *1* — череп женщины; *2* — кости овцы; *3* — охра; *4* — зола; *5* — височные кольца; *6* — бляхи; *7* — бронзовая булавка; *8* — бусы; *9* — подвески; *10* — тлен). *2* — погребение 6 — центральное, курган 1 (5) (на плане: *1* — подвески; *2* — трубочки; *3* — бусина; *4* — колпачок; *5* — бронзовая булавка; *6* — охра). *3* — погребение 1, курган 3 (7) (на плане: *1* — охра). *4* — погребение 4 — центральное, курган 3 (7) (на плане: *1* — охра; *2* — подвески; *3* — терочник; 4 — шлифовальные камни; *5* — сосуд). Дерево обозначено условно

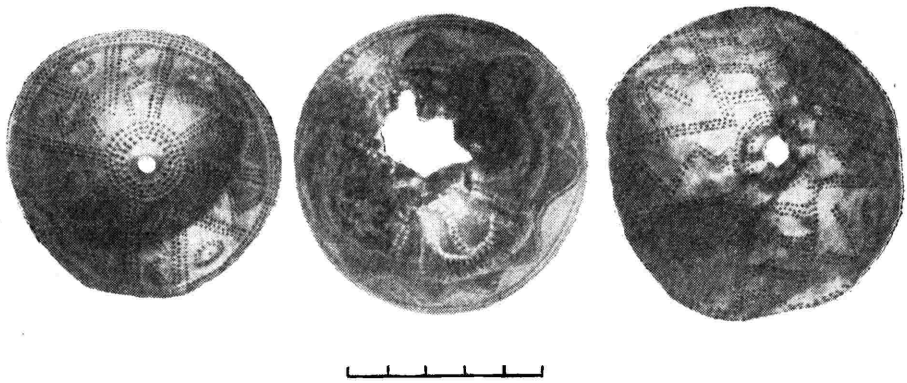


Рис. 15. Бронзовые полусферические бляхи. Константиновское плато. Курган 1(5). Погребение 4

в почти неизменных формах. Наоборот, закавказские археологи близкие по типу предметы стремятся удревнить [14].

В противоположность В. А. Сафронову Б. А. Латынин склонен чрезмерно удревнять комплексы константиновского типа, он вообще отрицает существование особой северокавказской культуры, оперируя при этом молоточковидными и посоховидными булавками. Весь материал, связанный с ним, он относит к кругу памятников «майкопско-новосвободненского типа», т. е. почти на 500 лет удревняет погребения с подобными предметами, а значительный отрезок времени (середину II тысячелетия до н. э.) оставляет пустым, не заполненным конкретным археологическим материалом [15]. Возможно, покойным ученым допущена ошибка. Так, Б. А. Латынин считает майкопские комплексы синхронными новосвободненским. Не станем полностью отрицать подобного мнения, только напомним, что по химическому составу большая серия предметов из майкопских погребений является не местной, она древнее новосвободненской серии и должна быть выделена в особую группу [16]. Б. А. Латынин совершенно справедливо требует при определении культурной принадлежности памятника, особое внимание обращать на керамику. Однако бронзовые булавки Северного Кавказа хронологически определены им без упоминания керамических находок. Совершенно не учтены и находки каменных топориков и некоторых других предметов (подвесок, височных колец, блях, бус) [17], которые неразрывной цепью связывают отдельные погребения. В этом отношении особенно показательны материалы константиновских курганов. И. С. Гумилевский в погребении 1 кургана 1 обнаружил молоточковидную булавку, двуручный сосуд без орнамента, напоминающий обнаруженный нами. Поблизости он нашел сосуд со шнуровым узором [18]. Эта могила была связана кромлехом с другими погребениями кургана, в которых также была найдена керамика с отпечатками шнура. В кургане 2 тем же исследователем была вскрыта могила 5, в которой вместе с молоточко-

[14] *Т. Чубинишвили.* Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси, 1957, стр. III, 123; *А. А. Мартиросян.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 73 и сл. Подобные предметы оба автора, как и другие археологи Закавказья, датируют XVI—XV вв.

[15] *Б. А. Латынин.* Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка. «Археологический сборник Гос. Эрмитажа», вып. 9, 1967, стр. 48—95.

[16] *Е. Н. Черных.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, стр. 36—39, 44—46.

[17] Там же, стр. 50—63. Находки из Пятигорска автор публикует без сопутствующей им керамики.

[18] *В. И. Марковин.* Указ. соч., стр. 54, 55, рис. 19, 20.

видной булавкой находились шнуровый сосуд, посоховидная булавка, две крупные бляхи, близкие найденным нам бусы и прочие предметы. Другие погребения этого же кургана, объединенные кромлехом, дали несколько подобных сосудов и топорики кабардино-пятигорского типа[19]. Исключительно показательны находки Э. В. Ртвеладзе и Е. Е. Ивашнева из второго раскопанного ими кургана. Здесь вскрыт ряд погребений (2, 5, 9, 11, 13) с молоточковидными и посоховидными булавками, сопровождаемые шнуровой керамикой и топориками[20]. Д. Я. Самоквасов обнаружил каплевидные подвески и листовидный нож вместе с каменным топором и шнуровой керамикой[21]. Таким образом, мы имеем право связывать шнуровую керамику с булавками, которым посвятил свою работу Б. А. Латынин. А. А. Формозовым и А. Д. Столяром изучены поселения Прикубанья разных периодов развития майкопской культуры. На них не встречалась керамика с шнуровым узором[22], не известна она и среди новосвободненских памятников[23]. Очевидно, такая керамика не характерна для культуры «майкопско-новосвободненского типа» (по Б. А. Латынину). Памятники с шнуровой керамикой синхронны другим культурам II тысячелетия до н. э., также характеризующимся посудой, декорированной оттисками шнура, штампами и т. д. (катакомбная, среднеднепровская, фатьяновская и др.). Если датировать культуру племен Северного Кавказа, отмеченную курганами константиновского типа, исходя только из сходства кабардино-пятигорских топоров с топорами Бородинского клада[24], то эта культура никоим образом не может быть отнесена ко времени появления Майкопского кургана и новосвободненских дольменов. Раскопки на территории Северного Кавказа дают близкие материалы, что позволяет еще раз, вслед за А. А. Иессеном, Е. И. Крупновым и другими исследователями, настаивать на необходимости выделения особой северокавказской археологической культуры эпохи бронзы (II тысячелетие до н. э.). Вопросы, касающиеся уточнения ее датировки, должны решаться только при действительно комплексном подходе ко всему материалу, уже накопленному археологами. Что же касается конкретной датировки константиновских курганов, то мы отнесли бы их ко второму этапу бытования северокавказской культуры, примерно к 1700—1500 гг. до н. э., так как даже центральные погребения в этих курганах дают восточно-западную, а не южную (раннюю) ориентировку.

2. Работы на Константиновском плато позволили еще раз поставить вопрос о генетической связи майкопской и северокавказской культур. Деревянные обкладки и перекрытия, найденные в могилах названных курганов, — черта, характерная для Майкопского кургана[25]. Это сходство подчеркивается и обширностью многих центральных могил в описываемых курганах и большими каменными перекрытиями их. Интересны и находки посоховидных булавок вместе с молоточковидными. Известно, что несколько посоховидных булавок, но более длинных, менее изогнутых и не имеющих узора и утолщенных головок, было найдено в станице Новосвободной[26]. Как видно, посоховидные булавки, изменяясь в пропорциях и оформлении, бытуют долго. Это является еще одним из звеньев, протянувшихся из III тысячелетия до н. э. — времени бытования майкопской

[19] См. Архив ИА АН СССР, д. 1495, 1952 г.
[20] Архив ИА, д. 3230, 1965 г. (отчет Э. В. Ртвеладзе и Е. Е. Ивашнева).
[21] ГИМ, № 76990.
[22] *А. А. Формозов.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 118 и сл.
[23] *Т. Б. Попова.* Дольмены станицы Новосвободной. М., 1963, стр. 18—24.
[24] *О. А. Кривцова-Гракова.* Бессарабский клад. М., 1949, стр. 15—28; *В. А. Сафронов.* Датировка Бородинского клада. «Проблемы археологии», вып. I. Л., 1968, стр. 75—128.
[25] ОАК за 1897, стр. 2—11.
[26] ОАК за 1898 г., стр. 33 и сл.: *Т. Б. Попова.* Указ. соч., стр. 42.

культуры, во II тысячелетие до н. э. — к северокавказской культуре. Сейчас уже не отрицают генетической связи между названными культурами[27].

3. Говоря о молоточковидных булавках, нельзя забывать и ту костяную булавку, которая найдена была в погребении 5 кургана 1(5) на плато близ г. Пятигорска. Эта булавка лежала в могиле вместе с бронзовыми каплевидными подвесками, которые очень характерны для изучаемой эпохи и часто встречаются в катакомбных погребениях Калмыкии[28]. Думаю, что и данное впускное погребение не может быть отнесено к раннему периоду эпохи бронзы. Оно синхронно другим могилам кургана и, очевидно, никакого отношения к ямной культуре III тысячелетия до н. э. не имеет. Кстати, в Калмыкии костяные булавки встречены в катакомбных вместе с характерной для них керамикой[29].

4. Интересны наблюдения над положением погребенных. Б. Е. Деген считал, что погребение с вытянутыми костяками не могут относиться ко II стадии, т. е. к эпохе бронзы[30]. Это мнение опровергается. Курганы Константиновского плато большей частью содержат могилы с вытянутыми захоронениями, скорченные скелеты встречаются редко. В этом отношении показательно погребение 1 кургана 3(7), в котором скорченный покойник был занесен на носилках в гробницу, первоначально предназначавшуюся для умершего, положенного в вытянутом положении. При вторичном использовании могилы кости его сдвинуты в сторону. Сам по себе факт повторного использования могильного сооружения весьма интересен. До сих пор такой прием в похоронах был известен лишь для памятников эпохи бронзы преимущественно Северо-Восточного Кавказа. Курганы Константиновского плато дали также парные захоронения, причем в одном случае мужчина лежал вытянуто, а женщина скорченно (на левом боку), во втором оба костяка (мужской и женский) лежали на спине с вытянутыми конечностями[31]. Важно и то, что ни конструкцией гробниц, ни набором инвентаря скорченные захоронения не отличаются от вытянутых, иначе говоря, они могут и сочетаться в одной могиле, быть синхронными и даже более поздними относительно вытянутых погребений.

Таковы те выводы, к которым позволили прийти материалы, добытые на Константиновском плато.

[27] *А. А. Формозов.* Указ. соч., стр. 150, 151.

[28] *И. В. Синицын, У. Э. Эрдниев.* Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 г. Элиста, 1963, стр. 7, 38, рис. 8.

[29] *И. В. Синицын, У. Э. Эрдниев.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР. Элиста, 1966, стр. 8, 9.

[30] *Б. Е. Деген.* Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. МИА, № 3, 1941, стр. 286, 287.

[31] Погребения 6А (центральное) и 7 в кургане 2. Раскопки И. С. Гумилевского (см. Архив ИА, ф. Р-1, д. 1495, 1952 г.).

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 127 1971 год

Э. С. ШАРАФУТДИНОВА

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ КОБЯКОВСКОЙ ГРУППЫ ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

На поселениях кобяковской группы позднебронзовой поры (Кобяково, Нижне-Гниловское, Хапры и Сафьяново) обнаружено 20 металлических изделий, а также форма для отливки кельта, тесла, долота и стержня-заготовки браслета.

Кельты. На четырех поселениях кобяковской группы известны три различного типа кельтов.

Медный кельт[1] из пос. Сафьяново[2], двуушковый и гладкий, слегка расширяющийся к дуговидному лезвию (рис. 16, *1*). Край овальной втулки опоясан двумя небольшими валиками. Ушки расположены на уровне нижнего валика. Однако во всем остальном облик этого орудия позволяет отнести его к так называемому киммерийскому типу двуушковых степных кельтов. У этих орудий всегда два ушка, гладкое тулово, по бокам которого находится узкий рельефный лист (на нашем кельте представленный слабо); один-три валика опоясывают овальную втулку; ушки идут либо по краю втулки, либо ниже ее.

Этот тип кельтов, впервые выделенный О. А. Кривцовой-Граковой, довольно широко распространен в степных и лесостепных районах Восточной Европы. Кельт из Сафьянова, судя по расположению ушек, принадлежит к западному варианту этих орудий. О. А. Кривцова-Гракова отнесла «киммерийские» кельты к самым поздним орудиям, т. е. непосредственно к предскифскому времени[3]. А. И. Тереножкин[4] и А. М. Лесков[5] также датируют их белогрудовским временем, т. е. XI—IX вв. до н. э. Таким образом, находка сафьяновского кельта на поселении кобяковской группы в целом подтверждает датировки указанного типа кельтов.

Кельт, найденный на пос. Хапры[6] (рис. 16, *2*), из мышьяковистой бронзы[7] и принадлежит к другому типу степных кельтов. Край овальной

[1] Спектральный анализ всех изделий, кроме кельта из Хапров, произведен в лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР.

[2] *Э. С. Шарафутдинова.* Раскопки на поселении Сафьяново эпохи поздней бронзы. АО 1967 г. М., 1968, стр. 81.

[3] *О. А. Кривцова-Гракова.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 60, 149.

[4] *А. И. Тереножкин.* Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 120—122, 131; рис. 83, 84, *1—2*; *он же.* Основы хронологии предскифского периода. СА, 1965, № 1, стр. 75, 76.

[5] *А. М. Лесков.* О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы. «Памятники эпохи поздней бронзы юга европейской части СССР». Киев, 1967, стр. 150, 152, 158—159, 176; рис. 6 и 19.

[6] *В. А. Городцов.* Археологические изыскания на Дону и Кубани в 1930 г. Сб. «Памятники древности на Дону», I. Ростов-на-Дону, 1940, стр. 3—4 (кельт хранится в Ростовском областном музее краеведения).

[7] Спектральный анализ произведен Е. Н. Черныхом.

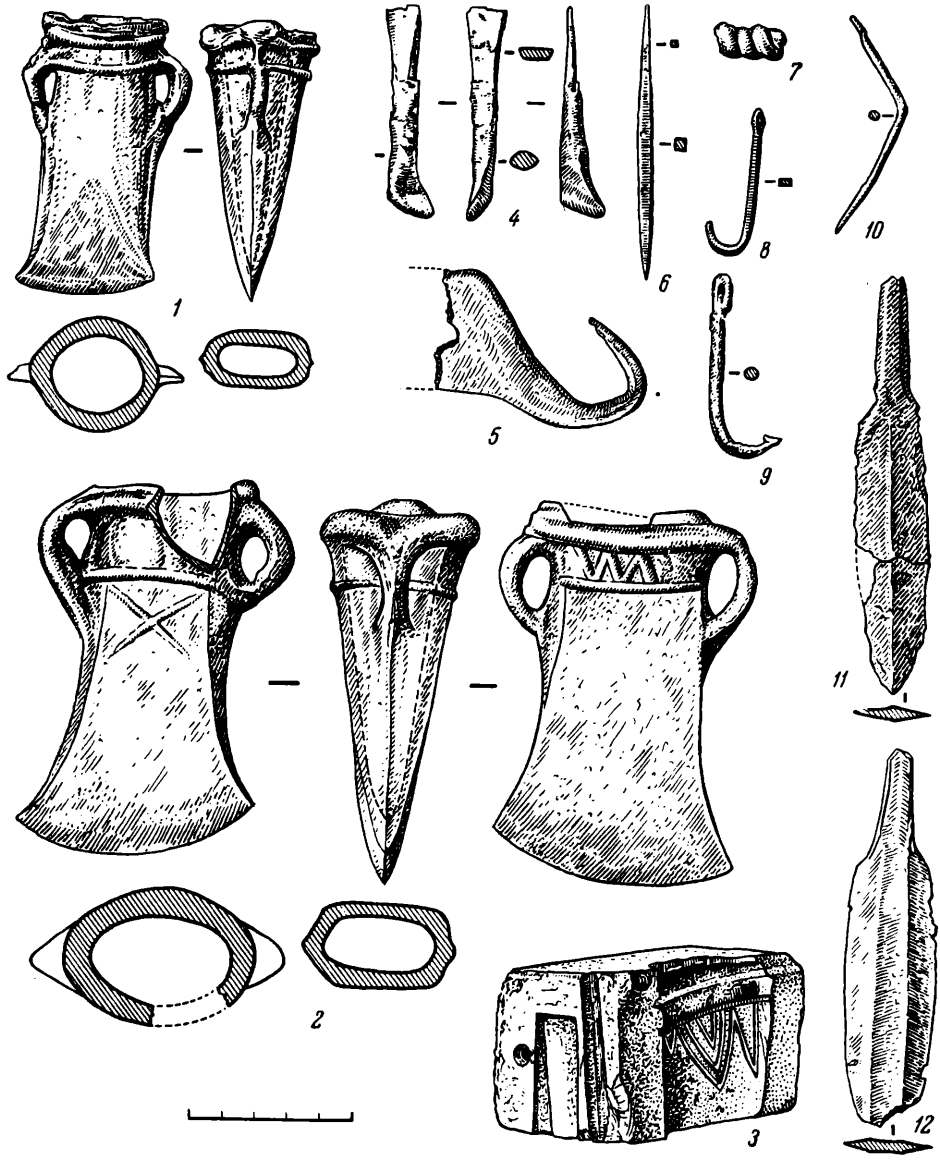


Рис. 16. Металлические изделия кобяковской группы поселений эпохи поздней бронзы

1 — кельт, пос. Сафьяново; *2* — кельт, пос. Хапры; *3* — литейная форма, Кобяково; *4* — долотце, Кобяково; *5* — серп, Кобяково; *6* — шило, Кобяково; *7* — пронизь, Кобяково; *8, 9* — рыболовные крючки, Кобяково; *10* — игла, Кобяково; *11, 12* — ножи, Кобяково

втулки этого орудия оканчивается валиком, переходящим по бокам в ушки. Широкие грани имеют вертикальные ребра, идущие от уровня основания ушек к концам лезвия. Обе широкие грани орнаментированы, но по-разному. На одной из них полустертый узор представляет собой горизонтальный зигзаг, ограниченный двумя валиками. На противоположной грани узор — в виде косого креста — находится под вторым нижним валиком.

Характерным для этого кельта помимо двух ушек являются ребра, создающие шестигранность, и выделенная орнаментальная зона — зигзаг, ограниченный валиками. К этому орудию по форме и орнаменту примыкают

два кельта: один из Балаклеи (Средний Днепр)[8] и другой неизвестного местонахождения, хранящийся в Эрмитаже (колл. 93—14). Экземпляр из Балаклеи также украшен косым крестом, расположенным под нижним валиком (наличие узора на второй грани неизвестно). Кельт из Эрмитажа с обеих сторон снабжен орнаментальной зоной из зигзагов. Этот мотив встречается на многих кельтах; например, у кельта несколько иных пропорций из-под с. Трехизбенное (Харьковская обл.)[9]. В то же время орнаментация косым крестом довольно редка и здесь можно указать пока лишь на один кельт-тесло с лобным ушком из Нижнего Прикамья XI—VIII вв. до н. э.[10]

Кельт из Балаклеи А. И. Тереножкин относит к белогрудовскому времени, кельт из Трехизбенного А. М. Лесков датирует белозерским этапом[11].

На одной из сторон обломка литейной формочки (Кобяково) вырезан негатив безушкового гладкого кельта с валиком по краю овальной втулки (рис. 16, *3*)[12]. Под валиком располагается узор: горизонтальная линия и три свисающих треугольника, расположенных в один ряд. В средний треугольник вписаны еще два треугольника.

Рассматриваемый кельт по своей форме пока не связывается ни с какой из известных групп кельтов. А узор из вписанных углов — очень распространенный мотив и в предскифское время встречается у кельтов различных групп от Западной Сибири до Западной Украины. Некоторые кельты киммерийского типа, встречающиеся на Среднем Днепре и в Нижнем Прикамье, тоже украшались узором из вписанных углов[13]. Известен пока только один кельт, сходный до некоторой степени с нашим. Это матрица кельта из поселения культуры Ноа у с. Островец[14].

Желобчатое долото, тесло и треугольный в сечении стержень-заготовка для браслета, отливавшиеся в этой же формочке, что и кельт, также характерны для позднебронзового периода Среднего Поднепровья, Северного Причерноморья, Нижнего Прикамья и Сибири.

Бытование рассмотренных нами трех типов кельтов в целом относится к одному периоду. Кельты и кельты-тесла Нижнего Прикамья, а также кельты Северного Причерноморья и Среднего Поднепровья датируются концом II — началом I тысячелетия до н. э.[15] Учитывая датировку степных двуушковых кельтов А. И. Тереножкиным, Б. Г. Тихоновым и А. М. Лесковым, можно считать, что сафьяновский и хапровский кельты, а также и кобяковская литейная форма существовали в пределах X — может быть, самого начала VIII в. до н. э.

Прорезное копье (Хапры)[16], как и его рисунок, не сохранились. Поэтому можно отметить лишь, что копья с прорезями широко распростра-

[8] *А. Бобринский.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. 1. СПб., 1887. табл. VI, *17*.

[9] Архив ГИМ (Архив В. А. Городцова). *М. Рудинський.* Археологічні збірки Полтавського музею. Полтава, 1928, табл. IV, *21*, стр. 60.

[10] *Б. Г. Тихонов.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и Приуралье. МИА, № 90, 1960, стр. 46—48, табл. X, *11*.

[11] *А. И. Тереножкин.* Предскифский период..., стр. 131, рис. 83, *6*; *А. М. Лесков.* Указ. соч., рис. 6, *11*.

[12] *Э. С. Шарафутдинова.* Литейная форма Кобяковского поселения эпохи поздней бронзы. КСИА, вып. 103, 1965, стр. 58—61, рис. 21.

[13] ДП, I, табл. X, *9*, *19*; *А. М. Tallgren.* Collection Zaoussailov, v. 1. Helsinki, 1916, табл. XII, 6; *Н. Я. Мерперт.* Сабанчеевский клад. МИА, № 130, 1965, стр. 150, рис. 1, 2, *3*.

[14] *Е. А. Балагури.* Ливарні матриці з поселення пізньої бронзи біля с. Острівець Івано-Франківської області. «Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині», вып. 5. Київ, 1964, стр. 30, 35, табл. 1, *5*, *6*.

[15] *Б. Г. Тихонов.* Указ. соч., стр. 42, 48; *А. И. Тереножкин.* Предскифский период..., стр. 120—133; *А. М. Лесков.* Указ. соч.

[16] *В. А. Городцов.* Указ. соч., стр. 3, 4.

нены от Поднепровья до Новосибирска и Томской области. Их существование относят ко времени белогрудовских и белозерских памятников.

Ножи (Кобяково). Бронзовый нож с параллельными лезвиями, с ребром посередине и с узкими плечами (рис. 16, *11*). Второй нож из мышьяковистой бронзы (рис. 16, *12*) [17]. Он той же формы, но вдоль середины клинка у него проходит широкая плоская грань. Третий нож [18] медный, от него уцелел лишь обломок части клинка.

Первые два ножа принадлежат к хорошо датированному типу. Ближайшей аналогией для второго ножа (с гранью посреди клинка) является нож-кинжал на поселении под Кишиневым, у которого вдоль клинка располагается такая же грань [19]. Этот тип ножей с узкими плечиками и параллельными лезвиями был распространен в эпоху поздней бронзы в основном в северо-западном Причерноморье [20], но встречается и восточнее (пос. Оскол на Северском Донце, Калиновский могильник в степном Поволжье, погребение в Балымском поселении и Полянский могильник у дер. Курбаши в Приказанском Поволжье) [21]. Наши ножи отличаются лишь несколько большей покатостью узких плеч.

О. А. Кривцова-Гракова относит такие ножи ко второму этапу эпохи поздней бронзы [22]. Как показал А. М. Лесков, эти орудия являются одними из характернейших изделий белозерского этапа [23]. Они доживают вплоть до эпохи раннего железа, о чем свидетельствует комплекс из кургана широкого у с. Малая Лепатиха (Херсонская обл.) [24].

Таким образом, кобяковские ножи типологически входят в группу позднебронзовых ножей с параллельными лезвиями и могут датироваться X—началом VIII в. до н. э.

Серп (Кобяково). Обломок черенка литого крюкастого серпа (рис. 16, *5*) [25]. Откованный стержень для рукояти загнут в виде крюка. Перегиб от спинки к рукояти направлен почти под прямым углом, т. е. серп коленчатый. Такие серпы употреблялись в эпоху поздней бронзы в верховьях Кубани и в Пятигорье и относятся к прикубанскому металлургическому очагу, выделенному А. А. Иессеном [26]. Этим серпам присуща резкая изогнутость от спинки к рукояти. Последняя имеет вид длинного, загнутого вверх острого стержня.

[17] *Э. С. Шарафутдинова.* Раскопки на Кобяковском поселении эпохи поздней бронзы в 1962 г. КСИА, вып. 112, 1967, стр. 80, 81, рис. 25, *2*.

[18] Четвертый нож обнаружен И. С. Каменецким на Нижне-Гниловском поселении и пока не опубликован.

[19] *А. И. Мелюкова.* Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии. МИА, № 96, 1961, стр. 43, рис. 17, *1*.

[20] *О. А. Кривцова-Гракова.* Указ. соч., рис. 33, *15*; рис. 34, *10*, *12—14*, *16*; *В. А. Іллінська, Г. Т. Ковпаненко, Е. О. Петровська.* Розкопки курганів епохи бронзи поблизу с. Первомаївки. АП, IX, 1960, стр. 138, табл. III, *16*; *В. А. Бураков.* Поселення епохи бронзи біля с Зміївка. АП, X, 1961, стр. 32, 39, рис. 4, 5, 6, 8, 9; *А. М. Лесков.* Указ. соч., стр. 144, 149, 176, рис. 2, 17, 18 (Завадовка), стр. 152 (Дереивка).

[21] *В. А. Ильинская.* Бондарихинская культура бронзового века. СА, 1961, № 1, стр. 37, рис. 6, *2*; *В. П. Шилов.* Калиновский курганный могильник. МИА, № 60, 1959, стр. 420, рис. 37, *2*; *Н. Ф. Калинин* и *А. Х. Халиков.* Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951—1952 гг. МИА, № 42, 1954, стр. 208, рис. 27, *2*; *Б. Г. Тихонов.* Указ. соч., стр. 75, табл. XXV, 41; *A. M. Tallgren.* Указ. соч., табл. IV, *13*.

[22] *О. А. Кривцова-Гракова.* Указ. соч., стр. 132, 142—143.

[23] *А. М. Лесков.* Указ. соч., стр. 144—152.

[24] *В. В. Латышев.* Раскопки Н. И. Веселовского в 1916 и 1917 гг. «Сообщения ГАИМК», вып. 1. Л., 1926, стр. 200—204; *А. И. Тереножкин.* Основы хронологии..., стр. 72.

[25] Серп хранился в Ростовском областном музее краеведения; в настоящее время утерян, поэтому анализ его металла не произведен.

[26] *А. А. Иессен.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, № 23, 1951, стр. 108—111, 117, 120, рис. 17; 18, *2*; 20, *1*; 21, *1—3*; 47, *2—4*.

Итак, кобяковский серп входит в группу северокавказских коленчатых серпов, датируемых поздней бронзой. За пределами Северного Кавказа этот тип орудий известен кроме Кобякова в Нижнем Подонье (Ростовский и Самарский клады)[27], где, однако, широко распространена и другая форма серпов, и на Нижнем Днепре (Бериславский клад)[28].

Шилья. Из семи бронзовых и медных шильев (6 экз. из Кобякова, 1 экз. из Хапров) три сохранились полностью и представляют один тип (рис. 16, *6*). Они четырехгранные, расширяются к середине, без насада; рабочий конец более острый.

Этот тип орудий, возникнув во II тысячелетии до н. э., получает широкое хронологическое и территориальное распространение. Такие шилья встречаются в памятниках второй ступени чернолесской культуры, на Белозерском и Змеевском поселениях, в погребениях в насыпи на Северском Донце, в раннетаврском поселении Альма II, в погребениях срубной культуры Степного Поволжья, в памятниках абашевской и андроновской культур.

Игла бронзовая, слегка согнутая и с обломанным верхним концом (рис. 16, *10*).

Крючки. Два бронзовых (один из мышьяковистой бронзы) однотипных рыболовных крючка, сделанных из проволоки (рис. 16, *8*, *9*). Верхний конец у крючков завернут небольшой петлей, нижний у одного заканчивается специальным зубцом, у другого обломан.

Подобные крючки, медные или бронзовые, применялись примерно уже с середины II тысячелетия до н. э.: обычная их длина 3,5—7,5 см. Они найдены, например, на Тясминском городище, на пос. Сержень-Юрт, в памятниках приказанской, абашевской и андроновской культур[29].

Пронизь спиральная, сделанная из бронзовой пластины (рис. 16, 7). Этот вид украшений, появившись во II тысячелетии до н. э., продолжал бытовать и в скифское время.

Кобяковская спиральная пронизь по форме и размеру близка украшениям, характерным для эпохи средней и поздней бронзы в Прикубанье, в Кабарде, в Северной и Южной Осетии, в дольменах Абхазии, на р. Ингури в Западном Закавказье, в Триалети и т. д. В период поздней бронзы спиральные пронизи встречаются и за пределами Кавказа, например на Нижнем Днепре и в чувашском Поволжье.

Рассмотренные нами изделия в целом относятся к эпохе поздней бронзы, к ее второму, белозерскому этапу. Это еще раз подкрепляет нашу датировку (X—начало VIII в. до н. э.) кобяковской группы поселений, произведенную ранее на основе керамического комплекса.

Эти изделия подразделяются на две группы, одна из которых связывается с северопричерноморским металлургическим очагом (кельты, ножи), а другая — с прикубанским очагом (серп, пронизь).

Находки на поселениях кобяковской группы литейной формочки, льячки, тиглей (раскопки А. А. Миллера — 1924—1925 гг.), металлических сплесков и шлака, указывают на местную металлообработку, которая развивалась под воздействием указанных металлургических очагов.

[27] Эти клады, обнаруженные в 1962 г., хранятся в Ростовском областном музее краеведения.

[28] *А. В. Добровольський.* Бериславский скарб бронзовоі доби. «Археологія», т. II. Київ, 1948, табл. II, *6*, *8*, стр. 162, 163.

[29] *А. И. Тереножкин.* Предскифский период..., стр. 155, рис. 101, *6*; *В. И. Козенкова*, *Е. И. Крупнов.* Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1962 г. КСИА, вып. 98, 1964, стр. 77, рис. 21, *9*; *В. И. Козенкова.* Исследование памятников раннего железного века у сел. Сержень-Юрт. КСИА, вып. 112, 1967, рис. 27, *4*; *Н. Ф. Калинин* и *А. Х. Халиков.* Указ. соч., стр. 238, рис. 47, *8*; *К. В. Сальников.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 29, 40, 61, 338, рис. 4, *13*, *19*; 6, *10*; 51, *18*, *19*; *он же.* Южно-Уральская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 45, 1952, стр. 52, рис. 23, *11*.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 127 1971 год

О. Г. ШАПОШНИКОВА, В. Н. СТАНКО

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАБОТЫ ИНГУЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 1967 Г.

В 1966—1967 гг. Ингульская экспедиция Института археологии АН УССР совместно с Николаевским краеведческим музеем провела археологические исследования в районе строительства Софиевского водохранилища, в пределах Новобугского района Николаевской области. Результаты первых лет работы показали, что эта территория чрезвычайно богата разновременными археологическими памятниками.

Палеолитический отряд под руководством В. Н. Станко исследовал позднепалеолитическую стоянку Сагайдак на р. Ингуле, в 200 м от ее впадения в р. Сагайдак. Стоянка представляет большой интерес не только потому, что заполняет лакуну между Большой Аккаржой и стоянками Надпорожья, но и в первую очередь как памятник со своеобразным для степей Северного Причерноморья набором инвентаря (микроострия из миниатюрных пластинок с мелкой притупляющей ретушью по краям, пластинки, скребки).

Энеолитический отряд (О. Г. Шапошникова, В. И. Неприна) проводил исследование многослойного поселения у с. Новая Розановка (пункт 2), которое расположено на левом береговом уступе р. Ингул, возвышающемся на 4—7 м над уровнем реки.

На трех раскопках общей площадью 400 кв. м в четких стратиграфических условиях прослежено три культурных слоя (глубина от 0,5 до 3 м), относящихся к различным культурно-историческим периодам.

Наиболее позднее поселение представлено смежными наземными жилищами с каменными основаниями. Оно относится к эпохе поздней бронзы. Жилища располагались вдоль берегового уступа реки и имели прямоугольную форму (одно из них размером 8×6 м). В середине жилища был обнаружен очаг, сложенный из небольших камней. Стены жилищ выложены из камней в два ряда плашмя. Углы упрочены с помощью больших каменных плит. Иногда эти плиты поставлены вертикально. Отмечена облицовка внутренних стен тщательно подтесанными и подогнанными плитами. Кладка сохранилась на высоту до 0,8 м. В жилищах и за их пределами было обнаружено много костей животных и значительно меньше керамики и каменных орудий.

Керамика представлена в основном сосудами баночной формы и слабо профилированными сосудами, орнаментированными налепками у края венчика. Имеются фрагменты сковородок. Особый интерес представляет находка обломка глиняного сопла.

Поселение может быть датировано не позднее конца II тысячелетия до н. э. Оно представляет определенный интерес для характеристики культуры поздней бронзы в Поингулье.

В энеолитическом слое обнаружена трипольская расписная посуда (конца развитого этапа) и керамика, характерная для памятников типа Средний Стог II. Особенно интересно наличие в этом слое развалов от двух плоскодонных чернолощенных сосудов, по форме и орнаментации близких керамике нижнего слоя Михайловского поселения.

С энеолитическим слоем связан большой очаг, сложенный из камней. Вокруг него отмечалось скопление обломков сосудов и костей животных и небольшое количество кремневых орудий (мощность этого слоя 0,3—0,4 м).

В этом слое были обнаружены кости домашних животных: быка, лошади, овцы-козы и свиньи.

Материалы энеолитического горизонта интересны для решения вопроса о синхронизации Триполья и степных энеолитических культур.

Находки неолитического времени начинались сразу же под слоем энеолитического времени в гумусированном коричневом суглинке.

Культурный слой был обнаружен на сравнительно узкой площадке, вдоль берега. Находки встречались на всей площади более или менее равномерно, лишь в одном месте, на небольшой площади $1 \times 0{,}5$ м возле кострища, от которого сохранились обугленные кусочки дерева, неолитический горизонт представлен скоплениями костей животных, значительно меньше было обнаружено кремня и керамики.

Среди кремневых изделий этого слоя встречались пластины с мельчайшей или притупляющей ретушью по краям, пластины с боковыми выемками, одна с заостренным крутой ретушью концом — проколка (рис. 17, 2—7), несколько отщепов с ретушью, которые употреблялись в качестве режущих орудий, миниатюрные округлые скребки на отщепах. С этим же горизонтом связывается тальковый челнок — выпрямитель древков стрел (рис. 17, 8). Найден также фрагмент зернотерки ромбической формы, двусторонней, сделанной из зеленоватого глинистого сланца (рис. 17, 9).

Керамика представлена незначительным количеством фрагментов от сосуда с хорошо заглаженными поверхностями. В глине примесь графита. Сосуды имеют S-видный профиль, орнамент — ромбические фигуры, выполненные проглаженными линиями. На других венчики орнаментированы отпечатками гребенки.

Материалы неолитического горизонта по кремню, керамике близки к материалам ряда памятников буго-днестровской культуры на савранском этапе их развития (по В. П. Даниленко).

Как известно, памятники буго-днестровской культуры отличаются сравнительно небольшими размерами. Большинство их являются сезонными стоянками.

Таким образом, работами Ингульской экспедиции установлено, что район Ингула в неолитическую эпоху входил в ареал буго-днестровской культуры.

В 1966 г. был открыт также ряд поселений эпохи поздней бронзы. Из них наиболее перспективны для исследования оказались поселения Пелагеевка, Ново-Розановка I и II, которые являются продолжением цепи поселений, открытых экспедицией Института археологии АН СССР под руководством Н. Н. Погребовой на Нижнем Ингуле.

В 1967 г. И. Н. Шарафутдиновой было исследовано поселение Ново-Розановка I. Площадь поселения составляет примерно 2 га. Здесь отмечена особо высокая сохранность каменных сооружений, жилого, хозяйственного и, вероятно, культового назначения, которые располагались двумя рядами вдоль берега реки. На вскрытой площади (около 800 кв. м) исследованы остатки четырех строительных комплексов, расположенных в первом ряду от реки.

По находкам это поселение относится к группе раннесабатиновских поселений и датируется XIII—XII вв. до н. э.

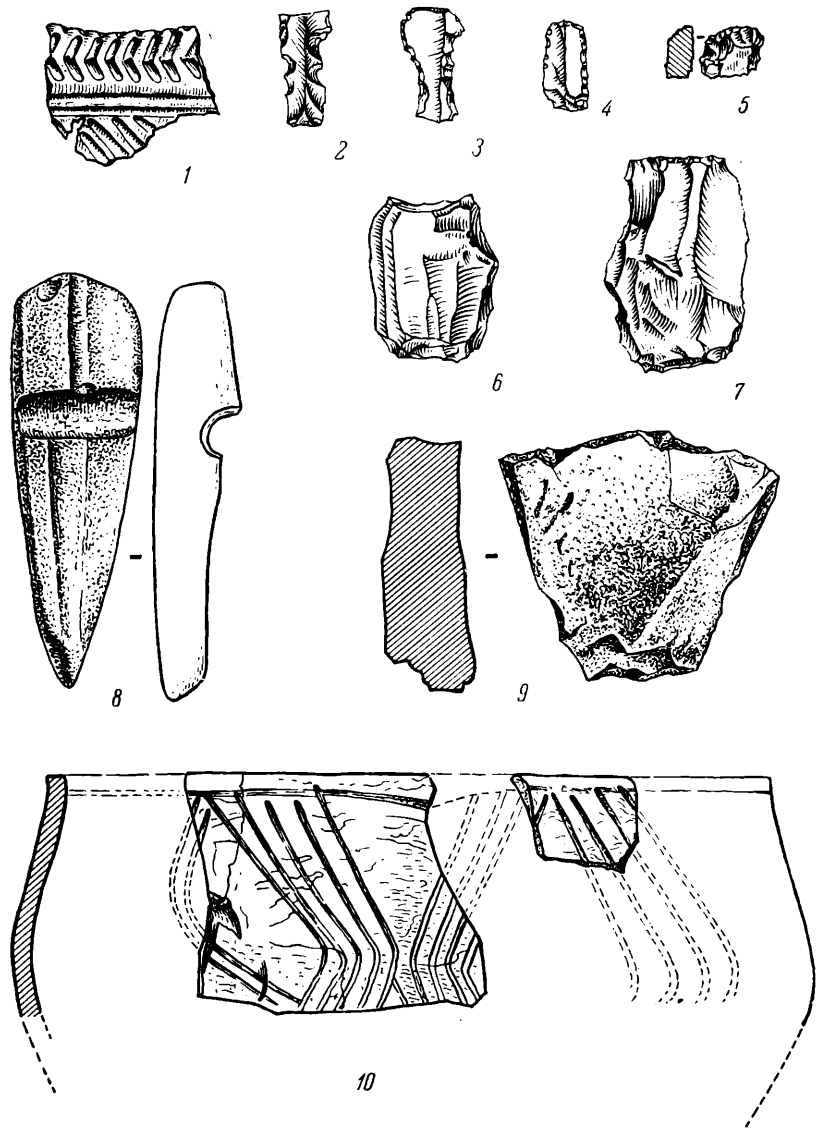


Рис. 17. Ново-Розановка 2

1, 10 — керамика; *2—3* — пластинки с выемками; *4—5* — скребки; *6—7* — нуклеусы; *8* — «челнок»; *9* — фрагмент ромбической зернотерки

Кроме того, экспедицией исследовано четыре кургана: у селений Софиевка, Пелагеевка, Ново-Розановка (раскопки И. Н. Шарафутдиновой, В. И. Никитина, Г. П. Ребедайло и С. Н. Братченко). В трех из них обнаружены погребения эпохи бронзы.

Наиболее древние погребения в этих курганах относятся к ямной культуре. Здесь, как и в степном Поднепровье, широко использовали камень для сооружения кромлехов, каменных закладок, а также для перекрытия погребальных ям.

Погребения лежат на спине с согнутыми ногами или же на боку головой преимущественно на восток. Изредка погребения сопровождались сосудами. Характерна окрашенность скелетов охрой. Дерево перекрывало ямы и подходы.

Следует отметить погребение у с. Софиевка. На уровне древнего горизонта обнаружена большая плита, перекрывающая погребальную яму. С западной стороны плиты лежал выкид материковой глины. Около плиты остатки трех деревянных колес, а четвертое лежало чуть в стороне на материковом выкиде. Колеса представляют собой деревянные диски диаметром до 60 см при толщине 1,5 см. В центре диска четко обозначается ступица.

Под плитой в прямоугольной яме размером 1,4 × 0,7 м обнаружен костяк на правом боку, ноги подтянуты к животу, а руки охватывают их. При костяке обнаружен кремневый наконечник копья. Под костяком следы подстилки.

Ко второй хронологической группе относятся погребения в подбоях и катакомбах. Форма катакомб довольно устойчивая: входная яма небольшого размера, погребальная камера обычно овальная в плане, часто поверх нее положены каменные плиты, а вход закрыт плитами или деревом. Костяки лежат на спине. Ориентация различная. В отличие от ямных почти все погребения сопровождались инвентарем; при них трижды были найдены ритуальные сосуды не известного ранее типа. Их своеобразие заключается, в частности, в составе керамической массы (имеется примесь толченых костей).

Остальные сосуды ближе всего сосудам катакомбного времени из раскопок Л. П. Крыловой на р. Ингульце.

Экспедиция осуществила разведку в зоне Ингульской оросительной системы и в Октябрьском районе г. Николаева (В. Н. Станко, В. И. Никитин, Г. П. Ребедайло).

В результате проведенной разведки открыто значительное количество разновременных археологических памятников.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 127 1971 год

Н. Н. БОНДАРЬ

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КАНЕВСКОЙ ГРУППЫ ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ

Эпоха ранней бронзы в Среднем Поднепровье представлена в основном поселениями и могильниками. Однако указанные группы памятников исследованы крайне неравномерно. Так, изучение погребальных памятников началось свыше ста лет назад. За это время в Среднем Поднепровье исследовано около 200 погребений [1], давших многочисленный вещевой материал, позволивший отнести эту группу памятников к среднеднепровской культуре. В то же время первое серьезное обследование поселений эпохи ранней бронзы было предпринято лишь в 1945 г., когда Поросской экспедицией в районе Канева было выявлено около 10 поселений [2].

В настоящее время на указанной территории известно свыше 30 поселений [3]. Однако до последнего времени ни одно из этих поселений не подвергалось археологическим раскопкам. Т. С. Пассек, открывшая и впервые описавшая каневские поселения, отнесла эти поселения к катакомбному времени, подчеркнув при этом своеобразие обнаруженной керамики и ее отличие от посуды, характерной для катакомбной культуры [4]. Несколько позднее Т. Б. Попова, выделив на Среднем Днепре особый хронологический вариант катакомбной культуры, отнесла каневские поселения к этому варианту [5]. Однако ряд археологов, не соглашаясь с гипотезой Т. Б. Поповой, доказывал, что памятники катакомбной культуры в Среднем Поднепровье столь малочисленны, что говорить о них как о каком-то самостоятельном варианте катакомбной культуры едва ли возможно [6].

С 1957 г. Каневская археологическая экспедиция Киевского университета под руководством автора начала планомерные исследования поселений эпохи бронзы в районе Канева. В 1960 г. археологическим отрядом

[1] *С. С. Березанська.* Деякі питання історії Середнього Подніпровья в епоху ранньої бронзи. «Археологія», т. XX, 1966, стр. 52.
[2] *Т. С. Пассек.* Селища эпохи бронзы в районе Канева. КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 42—47; *она же.* Пороська археологічна експедиція 1945 р. АП, т. 1, 1949, стр. 212—214.
[3] *Е. Ф. Лагодовская.* Поселения Среднего и Нижнего Поднепровья в период ранней и средней бронзы. Науковий архів Інституту археології АН УРСР, ф. 12, д. 378.
[4] *Т. С. Пассек.* Селища эпохи бронзы в районе Канева, стр. 46.
[5] *Т. Б. Попова.* Племена катакомбной культуры. «Труды ГИМ», вып. 24, 1955, стр. 75.
[6] *С. С. Березанская, О. Г. Шапошникова.* Рецензия на книгу Т. Б. Поповой. СА, 1957, № 2, стр. 271—272; *Л. С. Клейн.* Катакомбные памятники и проблема выделения культур. СА, 1962, № 2, стр. 38.

Каневской комплексной экспедиции Киевского университета под руководством автора [7] и в 1961—1962 гг. совместной экспедицией Киевского университета и Института археологии АН УССР впервые были проведены значительные раскопки одного из каневских поселений эпохи ранней бронзы в урочище Исковщина [8]. В результате этих работ были получены новые данные о планировке и устройстве жилищ, а также выявлен многочисленный археологический материал, позволивший авторам раскопок отнести поселения типа Исковщины к среднеднепровской культуре [9]. И. И. Артеменко в своей монографии, посвященной среднеднепровской культуре, относит каневскую группу поселений к позднему этапу среднеднепровской культуры [10]. Совсем недавно О. Г. Шапошникова высказала заслуживающую внимания гипотезу о том, что в Нижнем Поднепровье в катакомбное время бытовала своеобразная культура смешанного типа со сравнительно устойчивыми традициями ямной культуры. Однако в культуре этих племен заметно также влияние катакомбной культуры [11]. В этой же работе автор возражает против безоговорочного отнесения каневской группы поселений к среднеднепровской культуре. Она считает, что процесс формирования культуры ранней бронзы в степном Приднепровье аналогичен процессу формирования культуры ранней бронзы в Среднем Поднепровье. И здесь отчетливый контакт с племенами катакомбной культуры. Говоря о признаках своеобразия культуры Среднего Поднепровья, О. Г. Шапошникова подчеркивает, что они во многом зависели от северных и западных, так называемых среднеднепровских связей [12].

Перечисленные выше точки зрения и выводы авторов основывались главным образом на изучении подъемных материалов с поселений Среднего Поднепровья и раскопок одного из этих поселений в урочище Исковщина. Располагая только перечисленными материалами, невозможно было надлежащим образом поставить изучение этой интересной группы памятников. Требовались новые полевые исследования и в первую очередь поселений на территории Среднего Днепра.

В 1963—1967 гг. Каневская экспедиция Киевского университета под руководством автора проводила дальнейшее изучение поселений эпохи ранней бронзы в районе Канева. За это время полевым исследованиям было подвергнуто около 10 поселений. На одних поселениях были проведены стационарные раскопки (Пилипенкова гора, подножье Большого скифского городища, Пекари, Селище), а на других — разведочные (урочища Высокая гора, Городки, около Бондарского оврага в с. Пекари, а также в урочище Городок у хутора Хмельна).

Большинство поселений расположено на высоких участках коренного берега Днепра, на мысах, отделенных от плато глубокими оврагами. Однако известны поселения, расположенные в пойме реки, на песчаных дюнах или останцах.

Насыщенность культурного слоя находками на разных поселениях была различной. На одних поселениях (Исковщина, Пекари, подножье Большого скифского городища) она была значительной: данная группа поселений представляла собой места долговременного обитания. Дру-

[7] *М. М. Бондар.* Нові дані про пам'ятки періоду середньої бронзи в околицях Канева. «Вісник КДУ», 1961, № 4, стр. 105—109.
[8] *С. С. Березанська, М. М. Бондар.* Поселення епохи ранньої бронзи в Каневі. «Археологія», т. XVII, 1964, стр. 170—179.
[9] *С. С. Березанська, М. М. Бондар.* До питання про поселення середньодніпровської культури. «Вісник КДУ», 1967, № 8, вып. 1, стр. 23.
[10] *И. И. Артеменко.* Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. МИА, № 148, 1967, стр. 72.
[11] *О. Г. Шапошникова.* Про пам'ятки часу катакомбної культури в Степовому Подніпров'ї. «Археологія», т. XXI, 1968, стр. 93.
[12] Там же.

гая же часть поселений (урочище Городок в с. Пекари, урочище Малая Горка в с. Зарубинцы, Селище) имела слабо насыщенный находками культурный слой. Размеры этих поселений обычно меньше долговременных. В целом эта группа поселений производит впечатление временных, сезонных стоянок.

Большинство поселений располагалось вдоль берега Днепра. Площадь их не превышала 3—4 тыс. кв. м. Только на двух поселениях удалось выявить остатки жилищ. Они прослежены на поселениях в урочище Исковщина в Каневе и в урочище Прилиз у с. Селище. На первом поселении открыты остатки четырех жилищ, расположенных двумя рядами вдоль берега Днепра. Из них два оказались сильно разрушенными и поэтому почти не сохранили конструктивных деталей. Два других сохранились лучше. Все четыре жилища оказались наземными и только одно из них (№ 3) частично углублено в грунт на 15—20 см, так как при сооружении жилища на склоне возникла необходимость выровнять его пол. Жилища имели прямоугольную форму, их площадь в среднем составляла 20—30 кв. м. Во всех жилищах сохранились ямы от столбов диаметром 15—20 см и глубиной 30—40 см. Они выявлены как вдоль стен жилищ, так и в их средней части; по-видимому, это свидетельствует о том, что кровля жилищ была двускатной. Стены жилищ скорее всего были глинобитными: встречаются кусочки обожженной глины с отпечатками прутьев. В одном из жилищ обнаружен округлый очаг, сложенный из крупных камней гранита, а в другом — остатки обожженного глиняного пола. На поселении у с. Селище был выявлен завал кусков обмазки с отпечатками прутьев (свыше 700). По-видимому, это остатки какого-то легкого наземного жилища, стены которого были сооружены из хвороста, сверху обмазанного глиной. Подобные жилища исследованы И. И. Артеменко на ряде поселений среднеднепровской культуры Верхнего Поднепровья [13]. Прослеживаются также общие черты с жилищами поселений фатьяновской культуры, где также известны наземные конструкции с остатками обожженного глиняного пола [14]. Наземные постройки открыты и на ряде поселений культуры шнуровой керамики на Волыни [15]. Фаунистический материал был взят из жилищ и ям поселения в урочище Исковщина, относящихся, несомненно, к эпохе бронзы. В состав стада входили бык, овца, коза, лошадь. Кости диких животных составляют около 12% от общего количества костей, что свидетельствует о небольшой роли охоты в хозяйстве жителей поселения.

Среди изделий из камня следует назвать зернотерки, растиральники, шлифованные и сверленые топоры. Кремневые орудия представлены скребками на отщепах, наконечниками стрел треугольной формы с черешком, теслами и ножами. Из костяных орудий встречены шилья, проколки, обломок рогового топора.

Наиболее ярким определяющим признаком для данной группы памятников является керамика, проявляющая устойчивость форм и орнаментации на всей территории Среднего Поднепровья.

Вся посуда лепная. В глине часто примесь песка. Цвет сосудов черный, темно-серый или бурый. Внешняя поверхность всегда ровно загла-

[13] *И. И. Артеменко.* Поселения среднеднепровской культуры на территории Верхнего Поднепровья. КСИИМК, вып. 88, 1962, стр. 65—72; *он же.* Среднеднепровская культура. СА, 1963, № 2, стр. 21; *он же.* Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы, стр. 67—68.

[14] *П. Д. Степанов.* Фатьяновские поселения в Западном Поволжье. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 56; *он же.* О фатьяновских поселениях. СА, 1958, № 2, стр. 132; *Д. А. Крайнов.* Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа. САИ, вып. В1-20, 1964, стр. 41.

[15] *І. К. Свешніков.* Підсумки дослідження культур бронзової доби Прикарпаття і Західного Поділля. Львів, 1958, стр. 17.

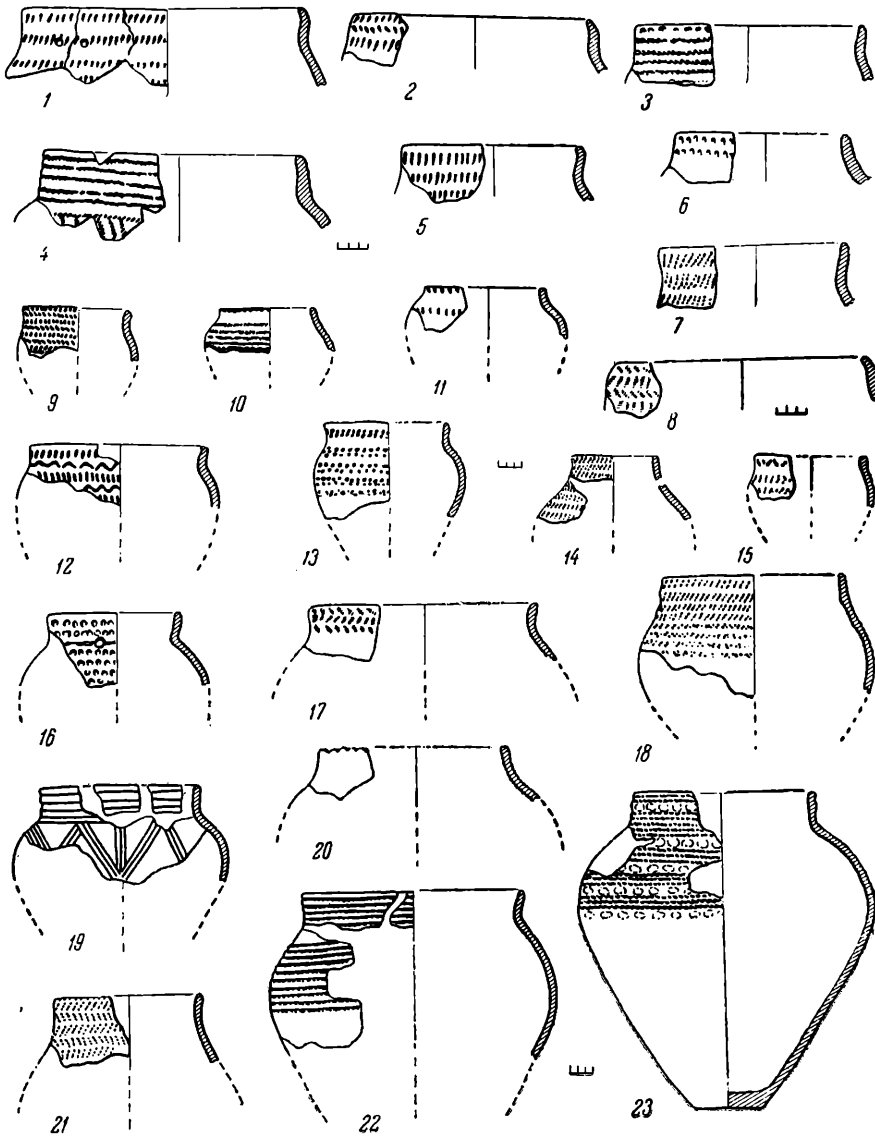


Рис. 18. Керамика I группы (1-й тип) из каневских поселений

1—2, 4—11, 13—16, 18—19, 21—23 — Исковщина; *3* — Пилипенкова гора; *12* — Пекари; *17, 20* — Селище

жена, в то время как внутренняя часто имеет полосы от сглаживания пучком травы или специальным гребенчатым штампом.

В силу плохой сохранности керамики только часть сосудов поддается реставрации и графической реконструкции.

Их можно разделить на две большие и неравные в количественном отношении группы: I — плоскодонные горшки и II — сферические и круглодонные сосуды.

Первая наиболее многочисленная группа представлена сосудами разных типов и разновидностей. Три основных типа отличаются друг от друга степенью выпуклости тулова и формой венчика (рис. 18—20). К первому относятся крупные сосуды удлиненных пропорций, у которых высота обычно равна наибольшему диаметру сосуда. Они имеют слабо выпуклое, близкое к яйцевидному тулово, ровные, довольно высокие, прямые вен-

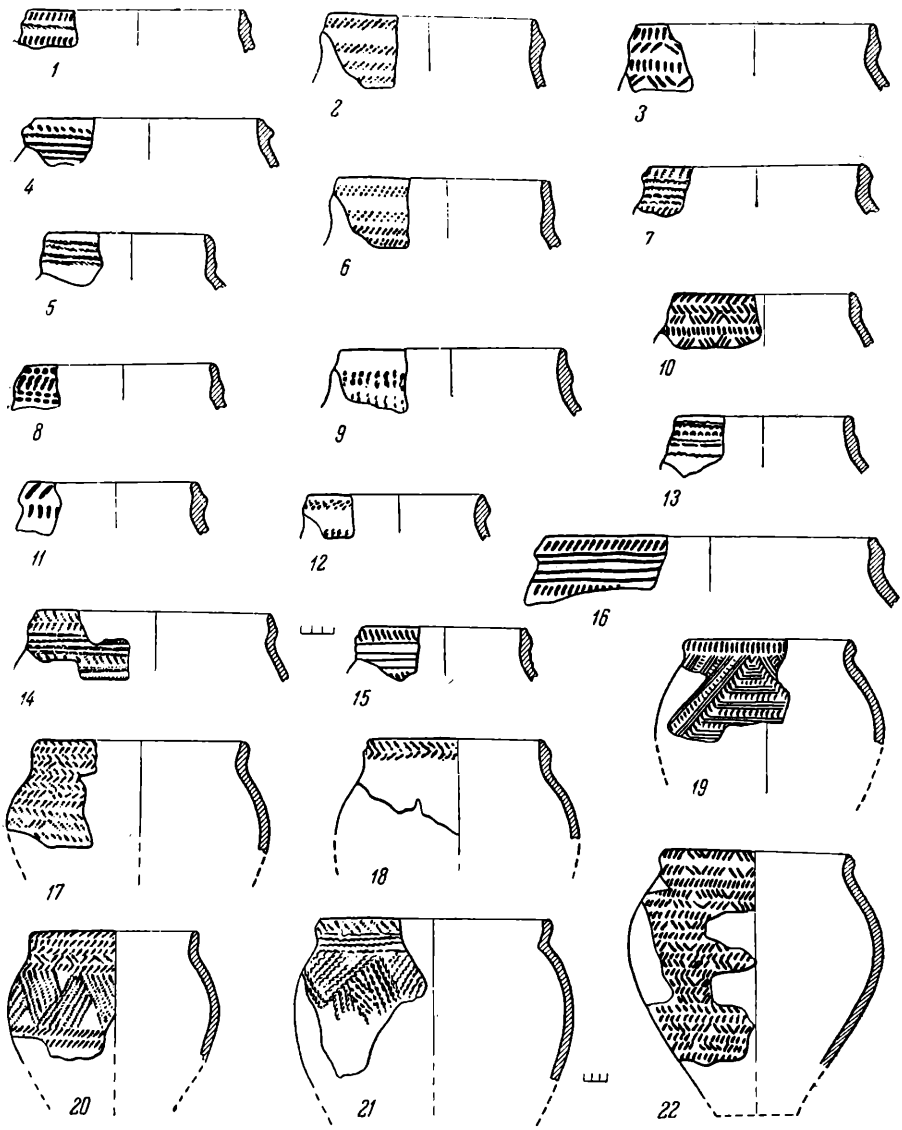


Рис. 19. Керамика I группы (2-й тип)

1—6, 8—13, 15—17, 19—21 — Исковщина; *7, 14, 18, 22* — Пекари

чики и небольшое плоское дно, диаметр которого более чем в 3 раза меньше диаметра горла. Одни сосуды этого типа имеют более широкую, а другие более узкую, как бы цилиндрическую шейку (рис. 18). Для них характерен орнамент, покрывающий только верхнюю часть сосуда в виде отпечатков перевитого шнура, тесьмы и гусенички. Часто встречаются узоры, выполненные зубчатым или гребенчатым штампом, а также короткими нарезными линиями. Узоры состоят из горизонтальных параллельных линий, елочки и реже треугольников пустых или заштрихованных, обращенных вершинами книзу.

Этот тип керамики как по форме, так и по мотивам орнаментации близок к керамике позднего этапа ямной культуры не только Среднего, но и Нижнего Поднепровья.

Второй тип сосудов по форме близок первому, но характерной особенностью его является наличие воротничкового утолщения на наружной

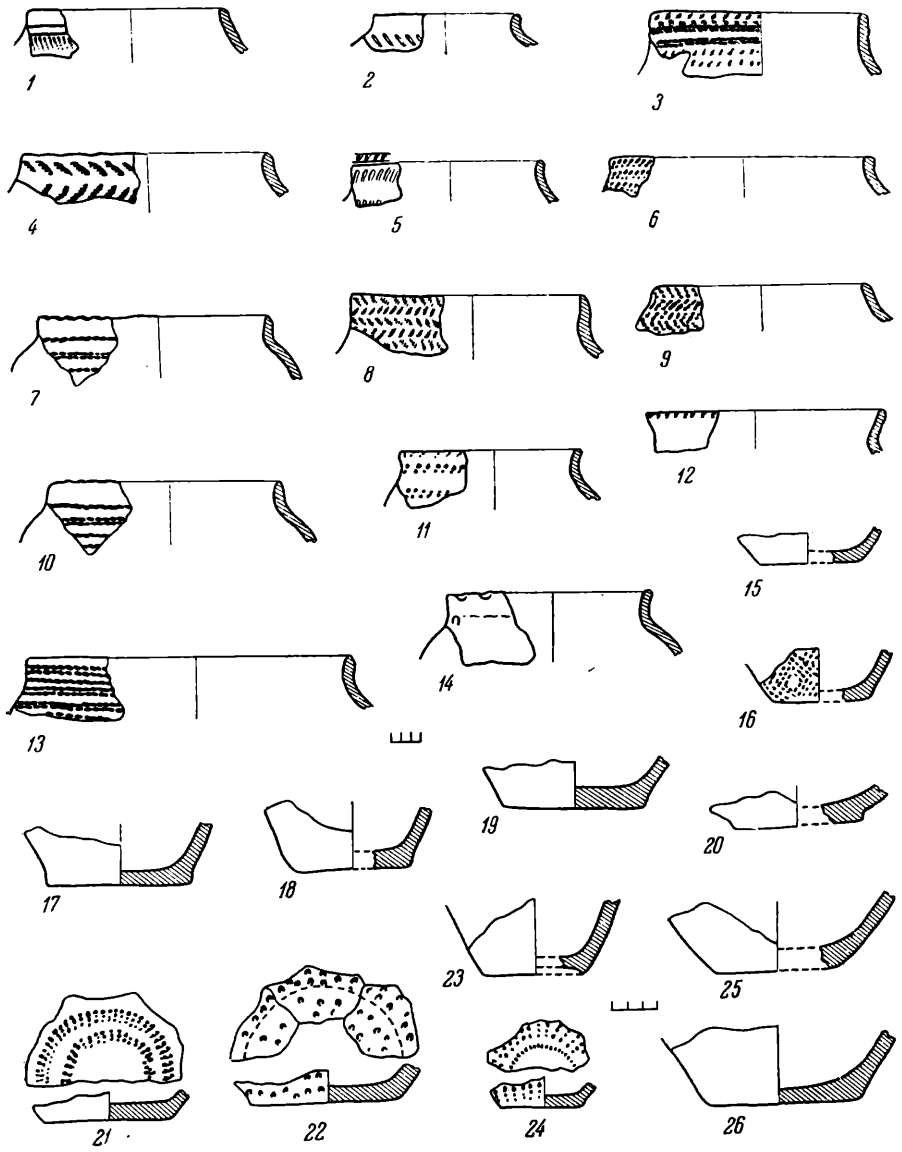


Рис. 20. Керамика I группы (3-й тип) из каневских поселений

1, 2 — Пекари; *6, 13* — Пилипенкова гора; *12, 21* — Селище; *3—5, 7—11, 14—20, 22—26* — Исковщина

поверхности венчиков (рис. 19). Орнамент нередко покрывает все тулово сосуда. Часто встречается гребенчатый штамп, отпечатки прямого или линейного штампа, а также отпечатки шнура, гусенички. Подобная посуда встречена на поселениях и в погребениях эпохи ранней бронзы Нижнего Поднепровья [16].

К следующему типу относятся сравнительно приземистые сосуды, у которых диаметр венчика почти всегда превышает высоту. Они имеют более выпуклое тулово, отогнутые наружу венчики и устойчивое дно. Сосуды богаче и разнообразнее орнаментированы, преобладают отпечатки перевитого шнура и тесьмы, создающие различные узоры в виде горизонтальных линий, елочки, заштрихованных треугольников (рис. 20).

[16] *О. Г. Шапошникова.* Указ. соч., стр. 81—82, рис. 2.

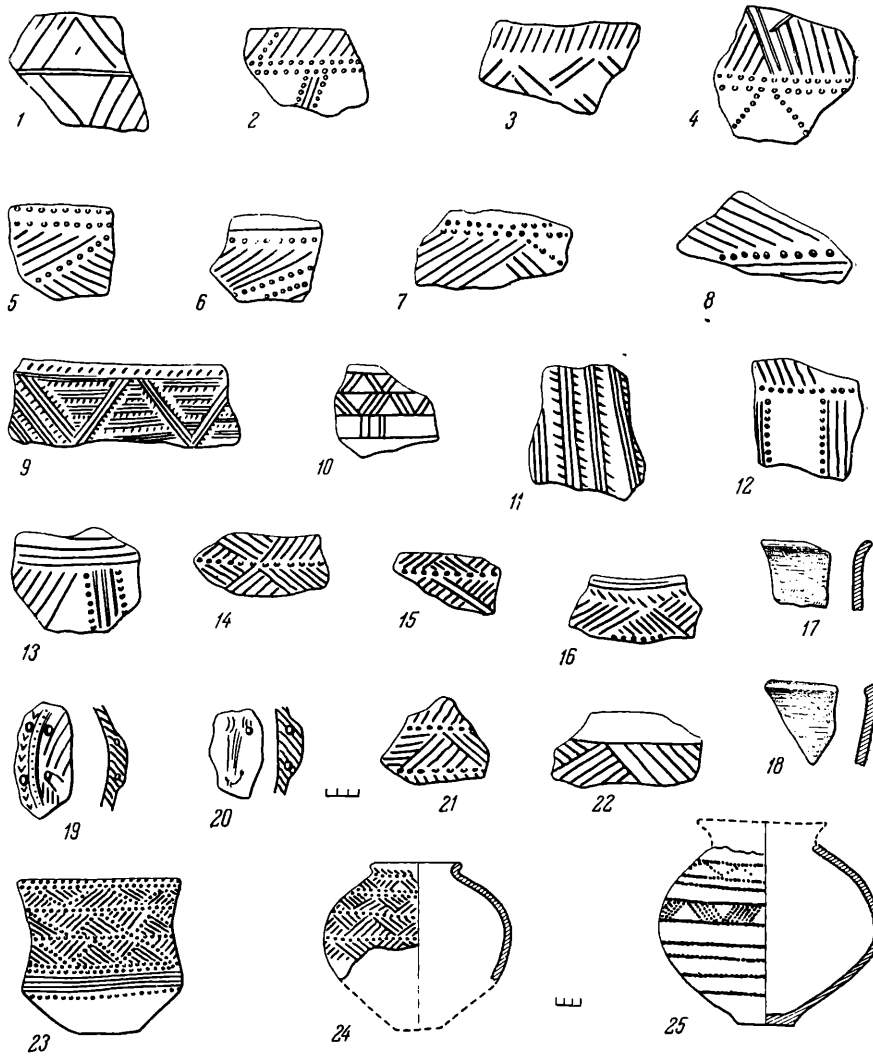


Рис. 21. Керамика II группы из поселения в урочище Исковщина

Этот тип керамики встречен на каневских поселениях в значительно меньшем количестве, чем керамика, описанная выше. Как по форме, так и в некоторой степени по мотивам орнаментации керамика отличается от катакомбной, особенно ее донецкого варианта.

Вторая, менее многочисленная группа керамики представлена сосудами типа кубков, шаровидных амфор, а также посудой колоколовидных форм (рис. 21). По форме и обработке поверхности, составу глины и толщине стенок эту группу керамики можно разделить на два основных типа.

Первый тип сосудов по технологическим признакам, составу глины, толщине стенок и обработке поверхности аналогичен керамике первой группы. Часто он определяется лишь благодаря характерной и весьма своеобразной орнаментации. Сосуды изготовлены из глины с примесью крупнозернистого песка. Поверхность небрежно заглажена. Это толстостенные сосуды сравнительно больших размеров с округлым туловом и маленьким плоским дном (рис. 21, *24—25*). Одна из амфор украшена орнаментом из нарезных линий, образующих пояса из соприкасающихся

сторонами заштрихованных треугольников. Пояса треугольников разделены рядами мелких углублений (рис. *21*, *24*). По форме и орнаментации этот сосуд близок амфоре, обнаруженной в одном из погребений среднеднепровской культуры у с. Иванковичи (бывш. Янковичи) [17].

Ко второму типу относятся сосуды, отличающиеся более тщательной обработкой поверхности и орнаментацией. Тесто не содержит грубых примесей. Это тонкостенная (0,5—0,6 см), богато орнаментированная посуда колоколовидных и блоковидных форм. Часто все тулово покрывается узорами. Один из таких сосудов удалось полностью реставрировать. Это сосуд колоколовидной формы, украшенный почти по всему тулову нарезными линиями и мелкими углублениями, образующими соприкасающимися сторонами заштрихованные треугольники (рис. 21, *23*).

Аналогичные сосуды составляют преобладающую массу находок в погребениях среднеднепровской культуры как Среднего, так и Верхнего Поднепровья, отличаясь лишь деталями орнамента: на сосудах днепродеснинского варианта пояса треугольников разделены рядами нарезных линий или отпечатками веревочки, совершенно не представлены ряды мелких углублений, орнамент расположен лишь в верхней части, в то время как на сосудах киевского варианта он располагается по всей поверхности [18].

Следует отметить, что керамика двух описанных групп была встречена на большинстве поселений Среднего и Верхнего Поднепровья, в то время как на синхронных памятниках Нижнего Поднепровья представлены сосуды нашей первой группы, керамика же, характерная для погребений среднеднепровской культуры, отсутствует.

Сочетание двух отмеченных групп керамик в Среднем Поднепровье характерно не только для поселений, но и для погребальных памятников, где в одних и тех же погребениях встречена посуда плоскодонной и шаровидной форм. Однако если на поселениях преобладают плоскодонные горшки, то в погребениях большинство составляют круглотелые сосуды, амфоры, посуда колоковидных форм.

Как уже отмечалось, керамика, выделенная во вторую группу, встречена на каневских поселениях в значительно меньшем количестве по сравнению с керамикой первой группы. На поселении в урочище Исковщина она составляет около 10% всей найденной керамики. На других же поселениях ее еще меньше (Пекари, Селище), а на некоторых она почти не представлена (подножье Большого скифского городища, Пилипенкова гора, Московка).

Рассмотренные новые материалы дают основание для пересмотра вопроса о культурной принадлежности каневской группы поселений.

В эпоху ранней бронзы в Среднем Поднепровье существовало множество поселений, которые можно подразделить на две группы. Одна группа представлена недолговременными поселениями, расположенными в большинстве случаев в поймах рек, на песчаных возвышенностях или же на краю боровых террас, т. е. в местах, наиболее благоприятных для скотоводства (селища у сел Трахтемирово, Козинцы, Красный хутор, Бортничи, Никольская Слободка). Аналогичные временные поселения выявлены И. И. Артеменко и в Верхнем Поднепровье. Эта группа поселений, вероятно, относится к более раннему времени.

Другая группа поселений располагается на высоких участках коренного берега Днепра. Это были долговременные поселки, население которых вело оседлый образ жизни (поселения на Кирилловских высотах, у сел Зарубинцы, Исковщина, Пекари и др.). Интересно то, что

[17] *Т. С. Пассек.* К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 43, рис. 13.
[18] *И. И. Артеменко.* Племена Верхнего и Среднего Поднепровья..., стр. 108.

в таких же топографических условиях выявлен и ряд временных поселений. Эта группа поселений относится к более позднему времени.

Керамический комплекс поселений типа Исковщины настолько своеобразен и настолько отличается от памятников донецкого варианта катакомбной культуры, что нет никаких оснований рассматривать эти памятники как один из вариантов катакомбной культуры. Как уже отмечалось исследователями, в Среднем Поднепровье не известны погребения в катакомбах и ямах с подбоями [19]. Керамика из каневских поселений свидетельствует лишь о влиянии харьковско-воронежского варианта катакомбной культуры (сходство форм посуды и в некоторой степени ее орнаментальных узоров, обработка поверхности сосуда мелким зубчатым штампом). Это влияние явилось скорее всего результатом межплеменных связей.

Каневская группа поселений испытывала значительное влияние соседней культуры ранней бронзы степного Приднепровья. Это влияние отчетливо запечатлелось на керамике, в которой наиболее характерной и преобладающей формой посуды являются сосуды вытянутых пропорций с яйцевидным туловом и небольшим плоским дном. На это указывает и близость орнаментальных узоров. Вероятно, это влияние происходило не путем межплеменных связей, а явилось результатом проникновения в Среднее Поднепровье отдельных групп племен из степного Поднепровья. Причиной такого проникновения явилось вторжение в степи Поднепровья катакомбных племен, под давлением которых часть местного населения степного Поднепровья вынуждена была передвинуться к северу, на правобережье Среднего Поднепровья. Следует также учитывать и то, что население Среднего Поднепровья испытывало некоторые влияния и других соседних племен, наложивших свой отпечаток на облик культуры этого населения. Так, на контакт с племенами волынской мегалитической культуры и культуры шнуровой керамики Волыни, Западной Подолии и Прикарпатья указывают находки шаровидных амфор и колоколовидных сосудов, а также сходство в элементах орнамента. Все это в конечном итоге и повлияло на культуру населения каневских поселений, придав ей своеобоазный колорит, в котором местные традиции культуры в значительной мере растворились в пришлых.

Подводя итоги изучения вопроса о культурной принадлежности каневской группы поселений, мы считаем возможным высказать предположение о том, что в эпоху ранней бронзы в Среднем Поднепровье бытовала культура смешанного типа, в которой ярко запечатлелись в основном две струи — местная и пришлая. Только в процессе дальнейших исследований можно будет уверенно говорить о конкретной роли каждого из этих компонентов.

[19] *С. С. Березанська.* Указ. соч., стр. 55.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 127 1971 год

Л. В. КОЛЬЦОВ

ИЗОБРАЖЕНИЕ РЫБЫ НА СОСУДЕ ИЗ ГАЛИЧСКОЙ СТОЯНКИ

В 1964 г. проведены были охранные раскопки известной неоднократно исследовавшейся Галичской стоянки Верхневолжской экспедицией ИА АН СССР.

Раскопки А. М. Талльгрена, В. И. Смирнова, Л. Н. Казаринова и В. А. Городцова охватили западную половину и центральную часть холма. Восточный конец холма был разрушен полностью бульдозером при дорожных работах. Большая часть культурного слоя в восточной половине холма тоже была уничтожена бульдозером.

Поэтому наши раскопы были поставлены на южном склоне холма, в западной и центральной части, где оставалась неразрушенная строительными работами и предыдущими раскопами часть поселения.

В двух раскопах (II и III) были обнаружены остатки двух жилищ. К сожалению, жилища были частично затронуты раскопами В. А. Городцова. Но он считал, что жилища были на Галичской стоянке округлые, поэтому им была избрана методика «выкружений» жилищ, при этом произвольно брался радиус жилища, и оно «выкружалось» (раскопки В. А. Городцов производил траншеями).

По нашим наблюдениям, жилища имели четырехугольную форму. Их очертания довольно четко прослеживались: культурный слой в жилищах окрашен гораздо интенсивнее.

Остановимся на описании жилища в раскопе III, которое имело подчетырехугольную форму и четко выраженные углы. Размеры в сохранившейся части 4 м × 3,60 м. Его западная часть была затронута траншеей В. А. Городцова. Оно было углублено от древней поверхности на 0,28 м. Жилище было ориентировано с юго-востока на северо-запад. Стенки слегка наклонные. Дно плоское. В этом жилище почти в самом центре была обнаружена очажная яма. Она тоже была затронута раскопом В. А. Городцова. Размеры в сохранившейся части 1,90 × 0,40 м, глубина 0,13 м. Дно котлообразное. Яма была заполнена мелкими угольками, поэтому песок был интенсивно окрашен. Дно очажной ямы покрыто тонким слоем прокаленного песка.

В пределах жилища было найдено большое количество керамики, причем несколько развалов сосудов с ямочно-гребенчатым орнаментом, каменные орудия (скребки, ножи, шлифованные топоры, наконечники стрел, в том числе сейминского типа и т. д.), два пряслица в виде усеченных конусов, украшенные елочным орнаментом.

В этом же жилище к востоку от очажной ямы, в 0,75 м от нее, на полу жилища был найден обломок венчика сосуда с изображением рыбы (рис. 22). Сосуд был слабого обжига, желтого цвета, с органической

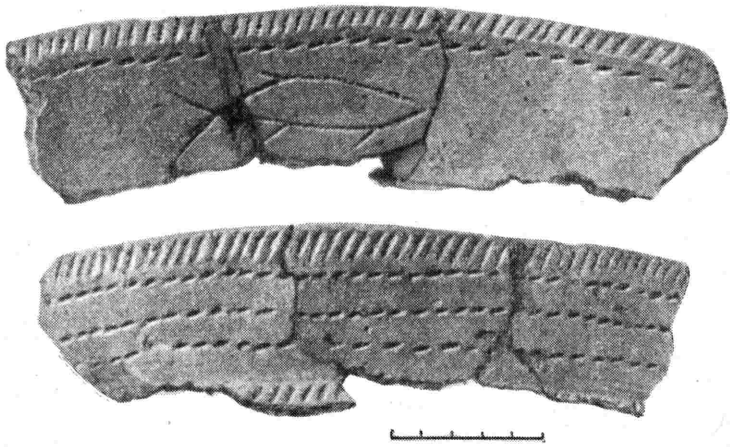


Рис. 22. Галичская стоянка. Изображение рыбы на сосуде

примесью и примесью песка в тесте. Формовался сосуд, судя по характеру излома, ленточной техникой. Венчик сосуда сверху плоский, слегка скошенный внутрь. Шейка отогнута под углом. Поверхность сосуда и снаружи и внутри заглажена, вероятно, травой. Орнамент на сосуде таков: снаружи сверху, у самого обреза венчика, расположен ряд косо поставленных отпечатков гребенки, под ним идут три параллельных, горизонтальных ряда коротких гребенчатых отпечатков. На тулове гребенчатый орнамент из косо поставленных отпечатков. Внутри по венчику тоже косо поставленные короткие отпечатки гребенки, под которыми горизонтальный ряд коротких гребенчатых оттисков. Отсутствие подобной орнаментальной полосы на других сосудах стоянки позволяет предположить, что полоса изображает горизонтальный уровень воды, под которым нанесено гребенчатыми оттисками изображение рыбы. Оно имеет длину 8,5 см; нанесено при помощи двух керамических штампов: для изображения контура рыбы использовался один штамп, для плавников и хвоста — другой. Рыба изображена довольно схематично: острая голова, вытянутое тело, один спинной и два нижних плавника, хвост в виде угла из оттисков гребенки. По мнению ихтиолога Е. А. Цепкина, изображена рыба из семейства карповых. Еще и сейчас в Галичском озере водится несколько представителей этого семейства: сазан, карась, лещ и др.

Ближайшей аналогией нашей находке является сосуд из кургана 13 абашевского Кухмарского могильника в Переяславском районе Ярославской области. Этот сосуд имеет шаровидное тулово и тоже сильно отогнутую шейку. Есть аналогии и в орнаментации — косо поставленные гребенчатые оттиски; только вместо горизонтальных линий здесь идут зигзаги. Внутри этого сосуда на стенке есть ряд изображений, среди которых тоже имеется изображение рыбы, правда, несколько более схематичное [1]. Интересно отметить, что оба эти изображения найдены в памятниках, расположенных на берегах больших озер.

Эта аналогия, а также орнаментация керамики, некоторые формы кремневых орудий (наконечники стрел сейминского типа, желобчатые долота) позволяют говорить о второй половине II тысячелетия до н. э. как о дате Галичской стоянки.

[1] *Д. А. Крайнов.* Кухмарский курганный могильник. КСИА, вып. 88, 1962, стр. 51—63.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 127 1971 год

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ

НОВЫЕ РАСКОПКИ ТУРГИНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Тургиновский фатьяновский могильник, открытый в 1937 г. в южной части Калининской области, впервые был раскопан О. Н. Бадером в 1938 г.[1] В 1966 г. Верхневолжская экспедиция провела новые раскопки этого памятника, находившегося в аварийном состоянии; обследована площадь в 1470 кв. м, главным образом в западной части урочища (рис. 23). На вскрытой площади обнаружено пять могил фатьяновского типа и отдельные предметы (кремневые отщепы и орудия), вероятно, из разрушенных поздними ямами погребений.

Могилы отличаются некоторым своеобразием по сравнению с известными фатьяновскими погребениями Верхней Волги. В исследованных могилах не были обнаружены погребальные сооружения, а в могиле 5 отмечены следы сожжения, что свидетельствует об обряде погребения, наблюдаемом в некоторых памятниках московской группы. Все могильные ямы, вырытые в песке, имели расплывчатые контуры и сравнительно небольшую глубину (90—125 см). Могилы 2, 3, 6, 7 и, возможно, могила 1 ориентированы были в направлении северо-восток—юго-запад, могила 5 — северо-запад—юго-восток, могила (?) 4 — запад—восток. Почти все исследованные могилы расположены в южной части раскопа и нарушены поздними ямами. Могила 3, частично срезанная окопом, в плане имела прямоугольную форму и приобрела четкие очертания на глубине 80 см от поверхности. Размеры сохранившейся части могильной ямы 230 × × 165 см. В ней на глубине 90 см найдены были кремневый наконечник стрелы (рис. 24, *1*) и ножевидная пластина (рис. 24, *19*). Вне могилы обнаружены на глубине 50 см сверленый топор (рис. 25, *1*), обломок шейки сосуда и два наконечника стрел (рис. 24, *2, 3*).

Могила (?) 4 отличалась большим своеобразием. Она состояла из двух ям неправильной формы с коническим дном, размерами 145 × ×110 см и 70 × 60 см, глубиной 120—125 см, которые обнаружились на глубине 80 см в пределах большого расплывчатого пятна, вытянутого с запада на восток на 350 см. Вдоль северного края пятна на глубине 50 см была прослежена тонкая углистая прослойка. Следов захоронения в «могиле» не обнаружено. На разной глубине от 30 до 100 см в пределах пятна было найдено семь кремневых отщепов (рис. 24, *18*) [2]. Возможно, могила (?) 4 и обнаруженное к юго-западу от нее на глубине 50 см кострище диаметром в 1 м являлись ритуальным местом.

[1] *О. Н. Бадер.* Фатьяновские могильники бассейна реки Шоши. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 119—124. Раскопано два погребения — 1 и 2.
[2] *О. С. Гадзяцкая.* Отчет о раскопках Тургиновского могильника в 1966 г. Архив ИА АН СССР, д. 3385.

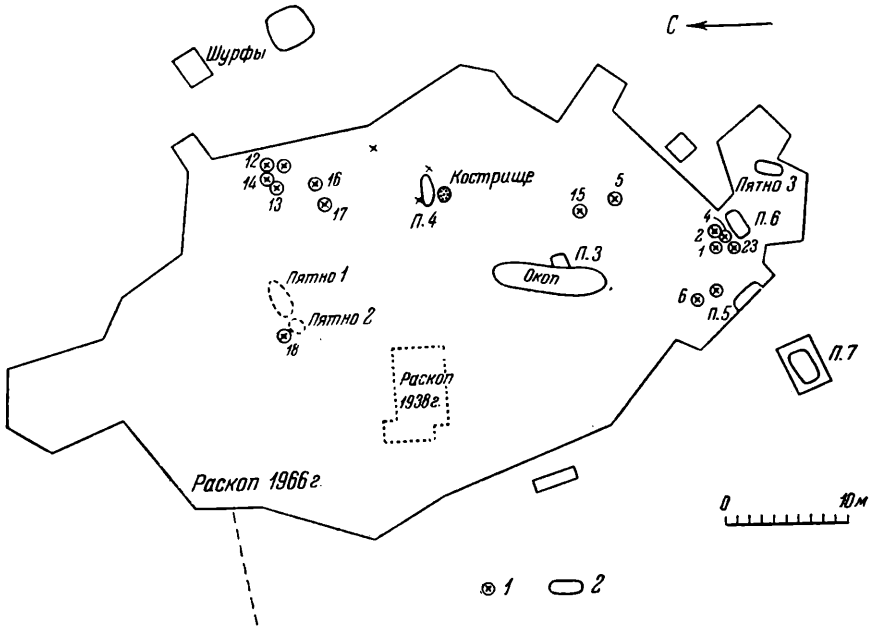


Рис. 23. Тургиновский могильник. План раскопок

1 — случайные находки; *2* — могилы

Могила 5 отличается от других могил наличием мощных кострищ в заполнении и на дне ямы. Расплывчатое могильное пятно прослеживалось с глубины 30 см. Золистое кострище размерами 290 × 110 см находилось в центре пятна на глубине 35—40 см. В северо-западной части могилы его толщина не превышала 20 см, а в юго-восточной части черное кострище размерами 180 × 110 см опускалось в виде чаши на глубину 90—100 см до дна могилы. Здесь выявились два кострища шириной в 50 см, расположенных близко друг от друга и вытянутых с северо-востока на юго-запад почти перпендикулярно к длине общего могильного пятна, размеры которого у дна 310 × 120 см. С северо-восточной стороны южного кострища найден разбитый сосуд (рис. 25, *5*), другой сосуд и кремневый нож (рис. 24, *10*, и 25, *4*) находились в северо-западной части могилы на расстоянии 50 см от кострищ. Возможно, кострища на дне могилы являются следами двух трупосожжений. Обряд трупосожжения редко встречается в фатьяновских могильниках (в Истринском и Ошурковском) [3]. Следы кострищ в могильных ямах отмечены в Кузьминском, Вауловском и, возможно, Скомороховском могильниках, однако во всех этих случаях кострища находились выше дна могилы и, вероятно, не являются остатками трупосожжения [4].

Могила 6 овальная в плане, юго-восточная стенка ее была разрушена поздней ямой. На глубине 50 см размеры могилы 270 × 150 см, на глубине 100 см — 260 × 110 см. На этой глубине найдены три круглодонных сосуда и четыре кремневых орудия. Сосуды 1 и 3 (рис. 25, *6*, *7*) находились на расстоянии 45 см друг от друга в северо-восточной части могилы. Там же были найдены скребок (рис. 24, *9*), нож-скребок (рис. 24, *16*), нож (рис. 24, *15*). Ближе к центру могилы лежал второй

[3] *Д. А. Крайнов.* Памятники фатьяновской культуры. Московская группа. САИ, вып. В1-19, 1963, стр. 41—42; *он же.* Отчет Верхневолжской экспедиции за 1965 г. Архив ИА, ф. Р-1, д. 3125.

[4] *Д. А. Крайнов.* Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа. САИ, вып. В1-20, 1964, стр. 34.

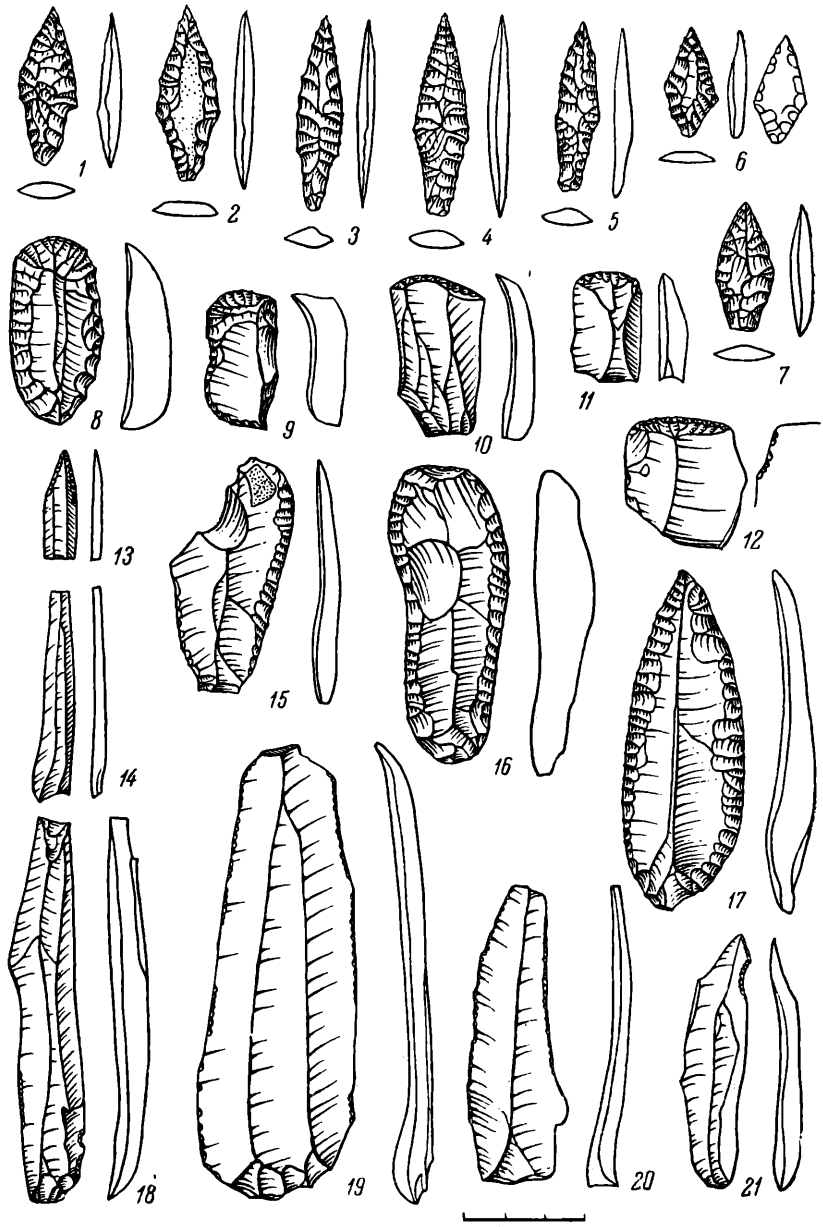


Рис. 24. Тургиновский могильник. Кремневый инвентарь

1—7 — наконечники стрел; *8—12* — скребки; *15, 17, 19, 20* — ножи; *16* — нож-скребок; *13* — проколка; *14, 18, 21* — пластинчатые отщепы. Могила 3 — *1—3, 19*; могила 4 — *18*; могила *5* — *20*; могила 6 — *8, 9, 13, 15, 16*; могила 7 — *4—7, 17*; случайные находки — *10, 11, 12, 14, 21*

скребок овальной формы (рис. 24, *8*). В средней части на дне могилы было прослежено золистое тонкое пятно, напоминающее тлен внутримогильных фатьяновских сооружений. В юго-западной части могилы на дне находился раздавленный сосуд 2 (рис. 25, *8*). Кости человека в могиле отсутствуют. В заполнении могилы были найдены на глубине 30 см два небольших отщепа, на глубине 60 см — узкая пластина с заостренным ретушированным концом (рис. 24, *13*).

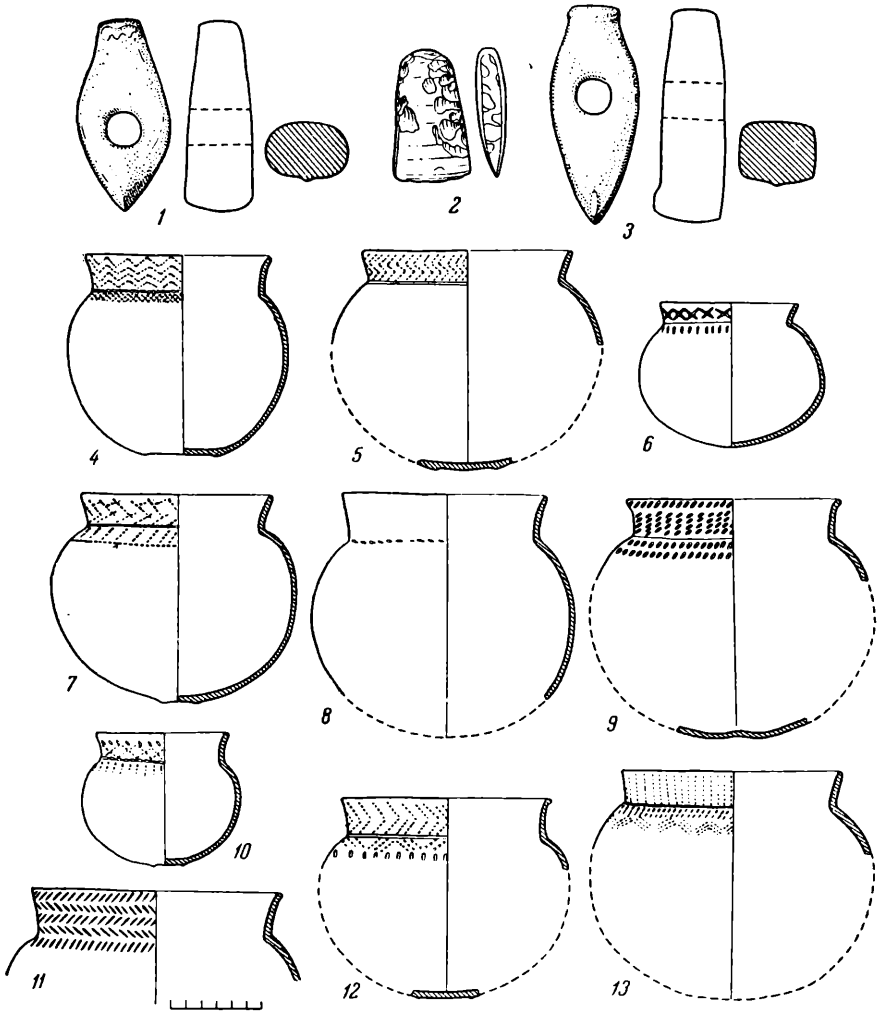


Рис. 25. Тургиновский могильник. Погребальный инвентарь

1—3 — орудия из камня; *4—13* — глиняные сосуды. Могила 3 — *1*, могила 5 — *4*; могила 6 — *6—8*; могила 7 — *2*, *3*, *9—13*

Могила 7 прямоугольной формы; в верхней части заполнение могилы сливалось с окружающим песком, на глубине 70 см размеры ее 200 × 330 см. В северо-западной половине могилы, ближе к центру, на глубине 60 см был найден раздавленный сосуд (рис. 25, *9*). Обломок шейки этого сосуда находился на глубине 110 см на дне могилы, которое имело слабо вогнутую форму. В сосуде обнаружен небольшой горшок (рис. 25, *10*). Рядом с этими сосудами на глубине 1 м найдены обломки третьего сосуда, кремневый клиновидный полированный топор (рис. 25, *2*, *11*) и кремневый нож (рис. 24, *17*), на дне — обломки четвертого сосуда (рис. 25, *12*). В юго-западном конце могилы были обнаружены пятый сосуд (рис. 25, *13*), четыре кремневых наконечника стрел (рис. 24, *4—7*) и каменный полированный сверленый топор-молоток (рис. 25, *3*). В средней части могилы до дна ее прослеживалась серая воронка от провала перекрытия, у северной стенки и у сосудов — включения тлена или угля, кости человека не сохранились. Можно полагать, погребенный был положен в северо-восточной части ямы, где дно могилы в центре имело темную окраску.

На исследованной площади Тургиновского могильника были и разрушенные могилы, на что указывают находки отдельных кремневых орудий и отщепов (рис. 24, *10—12, 21*).

Погребальный инвентарь Тургиновского могильника разнообразен, хотя в нем отсутствуют костяные изделия, которые, видимо, не сохранились. Найдены многочисленные орудия из кремня: клиновидные топоры, наконечники стрел, ножи и пластинчатые отщепы, скребки. Преобладает кремень светло-лилового и серого цвета, реже встречается кремень желтый, коричневый, красный и черный. Клиновидные топоры найдены в могилах 1, 2 и 7 [5]. Они имеют трапециевидную форму и различны в сечении. Топоры, найденные раннее, из красно-коричневого кремня, в сечении подлинзовидны или прямоугольны, топор из могилы 7, сделанный из желто-коричневого кремня (рис. 25, *2*), прямоугольный в сечении. Кремневые топоры этого типа широко распространены в фатьяновских могильниках, однако взаимовстречаемость в одном комплексе топоров с подлинзовидным и прямоугольным сечением характерна главным образом для развитых могильников ярославской группы — Вауловского, Наумовского, Никульцинского и Воронковского, в Ивановской области Тимофеевского. Этот факт указывает на сравнительно поздний возраст Тургиновского могильника.

Наконечники стрел найдены в могилах 3 и 7 (3 и 4 экз.) и сделаны из пластинчатых отщепов коричневого и лилового кремня. Четыре наконечника покрыты двусторонней сплошной ретушью (рис. 24, *1, 3—5*), три наконечника отретушированы частично. Преобладают наконечники удлиненной треугольно-черешковой формы (рис. 24, *1—5*); среди наконечников стрел коротких пропорций имеется наконечник ромбической формы (рис. 24, *6*). Кремневые наконечники стрел Тургиновского могильника находят аналогии в инвентаре могильников западной части территории фатьяновской культуры, что является их характерным признаком и сближает их с Днепро-Деснинскими памятниками среднеднепровской культуры. Обычай класть в могилы кремневые наконечники стрел наблюдается во многих могильниках московской группы — Детчинском, Ивановогорском, Истринском, Буньковском, Буланинском, Николо-Перевозском и, видимо, является не столько временным, сколько локальным признаком этой группы. На остальной территории фатьяновской культуры находки наконечников стрел в могилах крайне редки [6].

Форма наконечников стрел Тургиновского могильника отличается от большинства черешковых фатьяновских наконечников слабо выделенным черешком, что характерно только для наконечников из Детчинского и Ивановогорского могильников. Ромбическая форма наконечника из могилы 7 (рис. 24, *6*) до сих пор вообще не была известна, если не считать грубого наконечника из Чебаковского поселения, расположенного далеко на востоке и относящегося к сравнительно позднему времени.

Режущие орудия в Тургиновском могильнике представлены кремневыми ножами и ножевидными пластинами довольно крупных размеров, на которых имеются следы работы (рис. 24, *6, 17—20*). В могиле 7 найден нож листовидной формы с узким концом, тщательно отретушированный со спинки (рис. 24, *17*), аналогичный ножам из Детчинского могильника [7].

[5] *О. Н. Бадер.* Указ. соч., стр. 122, рис. 2, *6*; стр. 123, рис. *3, 1*.

[6] Отдельные экземпляры найдены в Волосово-Даниловском могильнике. На востоке единичные наконечники стрел несколько иной формы имеются в Балановском могильнике, кургане Атли-Касы, на Кубашевском и Чебаковском поселениях (*Д. А. Крайнов.* Отчет о раскопках Волосово-Даниловского могильника за 1966 г. Архив ИА АН СССР, д. 3385; *О. Н. Бадер.* Балановский могильник. М., 1963, стр. 189, рис. 122, 1, *3*, стр. 218, рис. 150, *9—11*; стр. 223, рис. 153, *4*; стр. 227, рис. 155, *1*.

[7] *Д. А. Крайнов.* Памятники фатьяновской культуры. САИ, вып. В1-19, табл. XXI, *23, 24*.

Крупные ножевидные пластины (рис. 24, *19*) также найдены в могильниках московской группы. Скребки Тургиновского могильника сделаны на широких пластинчатых отщепах (рис. 24, *8—12*). Четыре из них концевые с выгнутой рабочей частью, скребок овальной формы из серого камня из могилы 6 (рис. 24, *8*) покрыт ретушью по краям и сильно сработан, в той же могиле найден нож-скребок (рис. 24, *16*). Интересна проколка на узкой пластине (рис. 24, *13*). Кремневый инвентарь Тургиновского могильника, включающий большое число кремневых наконечников стрел, сближает его с фатьяновскими памятниками московской группы.

Каменные орудия Тургиновского могильника — четыре сверленых топора, найденные в могилах 1, 2[8], 3 и 7. Зеленовато-серый длиннообушковый топор из могилы 3 (рис. 25, *1*) на обухе и лезвии покрыт выбоинами. Светло-серый диоритовый топор из могилы 7 (рис. 25, *3*) уплощен, имеет грибовидный обушок, на лобной стороне продольное ребро, на тыльной — короткую низкую лопасть. Топор того же типа находился в могиле 2. Длиннообушковые топоры найдены главным образом на территории Московской области и распространены западнее в среднеднепровской культуре[9]. Топор из могилы 7 (рис. 25, *3*) оригинален по форме, прямых аналогий среди фатьяновских топоров не имеет и лишь отдаленно напоминает коротколопастные топоры из юго-западных районов фатьяновской культуры.

Керамика Тургиновского могильника круглодонная, желтого или коричневого цвета, сделана из глины с небольшими примесями песка или мелкой дресвы, иногда мелкого шамота. Поверхность сосудов хорошо заглажена снаружи и внутри, на некоторых из них сохранились следы лощения. Полосы горизонтальной вытертости видны внутри сосуда 1 из могилы 6. Обжиг посуды слабый. Во всех могилах найдены сходные по форме сосуды средних размеров с округлым туловом, хорошо выделенной шейкой и слабо отогнутым краем. Отличается сосуд с невысокой шейкой из могилы 6 по форме тулова и пропорциям (рис. 25, *6*). На днищах сосудов имеются ямки с выступающими краями, кольцевые углубления или невысокие узкие кольцевые налепы. Все сосуды, за исключением сосуда из могилы 6 (рис. 25, *8*), орнаментированы оттисками зубчатого штампа и прочерченными линиями. Орнамент украшает главным образом шейки сосудов, спускаясь на плечики узкой полосой. Несложные орнаментальные композиции представлены горизонтальной и вертикальной елочкой (сосуд из погребения 1 на рис. 25, *4*, *5*, *7*, *11*, *12*), широким косым крестом и косой решеткой (рис. 25, *4*, *6*, *10*), на двух сосудах полосами из попеременно наклонных линий (рис. 25, *12*, *13*). На одном сосуде короткие зубчатые оттиски образуют длинные вертикальные ромбы (рис. 25, *9*), часто встречающиеся на посуде ярославских и ивановских памятников. У многих сосудов в основании шейки вдавлен оттиск веревочки, на двух сосудах его заменяет бороздка (рис. 25, *5*, *12*). Сравнительная бедность орнаментики, такие элементы, как косая решетка, отпечатки веревочки, сближают керамику Тургинова с керамикой соседних могильников Калининской области (Ошурковского, Лихачевского) и Московской области (Протасовского могильника). Своеобразие керамики Тургиновского могильника проявляется в деталях. Преобладание елочных композиций в орнаментике сосудов, наблюдаемое в Тургинове, не характерно для большинства фатьяновских памятников, хотя отдельные сосуды с подобным орнаментом найдены в могильниках ярославско-калининской

[8] *О. Н. Бадер.* Фатьяновские могильники бассейна реки Шоши, стр. 122, рис. *2*, *5* и рис. *3*, *3*.
[9] *Д. А. Крайнов.* Указ. соч., стр. 28, 29.

группы [10]. Елочные узоры типичны для памятников бронзового века Прибалтики, встречаются они и в среднеднепровской культуре. Возможно, появление елочных узоров на фатьяновской керамике объясняется влиянием западных культур, так как именно на смежной с ними территории фатьяновской культуры этот узор встречается чаще, чем в других районах. В настоящее время вопрос о характере западных памятников фатьяновской культуры, в которых выявляются отдельные черты сходства с соседними «культурами боевых топоров» (в орнаментации оттисками шнура и елочкой, в некоторых формах керамики, сверленых топоров и кремневых наконечников стрел), все еще недостаточно разработан. Указанные черты сходства позволяют некоторым исследователям говорить о продвижении фатьяновских племен с запада [11]; другие считают эти черты сходства выражением контактов первоначально разнородных групп [12]. Для решения этих вопросов нужны новые данные. Материалы Тургиновского могильника не дают оснований говорить об абсолютной дате этого памятника. О. Н. Бадер считает возможным датировать его относительно ранним временем по аналогии с московской группой фатьяновских могильников. Однако намечается разновременность могильников внутри этой группы. Тургиновский могильник, судя по сходству с Протасовским могильником, не относится к наиболее ранним фатьяновским памятникам московской группы.

[10] *Д. А. Крайнов.* Фатьяновская культура, табл. XXVII. Олочинский, Лихачевский, Ошурковский, Таскаихский, Халдеевский, Тимофеевский и Фатьяновский могильники.

[11] *Д. А. Крайнов.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья (фатьяновские племена II тыс. до н. э.). Автореф. докт. дисс. М., 1967; *О. Н. Бадер.* Указ. соч., стр. 129.

[12] *П. М. Кожин.* О западной границе фатьяновской культуры. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 127.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 127 1971 год

Р. Д. ГОЛДИНА, Л. Я. КРИЖЕВСКАЯ

ОДИНО — ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ В ЗАПАДНОСИБИРСКОМ ЛЕСОСТЕПЬЕ

Изучение ранних этапов первобытной культуры, предшествующих эпохе развитой бронзы в западносибирском лесостепье, начато относительно недавно. Тем не менее в бассейне р. Ишим уже исследован ряд памятников, позволяющих составить определенные представления о характере неолитической и предандроновской культур этого района. Одним из таких памятников, относящихся к предандроновскому времени, является поселение Одино, исследованное авторами статьи в 1965 г.

Оно расположено в Викуловском районе Тюменской области, на левом берегу р. Ишима, в 1,5 км к северо-востоку от дер. Одино, на таком же расстоянии от современного русла реки и приблизительно в 0,5 км от ее старицы. В ландшафтном отношении поселение находится у северной окраины лесостепной зоны, на границе ее с тайгой.

На поселении сохранилось жилище (рис. 26), первые контуры полуземляночной части которого отчетливо прослеживались на глубине 0,7 м[1], максимальное же углубление достигает 1,05—1,1 м (от современной поверхности). Остатки жилища представляют собой небольшой котлован подчетырехугольной формы, размером 8 × 8 м с несколько деформированными, возможно от времени, углами. Пол жилища был ровный, что хорошо заметно в профилях. Стенки, вырытые в материке, строго вертикальны.

Земляночная часть жилища, вырытого в плотном суглинке, была неглубока и составляла в среднем немногим более полуметра. Вход в жилище в виде короткого «отростка», постепенно суживающегося к наружной части, был обращен к югу, в сторону реки.

Все жилищные остатки — ямы, западины, очаги, скопления керамики — находились в пределах землянки, если не считать небольшого скопления угольков с северо-восточной стороны жилища на расстоянии полутора метров от него. 18 ямок, вырытых на различную глубину и имеющих различную форму, являются остатками опоры перекрытия. Можно проследить некоторую закономерность в их расположении по углам жилища, в каждом из которых имелось две — большая и маленькая. Остальные же — небольшие в диаметре — почти все находились в восточной части землянки. Почти все опорные столбы, как свидетельствует глубина ямок, не превышающая 15 см, были врыты неглубоко и имели полукруглую форму торца, за исключением двух-трех, оканчивающихся заострением. Концентрация их в одной стороне позволяет высказать предположение

[1] На месте древнего поселения находилось кладбище 150—200-летней давности, нарушившее в ряде мест культурные напластования.

о том, что кровля являлась односкатной. Наиболее высоко она была поднята в юго-восточной части, против входа. В центре, несколько ближе к входу, размещался очаг в виде небольшого углубления, имеющего около полуметра в диаметре. Заполнение его состояло из плотного зольного слоя с единичными фрагментами керамики от разных сосудов. Второй очаг, аналогичный первому, находился у самого входа, в его восточном углу. Он располагался в специально вырытом на 25 см углублении и состоял из зольного слоя, сохранившего угольки и скопление фрагментов от разных сосудов. Кроме ямок и очагов в жилище обнаружены западины аморфных очертаний, назначение которых не совсем ясно. Здесь же, в жилище, сохранился выброс, образовавшийся при рытье ям или углубления самого котлована жилища, осуществлявшегося уже в период обитания в нем населения, в виде линзы суглинка 20 см толщины. Отметим, наконец, наличие интенсивно черного мощного слоя золы и пепла, содержащего многочисленные угольки, а ближе к основанию, на глубине 1—1,05 м, большое скопление угля (этот уголь был подвергнут

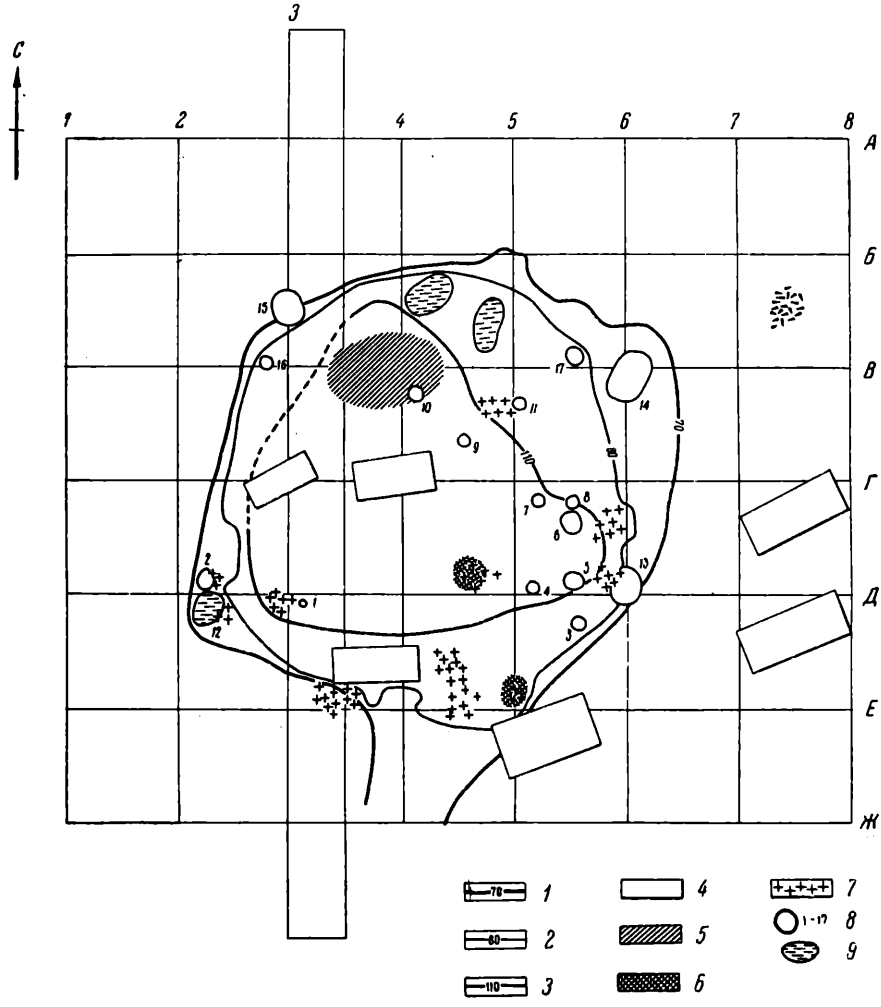


Рис. 26. План жилища Одино

1 — очертания жилища на глубине 0,7 м; *2* — очертания жилища на глубине 0,8 м; *3* — очертания жилища на глубине 1,1 м; *4* — современные могилы; *5* — выброс из жилища; *6* — очаги; *7* — скопление угля; *8* — контуры ямок; *9* — западины

радиокарбонному анализу). Никаких следов преднамеренного сооружения, с которым был бы связан этот слой, не имеется; он, очевидно, является следствием происшедшего в жилище пожара.

Вещественные остатки представлены почти исключительно керамикой, основная масса которой найдена в нижних горизонтах и на полу жилища, в скоплениях, представляющих собой развалы сосудов. Таких наиболее крупных скоплений было семь. Они по своему местоположению либо тяготеют к входу, либо находятся у места максимальной концентрации ямок от столбов. Два скопления располагались по двум сторонам входа, причем одно с наружной части жилища, вплотную к его стенке, другое с внутренней стороны (см. рис. 26). Судя по расположению жилищных остатков, надо полагать, что повседневная жизнь обитателей поселения протекала главным образом в наиболее удобной части землянки: у входа, где было больше света, и на участках, где выше была поднята кровля.

Первобытные жилища лесостепного Зауралья и Западной Сибири мало исследованы и скупо описаны. Заслуживает внимания, однако, некоторое сходство Одиновского жилища с неолитическим жилищем со стоянки Кокуй I [2], имевшим приблизительно такие же размеры и аналогичную четырехугольную форму. Еще большее сходство прослеживается с жилищем поселения Липовая Курья, относящимся к черкаскульской культуре. Последнее имело строго четырехугольную форму, размеры, равные одиновскому, опорные столбы по углам и короткий, довольно широкий выход, направленный к воде [3].

Таким образом, намечается определенная устойчивость типа жилищ для довольно широкой территории зауральского лесостепья. Тип этот заметно отличен от распространенного к западу от Урала, где в эпоху бронзы господствуют большие дома, части которых соединены переходами [4]. Отличается он и от больших андроновских домов [5].

Коллекция керамики включает 1282 фрагмента, из которых лишь 25 экз. принадлежат сосудам более позднего времени, 549 экз. принадлежат 46 выделенным сосудам, остальные распределяются только по типам орнаментации, так как принадлежность их к какому-либо сосуду не устанавливается. Керамика подразделяется на несколько групп с известной долей условности (таблица), поскольку на одном сосуде иногда применялось два способа орнаментации. В таком случае предпочтение отдавалось преобладающему узору.

Наиболее многочисленную группу составляет керамика с гребенчатым орнаментом (34 сосуда). Ее следует в свою очередь разделить на две подгруппы, с орнаментом, нанесенным короткой и длинной гребенкой, поскольку различие в штампах сопровождается несколько отличной манерой нанесения узора.

К первой подгруппе относятся 26 сосудов, ко второй — 8 сосудов. Те и другие представлены преимущественно банкообразной формой без четко выраженной шейки, с плоским дном и прямым верхним краем. Но у некоторых край несколько загнут внутрь, благодаря чему верхняя часть их приобретает полуяйцевидную форму. В нескольких случаях наблюдается мягкий отгиб венчика наружу.

Наряду с крупными экземплярами, диаметр края которых 28—34 см и высота 36—37 см, встречаются и небольшие — с диаметром края 12—16 и высотой 21 см. У первых толщина стенок, шеек и днищ варьирует от 0,7 до 1,2 см, у вторых она колеблется в пределах 0,5—0,6 см.

[2] *В. Ф. Генинг, Л. Я. Крижевская.* Новые неолитические стоянки на р. Ишиме. КСИА, вып. 106, 1966.
[3] *Л. П. Хлобыстин.* Липовая Курья — поселение «андроноидной» культуры Южного Зауралья. КСИА, вып. 114, 1968.
[4] *О. Н. Бадер.* Поселения Турбинского типа в Пермском Прикамье. МИА, № 99, 1964.
[5] *В. С. Сорокин.* Андроновская культура, т. I. САИ, вып. 133-2, 1966.

Таблица

Поселение Одино. Распределение керамики по типам орнамента

Тип орнаментации	Сосуды		Количество прочих фрагментов	Всего фрагментов
	количество сосудов	количество фрагментов		
Гребенчатый	34	419	238	657
в том числе:				
гребенка короткая	26	360	162	522
гребенка длинная	8	59	76	135
Прочерченный	4	90	—	90
Штамп в виде I	2	31	—	31
Наколы	6	9	24	33
Не вошедшие в разборку	—	—	—	446
	46	549	262	1257

Венчики у большинства сосудов плоские, иногда округлы. Днища плоские. Диаметры их у крупных сосудов 8—14 см, у малых он не превышал 5 см.

В качестве примеси к тесту употреблялись песок и шамот. На некоторых участках внутренней и внешней не занятой орнаментом поверхности наблюдаются отпечатки «сетки» в виде довольно редких и крупных ячеистых вдавлений, образованных в местах переплетения нитей, и более тонких отпечатков собственно ткани, служившей, очевидно, основой при изготовлении посуды (рис. 27, 5, 7). Иногда имеются следы заглаживания поверхности гребенчатым штампом, которым наносился узор и снаружи.

Как правило, орнамент покрывал всю поверхность. Свободное от узоров пространство наблюдается иногда у дна, иногда в верхней части. В большинстве случаев узор представляет собой горизонтальные ряды оттисков косо поставленного гребенчатого штампа (рис. 27, *4*). На нескольких экземплярах в средней части тулова наблюдается своеобразная орнаментальная зона, где оттиски штампа располагаются наклонными рядами по отношению к краю.

Дополняют орнамент горизонтальные ряды круглых глубоких ямок, расположенных по краю, тулову и в придонной части. Они дают на обратной стороне четко выраженные жемчужины. Имеются также ряды внутренних ямок с жемчужинами на наружной поверхности. Возможно, что нанесение их преследовало цель более рельефного выделения зон.

Своеобразен узор из сочетания гребенчатых оттисков с наклонными рядами I-видного штампа по краю и наколами в придонной части.

Днища также сплошь орнаментированы концентрическими кругами оттисков гребенки, иногда дополненными рядами ямок (рис. 27, *6*), реже подтреугольными наколами.

Орнамент наносился гребенкой из трех-четырех или шести-семи нечетких зубцов, чаще всего подтреугольного сечения, оставляющих весьма оригинальные треугольные отпечатки, напоминающие наколы. Реже отпечатки зубцов имеют прямоугольную форму. Иногда те и другие оттиски встречаются на одном сосуде.

Ко второй группе относятся четыре сосуда, украшенные прочерченными линиями. Шейка сохранилась лишь у одного из них, повторяющего форму посуды предыдущих типов. Диаметр края 30 см. Фрагменты имеют

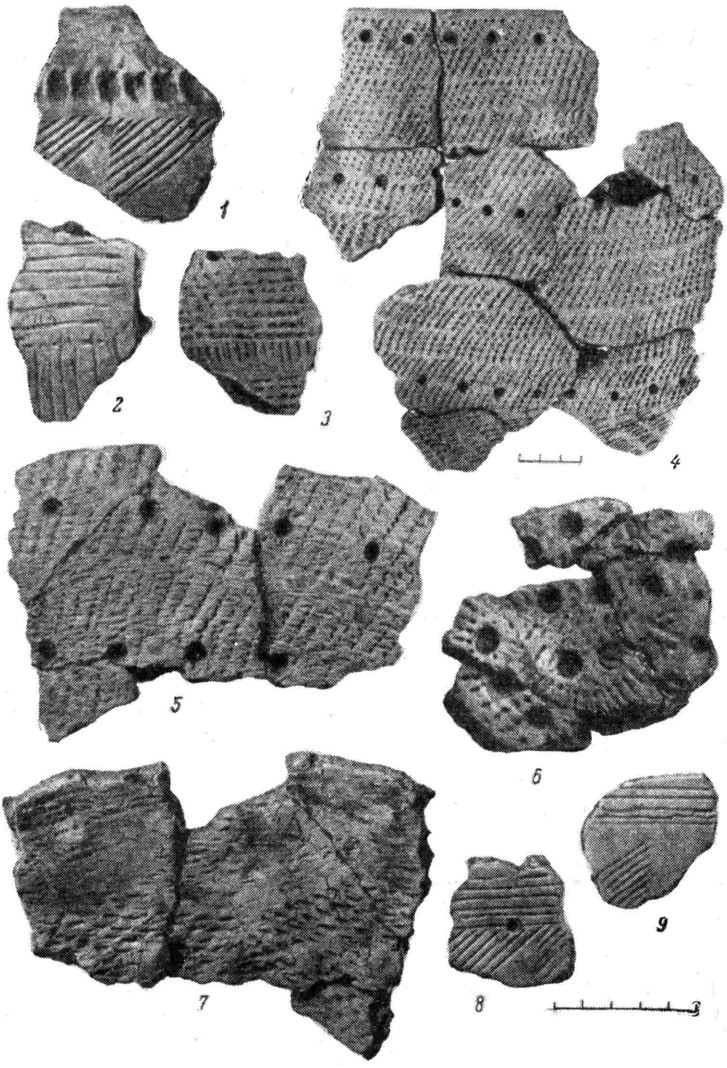


Рис. 27. Керамика Одино

светло-серый или красноватый цвет. В тесте присутствуют песок и шамот. Поверхность, как внутренняя, так и внешняя, заглажена мягким предметом.

Узор, покрывающий всю поверхность, несколько разрежен. Орнаментальное поле четко членится на зоны. По краю идет горизонтальный ряд пальцевых защипов. Узор на тулове представляет собой горизонтальные пояски из нескольких прочерченных линий, перемежающихся с прямоугольными треугольниками и зигзагами, выполненными тем же способом (рис. 27, *1—3, 8, 9*). Дополняется он несколькими рядами глубоких ямок без жемчужин на оборотной стороне. На фрагментах других экземпляров прочерченные линии расположены под прямым углом или горизонтальные полосы разделяются рядом коротких вертикальных линий. Иногда прочерчивание выполнялось техникой отступающей палочки.

Третьей группе принадлежат обломки двух сосудов, украшенных штампом в виде римской единицы. Один из них имеет обычную для всего комплекса банковидную форму, другой представляет собой низкую, высотой 6 см, чашу-жаровню с уплощенным дном.

Орнамент сплошь покрывает стенки, так же, как, по-видимому, донышки, и представляет собой горизонтальные пояски косо поставленного I-образного штампа, разделяющиеся рядами глубоких круглых ямок. На венчике одного сосуда прослеживаются оттиски гребенчатого штампа.

Четвертую группу составляют фрагменты с накольчатой орнаментацией. Обломки очень мелки, и выделение этой группы наиболее условно (6 сосудов, 33 фрагмента). По-видимому, они имеют ту же форму, что и посуда предыдущих групп. Исключение составляет чашечка диаметром 6 см и один тонкостенный (3 мм) сосуд. Узор выполнен короткими подтреугольными или линзовидными наколами, сочетающимися с рядами круглых ямок с жемчужинами на оборотной стороне, или поясками из оттисков короткой двузубой гребенки.

Итак, мы видим, что одиновская керамика, не говоря о нескольких черепках более поздних эпох, по всем признакам, кроме типов орнамента, весьма однородна. Эта однородность прослеживается в устойчивой банкообразной плоскодонной форме сосудов, в их величине, составе глиняного теста и толщине стенок, в приемах изготовления, в приемах нанесения орнамента и т. д. Все вместе взятое позволяет рассматривать одиновскую керамику как единый комплекс и не дает основания для ее хронологического деления.

Плоскодонная керамика, сохранившая архаические неолитоидные черты орнаментации, преимущественно прочерченной, впервые была обнаружена к востоку от Урала К. В. Сальниковым на поселении Боборыкино II [6], которое по комплексу кремневых и керамических находок считалось в свое время уникальным для данного района. Однако впоследствии в западносибирском лесостепье был обнаружен еще ряд стоянок с подобной керамикой. К таковым относится Кошкино I на р. Тоболе и несколько стоянок на р. Ишиме. Таким образом, эта керамика имеет достаточно обширную зону распространения, достигающую на востоке верховьев р. Оби [7]. Ишимская керамика, правда, несколько отлична от исетско-тобольской и составляет свой местный вариант. В ней преобладают гребенчатые и ямочные мотивы, но общий ее облик сближает ее с последней и позволяет отнести к одному и тому же кругу.

Весьма существенно, что ишимские стоянки дают возможность рассмотреть развитие керамики в неолитическое и раннебронзовое время. На каждом последующем этапе она, приобретая новые черты, сохраняет элементы предшествующего периода, что позволяет установить ее генезис и наметить относительную хронологию памятников.

Необходимо, однако, сказать, что для Одино имеется абсолютная дата, полученная радиоуглеродной лабораторией ЛОИА и составляющая 3180 ± 70 лет. Она расходится со сравнительно типологической датировкой, так как раннебронзовое, предандроновское время, по общепризнанному мнению, занимает первую половину II тысячелетия до н. э. и не захватывает XIII в. до н. э., установленный для Одино радиокарбонной датой. Наличие ее заставляет принять раннебронзовое время для Одино с известной долей условности, тем более что эпоха развитой бронзы в Ишимском бассейне пока очень мало известна. Возможно, что она в пограничном с лесной зоной районе будет представлена не андроновской культурой, а иной, своеобразной.

[6] *К. В. Сальников.* Новый вариант раннебронзовой культуры Зауралья. КСИА, вып. 85, 1961; *он же.* Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. «Археология и этнография Башкирии», т. I, Уфа, 1962.

[7] *М. Н. Комарова.* Неолит верхнего Приобья. КСИИМК, вып. 64, М., 1956; *В. И. Матющенко.* Некоторые вопросы связи племен Урала и Западной Сибири. ВАУ, вып. I, Свердловск, 1961.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 127 1971 год

Г. И. КОРНЮШИН

КУРГАНЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ У с. СТАРАЯ ТОЙДА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1965 г. у с. Старая Тойда Аннинского района Воронежской области Битюгским отрядом Лесостепной скифской экспедиции Института археологии АН СССР под руководством автора был раскопан курган 1, находящийся в курганной группе 132 (рис. 28) [1]. Курганы находятся в 2 км к югу от села, в 200 м к востоку от проселочной дороги в с. Старая Чигла, на высоком плато коренного правого берега долины р. Битюга. В группе 10 курганов, располагаются они мелкими группами, почти строго попарно: шесть насыпей составляют более компактную группу, два кургана удалены на юг и находятся за оврагом Студеным и еще два расположены на север от основной группы на 250 м. Все курганы однообразны, круглые в плане, сильно уплощены, высота их от 0,2 до 1,6 м, диаметр от 20 до 35 м.

Курган 1 имеет несколько вытянутую форму, больший диаметр по линии север — юг (32 м) и меньший по линии восток — запад (30 м), высота насыпи от уровня поля 1,6 м.

Курган вскрыт пятью кольцевыми траншеями шириною по 2 м с оставлением двух взаимно перпендикулярных бровок шириною 0,5 м (рис. 29).

В стратиграфии насыпи прослежены три слоя: первый — пахотный черноземный слой мощностью 0,2—0,3 м, второй слой — однородная рыхлая черноземная земля с незначительной примесью перемещенного грызунами суглинка мощностью 1, 2 м и третий слой — темная плотная земля — древняя погребенная почва, мощностью 0,15—0,2 м, переходящая постепенно в материковую глину.

Ряд находок сделан в насыпи кургана. Такова каменная песчаниковая поделка овальной формы, размеры 2 × 4, 2 × 2 см, с одной стороны выпуклая, с другой — плоская с полукруглым в сечении желобом на плоской стороне. Кроме того, найдены разрозненные кости животных и человека, фрагменты сосудов и два целых лепных горшка (оба в юго-западном секторе). Первый с широким горлом, округлым туловом и плоским дном (рис. 31, *5*). Венчик горшка слегка утолщен и несколько отогнут во внешнюю сторону. Горшок без орнамента, заглаживание стенок ровное, без штриховки, цвет поверхности желтоватый, в изломе черный, в тесте примесь мелкого песка и толченой раковины. Второй горшок мискообраз-

[1] Номер группы курганов дан по карте в статье Г. И. Корнюшина «Археологические памятники в Аннинском районе, Воронежской области» (см. *П. Д. Либеров.* Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, стр. 174, рис. 1).

ной формы без орнамента. Цвет поверхности желтоватый, в изломе черный, в тесте примесь мелкого песка.

В первой траншее на глубине пятого штыка вскрыто четыре погребения (2, 3, 8 и 9; рис. 30).

Погребение 2. Могильная яма прямоугольной формы, длина 2 м, ширина 1 м врезана в материк на 20 см, углы закруглены. Ориентирована яма на северо-восток. Деревянных конструкций не обнаружено.

Костяк лежал скорченно на левом боку, головой на северо-восток (см. рис. 30). Под скелетом прослеживаются глиняная подмазка и подстилка из древесной коры. У черепа — зольная присыпка розоватого цвета, сверху скелет присыпан серым пеплом. В верхней части грудной клетки и у шейных позвонков найдено более двух десятков мелких пастовых бус белого цвета и две ромбические бляшки из сурьмы с ушками (рис. 34, *3*, *4*). Бляшки украшены по краям валиком, а середина заполнена девятью выпуклинами в шахматном порядке. Размер бляшек по диагоналям 2 × 1,5 см. Ниже кистей рук найдены два обломка бронзового желобчатого в сечении браслета (рис. 34, *6*, 7). У ушных раковин черепа видна зеленая окись бронзы и отпечатки каких-то украшений. У головы скелета стоял большой широкогорлый с уплощенным дном сосуд, приближающийся по форме к колоколовидным абашевским горшкам, но с более округлым туловом. Венчик отогнут наружу. Украшен горшок по венчику зерновидными вдавлениями, по плечику рядом круглых вдавлений, во второй половине тулова к донышку проведены палочкой слабые вертикальные линии (рис. 32, *6*). Заглаживание поверхностей ровное, цвет стенок серый, в тесте примесь ракушки. Второй сосуд, меньших размеров, стоял у колен покойника. Горшок, вылепленный из непрочного землистого теста, развалился на множество мелких кусочков. Украшен оттисками кружочков полой палочкой с точечными вдавлениями в центре кружочков.

Погребение 3. С третьего штыка был обнаружен древесный тлен четырех столбов. Первая пара столбов стояла в северных углах могильной ямы, а вторая пара — на 2 м южнее первой. Столбы доходили до дна могилы, высота их около 70 см, толщина 10 см. На четвертом штыке около каждой пары столбов, перекрывая поперек могильную яму, лежали толстые (до 20 см) деревянные плахи длиной до 1,5 м. Могильная яма прямоугольной формы, ориентирована на север с небольшим отклонением

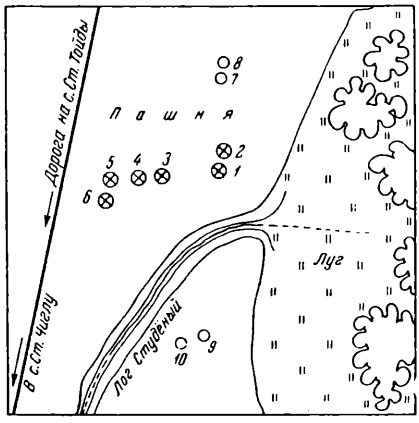


Рис. 28. План курганной группы 132 у с. Старая Тойда

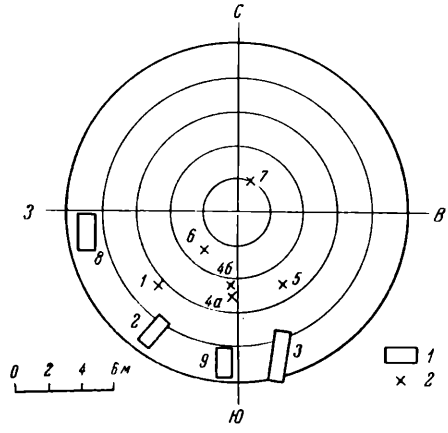


Рис. 29. Схематический план расположения погребений в кургане 1 у с. Старая Тойда

1 — погребение в грунте; *2* — погребение в насыпи

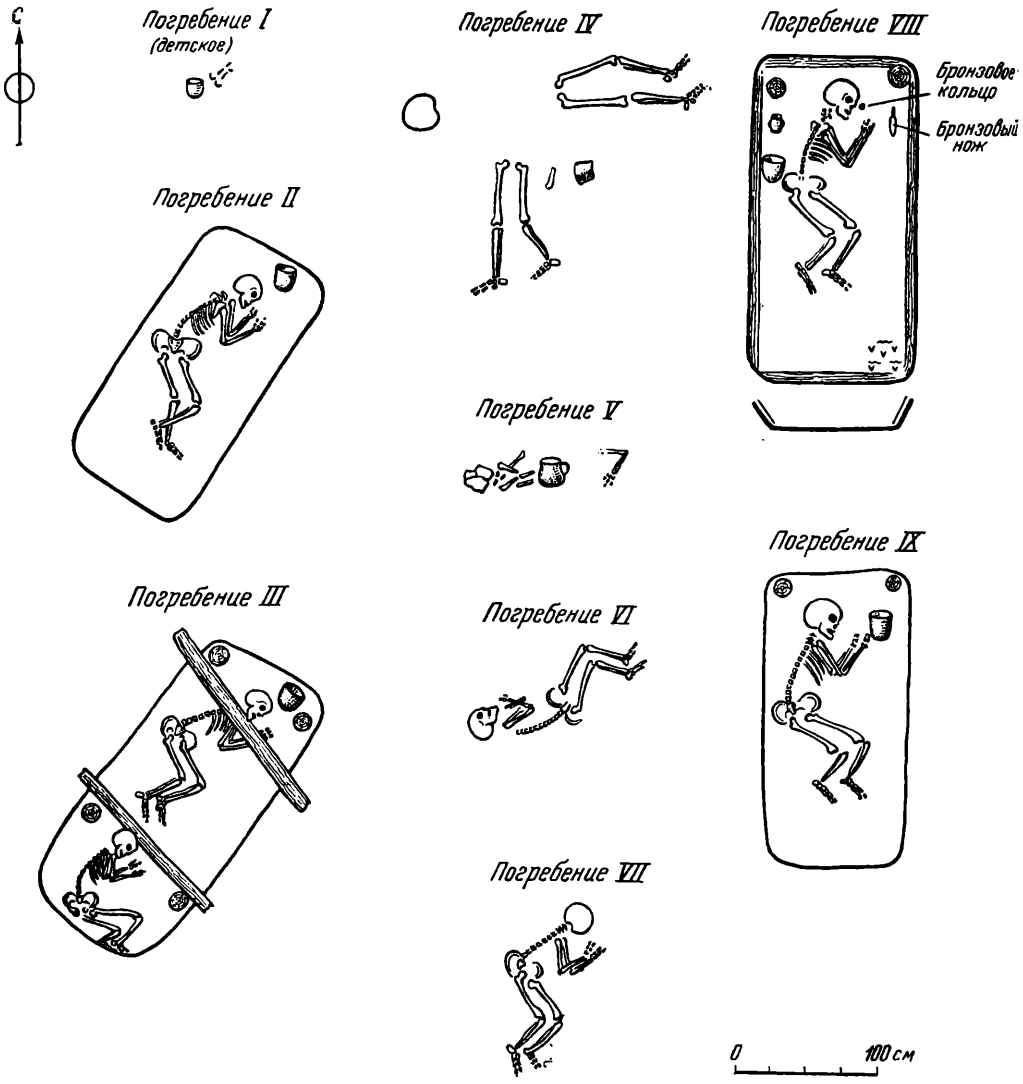


Рис. 30. Планы погребений в кургане 1 у с. Старая Тойда

к востоку. Длина около 3 м, ширина 1 м, углы закруглены, стенки неровные, яма врезана в материк на 20 см (см. рис. 30). В могиле было два костяка: взрослого человека и подростка. Скелет взрослого человека находился в северной половине могилы, а подросток — в южной, как бы в ногах у взрослого. Покойники лежали на подстилке из древесной коры и зольной подсыпке розоватого цвета, скорченно на левом боку, головой на северо-северо-восток. У головы взрослого человека стоял лепной горшок баночной формы, без орнамента, стенки разглажены штрихами в разных направлениях (рис. 31, 7). Цвет поверхностей желтоватый, в изломе стенки черные, в тесте примесь мелкого песка.

Погребение 8. На глубине третьего штыка в насыпи был найден тлен двух столбов толщиной 8—10 см, расположенных на расстоянии 1 м один от другого. На расстоянии 1 м южнее столбов на том же горизонте лежала куча костей овцы (трубчатые, бабки, челюсти и др.). На глубине четвертого штыка обнаружен тлен тонких жердей, разбросанных в бес-

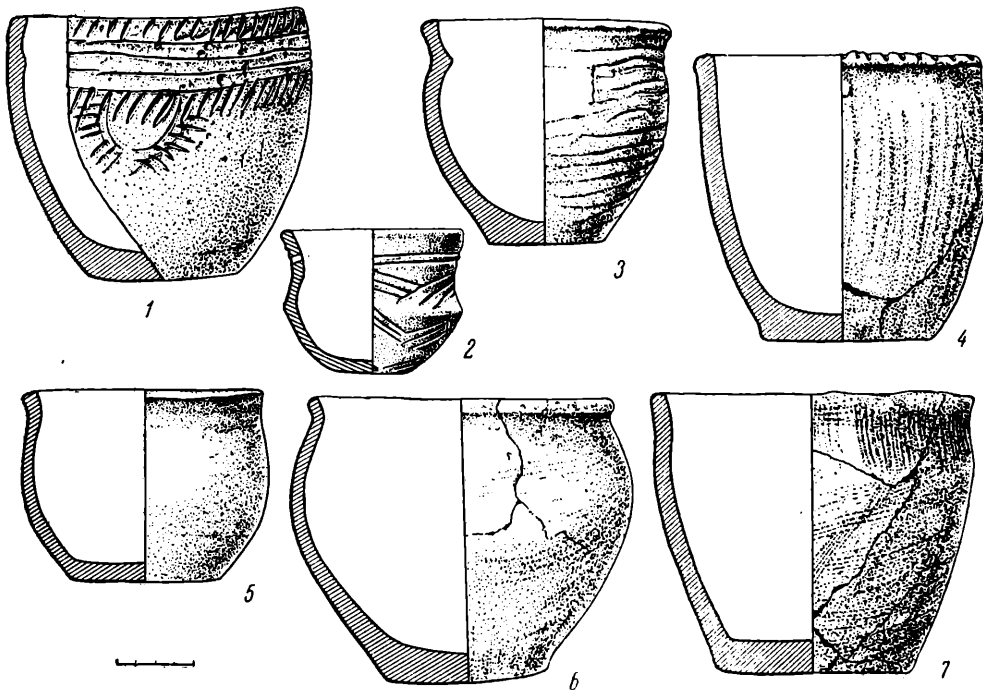


Рис. 31. Керамика из кургана 1 у с. Старая Тойда

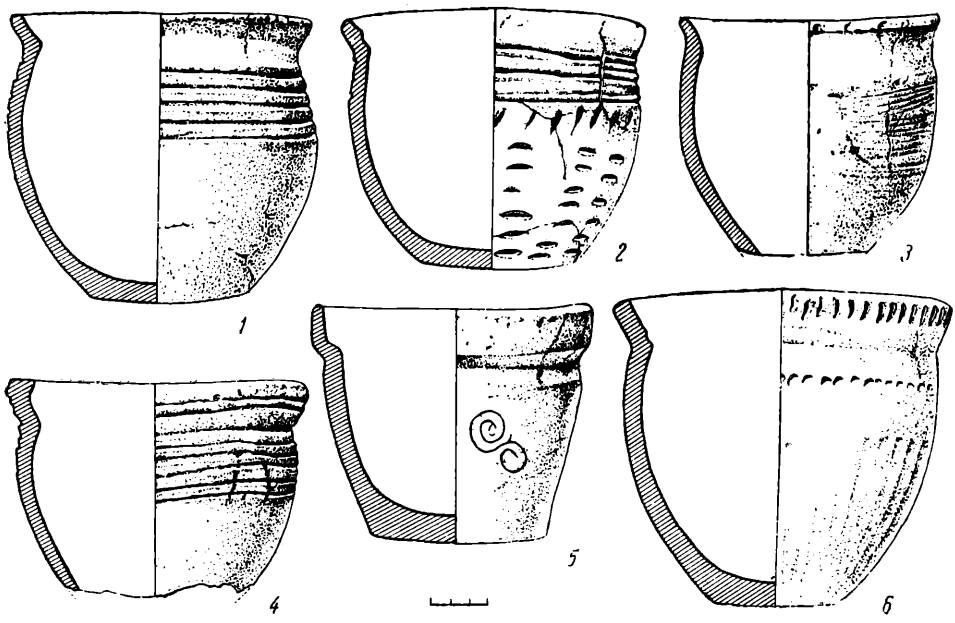


Рис. 32. Керамика из кургана 1 у с. Старая Тойда

порядке над погребением. При зачистке четвертого штыка обнаружилась могильная яма прямоугольной формы размерами 2,3 × 1,2 м, ориентированная по линии север—юг. Могила по стенкам обложена тонкими деревянными плахами (или досками) и сверху покрыта такими же плахами. Яма врезана в суглинистый материк на 22 см, углы ямы слегка закруглены, стенки скошены внутрь. Засыпка ямы черноземная. Замеченные ранее столбы стояли по углам северной стороны могилы, углубляясь на 5 см в ее дно. Дно могилы ровное. Плохо сохранившийся костяк взрослого человека лежал на подстилке из древесной коры скорченно на левом боку, головой на север с небольшим отклонением к востоку. Череп лежал лицевой стороной вниз. За спиной покойника стояли два лепных горшка: остроребериый ближе к голове и баночный у поясницы (см. рис. 30). Остроребериый горшок украшен двумя врезными линиями ниже венчика, по шейке и ниже ребра до донышка — врезными ломаными линиями (рис. 31, *2*). Под венчиком имеются симметрично расположенные сквозные отверстия. Заглаживание поверхностей ровное, без штриховки. В тесте сильная примесь ракушки.

Баночный горшок орнаментирован по венчику косыми насечками, ниже четырьмя врезными линиями, к последней линии примыкает пояс косых насечек и полуокружность с насечками по ней (рис. 31, *1*). Поверхность заглажена ровно без штриховки, цвет желтоватый, в изломе стенки черные, в тесте сильная примесь ракушки. В горловине горшка был круг древесного тлена: либо горшок был накрыт деревянной крышкой, либо в него врезалось деревянное перекрытие могилы.

У головы костяка найдено два бронзовых височных кольца в полтора оборота, желобчатые в сечении, с ложковидными концами (рис. 34. 5, 8). У кистей рук лежал бронзовый обоюдоострый нож с деревянной ручкой (рис. 34, 9 — от ручки сохранился тлен). Нож с ручкой крепился четырехугольным кольцом из узкой бронзовой полоски (рис. 34, *2*). Длина рабочей части ножа 8 см, ширина 3,5 см, длина черешка 4 см, судя по тлену, длина рукоятки ножа около 11—12 см.

У ног покойника, в правом углу могилы, насыпана небольшая кучка углей и золы.

Погребение 9. На глубине третьего штыка был замечен древесный тлен двух столбов толщиной 10 см, на расстоянии около 1 м, один от другого. Могильная яма прямоугольная, размером 2 × 1 м, углы закруглены, углублена в материк на 18 см, ориентирована по линии север—юг.

Костяк взрослого человека лежал скорченно на левом боку, головой на север (см. рис. 30). Под костяком прослеживается подстилка из древесной коры. Перед черепом стоял лепной баночный сосуд с насечками по обрезу венчика (рис. 31, *4*). Стенки сосуда заглажены вертикальной штриховкой. Цвет поверхности желтоватый, в изломе черный, в тесте примесь песка. Высота горшка 15,5 см, диаметр горла 15,5 см и диаметр дна 10 см.

На глубине третьего штыка над южной стороной могилы лежала кучка костей коровы (челюсти, трубчатые, бабки и др.).

Во второй траншее, исследованной на глубине шести штыков, в юго-западном секторе на глубине второго штыка найдена куча костей лошади (челюсти, трубчатые, бабки и др.). Недалеко от костей лежал лепной плоскодонный горшок. Тулово горшка округлое, ясно выражена короткая шейка, венчик отогнут во внешнюю сторону. С внутренней стороны шейки выделяется выступ (возможно, для крышки). Горшок не орнаментирован, стенки заглажены крупными горизонтальными бороздками (рис. 31, *3*). Цвет поверхностей серый, в тесте немного примеси ракушки. Высота горшка 12 см, диаметр горла 13,5 см, диаметр дна 6 см. Около горшка лежали кости овцы. В 0,75 м от горшка на этом же горизонте лежала еще куча костей животного, определить которые не удалось.

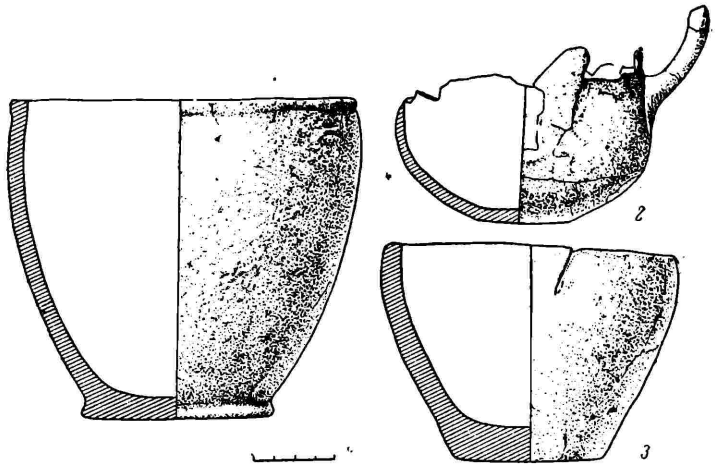


Рис. 33. Керамика из кургана 1 у с. Старая Тойда

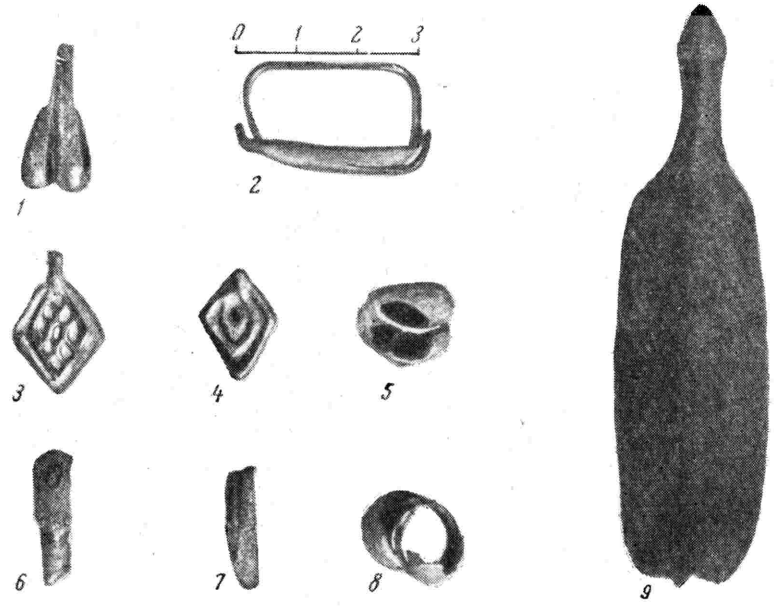


Рис. 34. Медные предметы из кургана 1 у с. Старая Тойда

Вблизи погребения 8, но во второй траншее найден лепной баночный сосуд без орнамента. Цвет поверхностей желтоватый, в изломе черный, стенки заглажены ровно, тесто без примесей.

В юго-восточном секторе на глубине третьего штыка найден раздавленный горшок с округлым туловом, короткой шейкой и отогнутым венчиком. Дно округлое уплощенное. Горшок по плечику имеет пять врезных круговых линий (рис. 32, *1*). Цвет поверхностей сероватый, в тесте примесь ракушки, заглаживание стенок ровное. Около горшка лежали дробленые кости животного. В другом конце этой траншеи на уровне третьего штыка обнаружена куча костей коровы (челюсти, зубы, трубчатые) и леп-

ной сосуд баночной формы, украшенный прочерченным очковидным завитком (рис. 32, 5). Высокий стоячий венчик подчеркнуто отделяется от тулова горшка глубокой бороздой. Поверхность сосуда серого цвета, в изломе черный, заглаживание стенок ровное, в тесте примесь ракушки. Высота горшка 13 см, диаметр горла 15,5 см, диаметр дна 10 см.

В северо-западном секторе на глубине четвертого штыка найдено два куска дерева длиной до 50 см каждый и между ними бронзовое височное кольцо в полтора оборота, желобчатое в сечении с ложковидными концами (рис. 34, *1*). Во второй траншее найдено погребение 1. От скелета ребенка сохранились отдельные косточки и кусочки черепа (см. рис. 30). Под костями прослеживается подстилка из древесной коры. Около скелета лежал на боку лепной широкогорлый сосуд с примесью в тесте ракушки. Тулово горшка округлое, дно округло-уплощенное. Украшен сосуд по шейке и плечику тремя врезными линиями, ниже линий до днища сделаны зерновидные вдавления концом палочки, обернутой тонким шнурком (рис. 32, *2*). Цвет поверхностей горшка желтоватый, в изломе стенки черные, заглаживание ровное с легкой штриховкой.

В третьей траншее, исследованной на глубину шести штыков, в юго-западном секторе на глубине второго штыка найден раздавленный лепной широкогорлый горшок без орнамента (рис. 31, 5). В этом же секторе на глубине шестого штыка найден крупный обломок лепного сосуда (рис. 32, *4*). Цвет поверхностей серый, в тесте примесь ракушки. Недалеко от горшка обнаружен череп взрослого человека без челюсти.

Три погребения открыты в третьей траншее.

Погребение 4а. От костяка сохранились в анатомическом порядке только ноги, остальная часть скелета, видимо, разрушена погребением 4б. Покойник лежал вытянуто на спине головой на север (см. рис. 30). Около ног находился обломок лепного сосуда абашевского типа с резным линейным орнаментом (рис. 32, *4*).

Несколько севернее погребения на глубине третьего штыка было погребение 4б, от скелета сохранились ноги и череп. Покойник лежал вытянуто на спине головой на запад. Вещей в погребении не было. Могильные ямы не прослеживаются.

Погребение 5. Костяк разрушен (см. рис. 30). Около костей лежал развал кругового кувшинчика сарматского типа (рис. 33, *2*).

Два погребения открыты в четвертой траншее.

Погребение 6 (в насыпи). Костяк взрослого человека лежал скорченно, на левом боку, головой на юго-запад (см. рис. 30). Под покойником прослеживается подстилка из древесной коры и зольная подсыпка розоватого цвета. Сохранность костей очень плохая. Инвентаря не было.

Погребение 7 (на уровне погребенной почвы). Могильная яма не прослеживается. Скелет взрослого человека лежал скорченно, на левом боку, головой на северо-восток (см. рис. 30). Под скелетом прослеживается подстилка из древесной коры. Инвентарь отсутствует.

В пятой, центральной, траншее погребений не обнаружено, хотя встречены отдельные человеческие кости.

Таким образом, в насыпи кургана и под курганом было похоронено 11 человек (9 взрослых, 1 подросток и 1 ребенок).

В семи случаях покойники лежали скорченно на левом боку, в двух случаях вытянуто на спине, положение двух покойников не определено, ориентировка костяков преобладает северная и северо-восточная (7 из 9), на запад и юго-запад — два. Сосуды, как правило, находились у черепов (погребения 1, 2, 3, 8 и 9), исключение составляют погребения 1 и 8, в которых вторые горшки стояли либо у ног, либо за спиной, в погребении 4а горшок также был у ног. Относительным богатством выделяются погребение 2 (женское), где у покойницы было два сосуда и украшение: бусы, бляшки, браслеты, и погребение 8 с двумя сосудами, височными

кольцами и бронзовым ножом. Из 9 основных погребений четыре впускные в насыпи, одно на древнем горизонте и четыре в неглубоких грунтовых могилах. Дно могилы только доходит до материковой глины, поэтому вокруг них нет глинистого выкида, а засыпка состоит из чернозема с незначительной примесью суглинка.

В передних углах грунтовых могил стояли деревянные столбы высотой 60—70 см, кроме того, могила в погребении 8 была обложена по стенкам и накрыта тонкими плахами или досками, а в погребении 3 яма перекрыта двумя толстыми плахами. Впускные погребения в насыпи деревянных конструкций не имеют. Во всех погребениях, за исключением сарматского и погребений с вытянутыми костяками, покойники лежали на подстилке из древесной коры, иногда с добавлением глинистой подмазки и зольной подсыпки розоватого цвета, а в погребении 8 была небольшая куча углей и золы. Костра в кургане не обнаружено.

Подводя итог раскопкам, можно отметить, что в погребальном обряде и керамике данного кургана не наблюдается единого этнокультурного комплекса: черты срубной культуры сочетаются здесь с абашевскими.

Вопрос о датировке Старо-Тойденского кургана может быть решен на основе ромбических бляшек, найденных во втором погребении, которые, вероятно, имеют северокавказское происхождение и датируются там от XIII до IX вв. до н. э. Хорошо сохранившийся обоюдоострый бронзовый нож, найденный в погребении 8, также датируется поздним периодом эпохи бронзы. Наконец, остроребериый сосудик с симметричными отверстиями под венчиком, ближайшими аналогиями которому являются сосуды из группы волго-вятского этапа абашевской культуры и особенно близкие к нему сосуды магнитогорской группы, датируется поздним этапом абашевской культуры [2].

Следовательно, есть все основания датировать Старо-Тойденский курган концом II и началом I тысячелетия до н. э.

[2] *О. Н. Либеров.* Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, стр. 129.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 127 1971 год

В. Г. ТИХОНОВ

ТРЕТИЙ СТАРОТОЙДЕНСКИЙ КУРГАН

В 1967 г. Битюгский отряд Воронежской лесостепной скифской экспедиции под руководством автора продолжил раскопки Старотойденской курганной группы, начатые еще в 1965 г. Г. И. Корнюшиным. Из вскрытых объектов особый интерес представил курган 3, давший интересные погребения абашевской культуры бассейна Среднего Подонья.

Курган 3 расположен в 120 м к юго-западу от исследованного в 1966 г. Г. И. Корнюшиным кургана 2 и представлял собой сильно распаханную, слегка овальную в плане насыпь диаметром около 20 м и высотой приблизительно 0,5 м. На кургане был заложен круговой раскоп диаметром 20 м, разбитый на пять кольцевых траншей по 2 м шириной. После разборки каждой траншеи и фиксации полученных находок и погребений начиналось исследование следующей, а предыдущая засыпалась (рис. 35).

Стратиграфия курганной насыпи очень проста и представляет собой черноземную насыпь мощностью от 0,5 до 0,8 м, которая постепенно по мере углубления переходит в подстилающую глину на глубине от 1,2 до 1,6 м. Переход чернозема в подстилающую глину очень плавный и характеризуется только преобладанием чернозема в верхней части и глины в нижней. Проследить слой погребенной почвы в кургане 3 не представилось возможным.

Отличительной чертой стратиграфии кургана 3 явилось наличие в насыпи над центральным погребением 5 слоя темной, зернистой по структуре земли. Этот слой имел форму овала 3,5 × 2 м и линзовидное сечение (см. рис. 35).

В процессе раскопок в насыпи кургана были обнаружены обломки пяти отдельно стоящих горшков, четыре из которых удалось восстановить; остатки, по-видимому, двух заупокойных тризн и шести погребений.

Первый горшок найден в северо-западном секторе. Он имеет слегка раздутое тулово, плоский венчик, с выступающим наружу краем, и плоское дно. Цвет горшка серый, внутренняя и внешняя поверхности обработаны щепкой или пучком травы, так что видны следы штриховки, после чего горшок заглажен тряпкой. Заглаживание произведено после нанесения орнамента, так как последний выглядит слегка размытым. Орнамент состоит из пояска округлых ямочных наколов, расположенных сразу под выступающим наплывом венчика, ниже, по шейке, проходит нанесенный зубчатым штампом двойной зигзаг, а по перегибу тулова два пояска из оттисков такого же штампа. Тесто горшка содержит в примеси песок и небольшое количество ракушки или извести (рис. 36, *3*).

Второй сосуд баночной формы происходит из юго-восточного сектора. Венчик банки прямо срезан, цвет поверхности темно-серый, штриховка на поверхности почти не прослеживается, в тесте содержится примесь песка и незначительное количество ракушки (рис. 37, *3*).

Третий — подобный же — сосуд в виде банки также найден в юго-восточном секторе (рис. 38, *3*), а четвертый — в северо-восточном секторе. Верхняя половина последнего сосуда орнаментирована. Орнамент состоит из резного зигзага под венчиком; второй поясок зигзага, расположенный несколько ниже, выполнен отпечатками прутика, обмотанного ниткой. Еще ниже в два ряда идут отпечатки того же штампа, перемежающиеся также выполненными овалами. Так как часть стенки сосуда отсутствует, то закономерность в их чередовании установить не удалось (рис. 36, *4*).

От последнего горшка сохранилась только часть плоского дна.

Первое погребение было расчищено в юго-восточном секторе на глубине 1,35 м. Могильная яма на 0,05 м врезалась в подстилающую глину. Дно ямы имело прямоугольную форму размером 1,2—0,9 м, углы закруглены, хотя последнее могло зависеть и от разрушения стенок. Яма, как и положенный в нее покойник, была ориентирована в направлении на северо-северо-запад (см. рис. 35).

Покойник был положен на правый бок в сильно скорченном положении, так что кости левой ноги лежали почти параллельно позвоночнику; кости правой ноги лежали несколько под углом к позвоночнику, но бедро и голень у обеих ног параллельны. Кости рук сохранились плохо, но можно установить, что они были согнуты в локтевом суставе и кисти располагались у лицевой части черепа. Никаких вещей не было обнаружено (рис. 39, *1*).

Сильно разрушенное второе погребение найдено в юго-западном секторе, на глубине 0,75 м. Могильная яма не прослежена. Детское погребение совершено, по-видимому, головой на север. Сохранились обломки черепа и костей ног. Положение костей ног позволяет с небольшой долей вероятности говорить о положении на правом боку. В 0,25 м к югу от обломков черепа около ног стоял баночного типа сосуд с плоским венчиком. Сосуд плохо вылеплен, и венчик в некоторых местах скошен. Цвет поверхности серый, с желтыми пятнами, обработана она грубо, в тесте имеется примесь песка и ракушки (рис. 38, *2*).

В этом же секторе в 3 м к юго-востоку от погребения 2 на глубине 0,95 м в идентичных условиях расчищено третье погребение. Покойник был положен на правый бок, головой на северо-восток, в скорченном положении. Бедренные кости находились под прямым углом к позвоночнику, а голени согнуты под углом в 40° к бедрам. Руки были согнуты в локтях, и кисти упирались в лицевую часть черепа. Череп был потревожен грызунами, и нижняя челюсть сдвинута за череп. Голень левой ноги лежала на бедренных костях, хотя берцовые кости расположены в анатомическом порядке. Последнее свидетельствует, что перемещение произведено до полного разложения трупа (рис. 37, *1*).

Перед погребенным между локтевыми суставами и бедрами стоял баночного типа сосуд с плоским и местами округлым венчиком, с поверхностью, обработанной штриховкой, но хорошо заглаженной тряпкой; цвет поверхности серо-желтый, почти розовый. Сосуд производит впечатление окрашенного краской перед обжигом. В изломе черепок имеет черный цвет, дно банки выступает за стенки (рис. 37, *2*). Тесто содержит в примеси толченый камень и песок.

Погребение 4 расчищено в северо-западном секторе третьей траншеи на глубине 0,6 м. Костяк ориентирован на северо-восток и лежал в скорченном на левом боку положении. Плечевые кости рук и бедренные кости ног расположены почти под прямым углом к позвоночнику, а лучевые кости рук и голени ног под углом около 45° к ним. Строго по оси погребенного, на расстоянии 0,4 м от ног лежал раздавленный горшок. Так как могильную яму проследить не удалось, то твердой уверенности в принадлежности его к погребению нет (рис. 37, *4*).

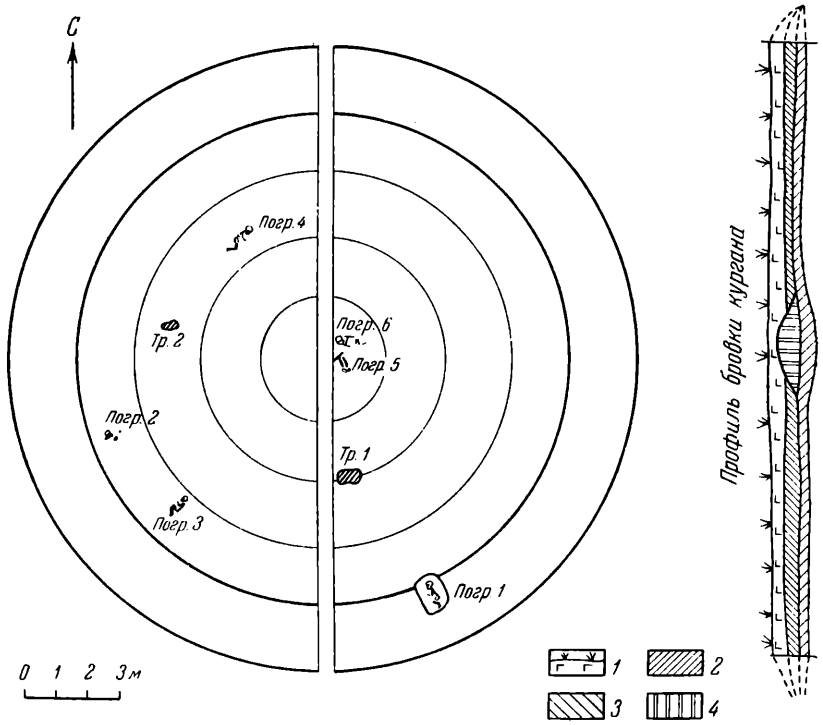

С
Погр. 4
Тр. 2
Погр. 6
Погр. 5
Погр. 2
Тр. 1
Погр. 3
Погр. 1
0 1 2 3 м
Профиль бровки кургана
1
2
3
4

Рис. 35

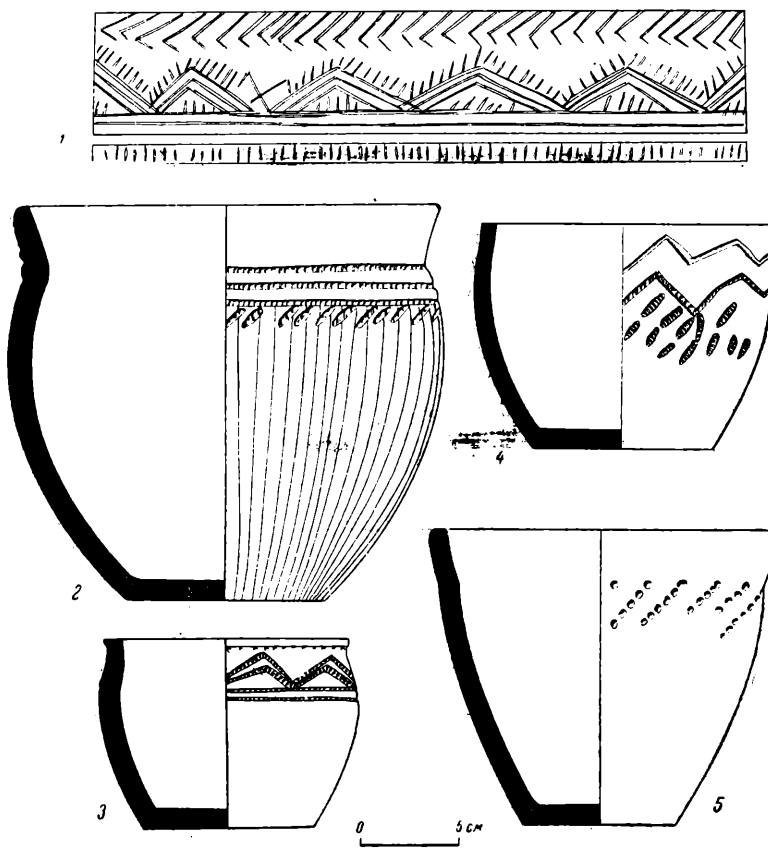

1
2
3
4
5
0 5 см

Рис. 36

Горшок имеет форму, обычную для памятников донского варианта абашевской культуры. Это конусовидной формы сосуд с довольно узким дном и сильно расширяющимся туловом. Шейка горшка отогнута наружу, образуя внутри сосуда в месте перегиба уступ. Венчик горшка имеет округлую форму. Цвет горшка серый, внешняя поверхность хорошо заглажена, на внутренней видны следы штриховки. Тесто содержит в примеси песок и ракушку. Под шейкой штампом из пяти крупных округлых зубцов нанесен ряд косо поставленных отпечатков (рис. 36, *5*).

К юго-западу от описанного горшка на расстоянии 2,1 м расчищен развал челюстей и других костей животных (рис. 39, *3*). По определению В. И. Цалкина, кости принадлежали одной особи крупного рогатого скота и одной мелкого. К какому из погребений принадлежат эти остатки, установить трудно. К только что описанному погребению они принадлежать не могут, так как лежали ниже на 0,1 м впускного в насыпь погребения 4.

Рядом с костями лежал небольшой баночный сосуд с довольно хорошо заглаженной поверхностью светло-серого цвета. Тесто содержит в примеси песок и ракушку, венчик плоский и украшен по срезу поперечными резными линиями. Вся поверхность банки также покрыта узорами, нанесенными, по-видимому, мелкозубчатым штампом (рис. 36, *1*).

В центре кургана, в восточной половине пятой траншеи, точнее круга, на глубине 0,8 м появились остатки деревянного накатника. Большей частью накатник разрушен, но можно установить, что он ориентирован в направлении на юго-восток-восток, т. е. под углом около 110°. Только одно бревно было ориентировано в направлении северо-восток-восток, т. е. под углом 75°. Судя по расстоянию между крайними концами бревен, длина их была 2,6 м, а ширина площади накатника около 1 м. Толщина бревен достигала 0, 2 м.

Погребение сильно потревожено грызунами, и частично кости скелета были вытащены выше наката. В первоначальном положении сохранились только кости ног, придавленные центральной частью провалившегося наката. Положение костей ног позволяет предположить, что погребение было совершено скорчено, головой на северо-северо-восток на глубине 1,2 м. Под накатником прослежены остатки угля по всему участку, в области таза видны остатки меловой подстилки. Вещей при погребенном не оказалось. Выше уже отмечалось, что центральная часть кургана засыпана особой землей, перекрывающей частично и это погребение. По-видимому, погребение совершено в неглубокой яме или прямо на древнем горизонте.

В юго-восточном секторе на глубине 0,4 м открыт развал костей животных. Расчистка позволила выявить остатки тризны 1, состоящей из костей шести особей крупного рогатого скота, одной — мелкого и лошади, по определению В. И. Цалкина. Развал костей представлял овальное пятно толщиной до 0,1 м и площадью 1,25 × 0, 95 м (рис. 39, *2*). Пятно развала вытянуто с запада на восток.

Около костей стоял перевернутый вверх дном раздавленный горшок, аналогичный найденному у погребения 4. Цвет сосуда серый, с желтыми пятнами, поверхность обработана снаружи грубой штриховкой. Тесто содержит в примеси песок и ракушку. Орнамент состоит из трех поясков под шейкой, нанесенных крупнозубчатым штампом, а под ними ряда косо поставленных отпечатков этого штампа (рис. 36, *2*).

Рис. 35. План и разрез кургана 3 у с. Старая Тойда

1 — чернозем; *2* — темный суглинок; *3* — коричневый суглинок· *4* — зернистый слой

Рис. 36. Керамика из кургана 3

1 — орнамент сосуда из тризны 2; *2* — горшок из тризны 1; *3* — сосуд из северо-западного сектора, траншеи 2, слоя 3; *4* — сосуд из северо-восточного сектора, траншеи 5, слоя 2; *5* — сосуд из погребения 4 (?)

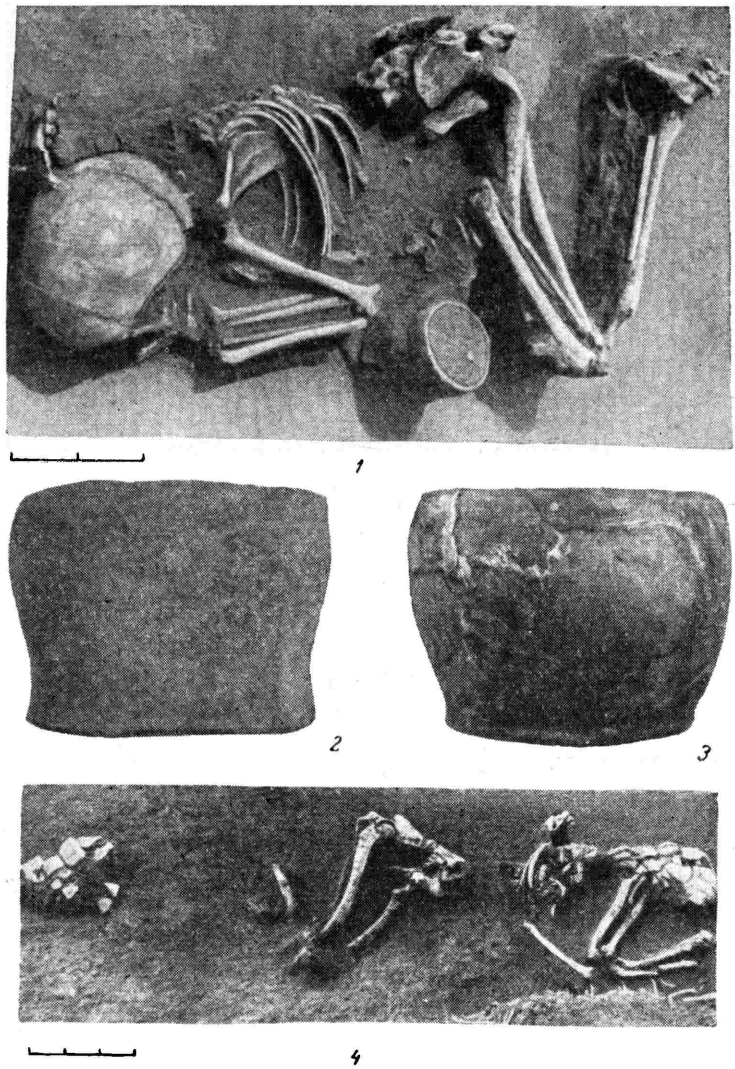


Рис. 37

— погребение 3; *2* — сосуд из погребения 3; *3* — сосуд из юго-восточного сектора, траншеи 2, слоя 3; *4* — погребение 4

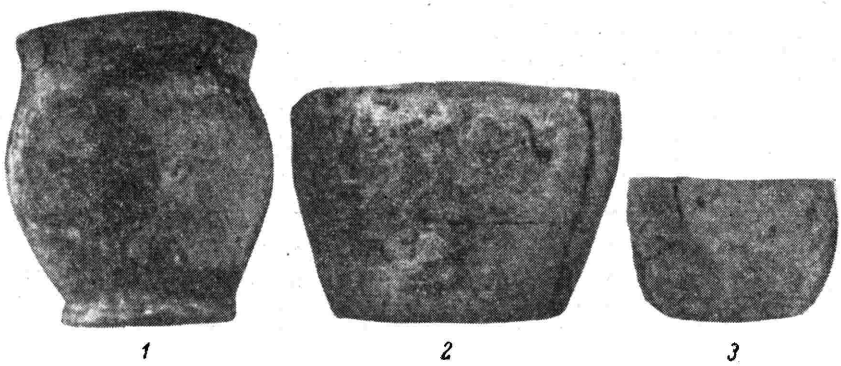
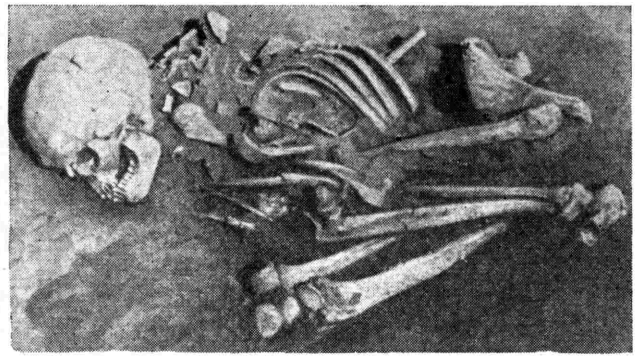


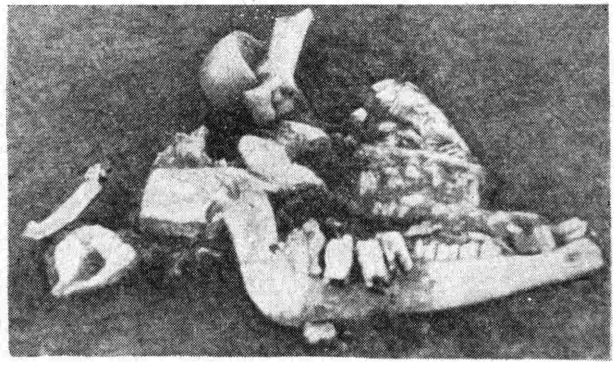
Рис. 38

1 — сосуд из погребения 6; *2* — сосуд из погребения 2; *3* — сосуд из юго-восточного сектора, траншеи 3, слоя 2



1

2



3

4

Рис. 39

1 — погребение 1; *2* — тризна 1; *3* — тризна 2; *4* — погребение 6

На глубине 0,8 м над погребением 5, частично перекрывая его край, располагалось детское погребение 6. Костяк лежал на правом боку, в слабо скорченном положении, головой на запад (рис. 39, *4*).

Перед лицом покойника был поставлен горшок. Форма его близка абашевским, но выделка и тесто значительно грубее и дно имеет выступающий бортик. Венчик горшка округлый, поверхность серо-желтого цвета снаружи и черная внутри, грубо заглажена (рис. 38, *1*).

Вещественный материал, полученный при раскопках кургана, свидетельствует о принадлежности его к памятникам донского варианта абашевской культуры. Керамика такого типа происходит из курганов 1 и 2 Старотойденской группы [1], из кургана 42 у с. Новый Курлак, исследованных Г. И. Корнюшиным в Анненском районе [2], из кургана 42/25 (погребение 2 и 3) у с. Мастюгино Острогожского района Воронежской области [3], севернее, в Грязинском районе Липецкой области у с. Ярлуково, автором в 1968 г. была раскопана стоянка с идентичной керамикой [4]. Горшки, подобные сосуду из тризны 2, найдены при раскопках Д. А. Крайновым кухмарского абашевского могильника на Верхней Волге [5]. Не противоречит принадлежности к этой культуре и обряд погребений, прослеженный в кургане. В скорченном на боку положении лежали покойники во всех изученных в Подонье абашевских курганах [6].

Для датировки погребений у нас имеется очень мало данных. Точно определяется время погребения 6, с которым был поставлен горшок переходного типа от поздней бронзы к раннему железу. Подобные погребения К. Ф. Смирнов выделяет в особую группу, для которой как в обряде захоронения, так и в формах керамики характерно сочетание черт поздней срубной культуры и нарождающихся савроматских традиций [7].

Перекрывая частично основное погребение кургана, могила 6 позволяет отнести время сооружения насыпи к более раннему времени, чем VIII—VII вв. до н. э. Раннюю дату кургана можно определить только с помощью сопоставления с датировками абашевской культуры вообще и с находками в соседнем кургане 1 в частности. Среди находок в этом кургане важны сурмяные привески ромбической формы северокавказского типа, которые датируются на Кавказе концом II тысячелетия до н. э. Последнее обстоятельство и позволяет мне относить курган 3 к концу II—началу I тысячелетия до н. э.

[1] См. статью В. И. Корнюшина в настоящем выпуске стр. 78—85.
[2] *П. Д. Либеров.* Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, рис. 60.
[3] Там же, рис. 55, 56.
[4] *Б. Г. Тихонов.* Отчет о работе Верхнедонской экспедиции в 1968 г. Архив ИА АН СССР, ф. Р-1, д. № 3945.
[5] *Д. А. Крайнов.* Кухмарский курганный могильник. КСИА, вып. 88, 1962, рис. 10, *1*, *2*.
[6] *П. Д. Либеров.* Указ. соч., стр. 111—156.
[7] *К. Ф. Смирнов.* Савроматы. М., 1964, стр. 26—32.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 127 1971 год

Ю. В. ДЕРЕВЯГИН

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ В БАССЕЙНЕ Р. МЕДВЕДИЦЫ

В 1965—1967 гг. в результате археологической разведки по берегам р. Медведицы в пределах Петровского и Аткарского районов Саратовской области открыты новые селища эпохи бронзы.

Ранее отдельные селища этой эпохи были обследованы в указанном районе П. С. Рыковым [1] и И. В. Синицыным [2].

В 1966 г. обнаружено селище на левом берегу р. Медведицы в 3 км к востоку от г. Петровска. На поверхности найдено около ста обломков плоскодонной глиняной посуды ручной лепки. В состав глины этой посуды входит толченый камень, шамот и толченая ракушка. Орнамент нанесен зубчатым штампом в виде оттисков и борозд.

В 1967 г. на левом берегу р. Медведицы в 2 км к востоку от г. Петровска открыто второе селище. Здесь также собраны фрагменты плоскодонной глиняной посуды баночной формы, в состав глины которой входит толченый белый камень, шамот и речной песок. Орнаментирована эта посуда крестовидными вдавлениями (рис. 40, *6*), параллельными линиями, нанесенными неровным зубчатым штампом или наклонными бороздами, проведенными зубчатым штампом.

В г. Петровске во время земляных работ, было разрушено погребение эпохи бронзы. Два глиняных сосуда из погребений аналогичны керамике, найденной на указанных выше селищах. Один из сосудов (высота 17 см, диаметр устья 15 см, дна 12 см) с выпуклыми боками и загнутым внутрь венчиком орнаментирован продолговатыми ямочными вдавлениями, расположенными в два ряда в верхней части сосуда (рис. 40, *1*). Вся поверхность этого горшка сглажена неглубоким зубчатым штампом. Второй сосуд (высота — 7 см, диаметр устья — 10 см, дна — 9 см) баночной формы без орнамента (рис. 40, *2*).

В 1967 г. обнаружены два селища в с. Красноармеец Аткарского района. Одно из них находится на левом берегу р. Медведицы на северо-западной окраине села. Мощность культурного слоя селища 1 м. Здесь собрано несколько сотен обломков плоскодонной глиняной посуды ручной лепки (рис. 40, 7) и точильный камень. Венчики посуды прямые или имеющие отгиб наружу (рис. 40, *9*). Орнаментирована она ямочными вдавлениями (рис. 40, *3*), отпечатками зубчатого штампа (рис. 40, *5*) и бороздами, проведенными этим штампом. Часть посуды имеет налепной валик (рис. 40, *8*). Аналогичная валиковая керамика найдена близ с. Ивановка

[1] *П. Рыков.* Результаты археологических исследований в Нижнем Поволжье летом 1923 г. УЗ СГУ, 1925, вып. 3.

[2] *И. В. Синицын.* Памятники бронзовой эпохи в районе Колышлея. «Изв. НВИК», т. 5. Саратов, 1932.

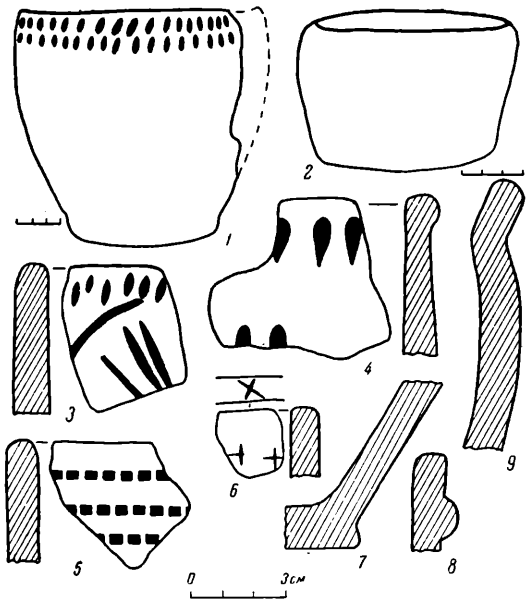


Рис. 40. Керамика

1, 2 — глиняные сосуды из г. Петровска; *3, 5, 7—9* — фрагменты посуды из с. Красноармеец; *4* — венчик сосуда из с. Чемизовка; *6* — венчик сосуда, найденный близ г. Петровска

Хвалынского района [3] и на Муранском поселении в Среднем Поволжье, датируемом хвалынским периодом срубной культуры [4]. Аналогичный сосуд с налепным валиком найден также в позднесрубном погребении 3, в кургане 15 у с. Быково Волгоградской области [5].

Второе селище находится на левом берегу р. Медведица на юго-западной окраине с. Красноармеец (около пляжа). На поверхности собраны фрагменты глиняной посуды ручной лепки баночной формы. Посуда без орнамента. Лишь на одном фрагменте нанесен узор в виде прочерченных параллельных линий.

Следующее селище было обнаружено Д. С. Худяковым и автором на северо-западной окраине с. Богдановка, на левом берегу оврага, впадающего в р. Медведица. На селище собрано около ста обломков глиняной посуды ручной лепки, кремневые и кварцитовые отщепы. Часть керамики орнаментирована ямочными вдавлениями или наклонными бороздами, проведенными зубчатым штампом. На южной окраине села школьником Н. Павловым был найден каменный топор клиновидной формы со сверлиной. Длина топора 14 см (рис. 41, *1*).

В 1967 г. школьниками интерната № 5 совместно с автором открыто еще пять селищ эпохи бронзы в Аткарском районе. Одно из них находится на первой надпойменной террасе левого берега р. Медведица, в 1,5 км к юго-востоку от с. Чемизовка. На поверхности собрано более ста обломков глиняной посуды ручной лепки, кремневые и кварцитовые отщепы. Керамика орнаменитрована зубчатым чеканом, ямочными вдавлениями (рис. 40, *4*) и параллельными нарезками.

Второе селище было обнаружено на левом берегу р. Медведица, в 0,5 км к юго-востоку от с. Николаевка. Здесь найдено около ста обломков плоскодонной глиняной посуды и точильный камень. В состав глины входит шамот или толченая ракушка. Посуда орнаментирована бороздами,

[3] *О. А. Кривцова-Гракова.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 41, рис. 7.

[4] *А. Е. Алихова.* Памятники срубной культуры Самарской луки. МИА, № 80, 1960, стр. 114, рис. 4, *4*.

[5] *К. Ф. Смирнов.* Быковские курганы. МИА, № 78, 1960, стр. 209, рис. 14, 15.

проведенными зубчатым штампом или налепным валиком. По валику имеются нарезки в виде ломаной линии (рис. 41, *2*).

Третье селище открыто на южной окраине с. Барановка, на левом берегу р. Медведица. На распаханной поверхности собрано большое количество керамики ручной лепки и кварцитовый отщеп. Толщина стенок сосудов от 0,5 до 2 см. В глине примесь шамота и толченого камня. Посуда плоскодонная (рис. 41, *3*, *5*), орнаментирована зубчатым чеканом, ямочными вдавлениями (рис. 41, *9*), прочерченными линиями, проведенными зубчатым штампом, крестовидными нарезками (рис. 41, *4*).

Два селища найдены близ г. Аткарска, на правом берегу р. Медведица. Одно находится в 1 км к северо-западу от города. Здесь собраны обломки посуды эпохи бронзы и золотоордынской керамики. Второе расположено около железной дороги на северо-западной окраине города у дачных построек. На поверхности собраны обломки глиняной посуды ручной лепки без орнамента. В состав глины входят шамот и толченая ракушка.

Большое селище расположено на верхней террасе левого берега р. Большой Колышлей близ устья. На селище найдены обломки глиняной посуды ручной лепки, обломки зернотерок, точильный камень, каменная терка (рис. 41, *6*). Посуда орнаментирована ямочными вдавлениями (рис. 41, *7*), оттиском зубчатого штампа (рис. 41, *8*) или наклонными бороздками, проведенными этим штампом.

Следы селища обнаружены на левом берегу р. Медведица к юго-востоку от ст. Красавка, около железнодорожного моста. Здесь нашли фрагменты глиняной посуды ручной лепки, обломок точильного камня, кварцитовую пластинку, золотоордынскую керамику.

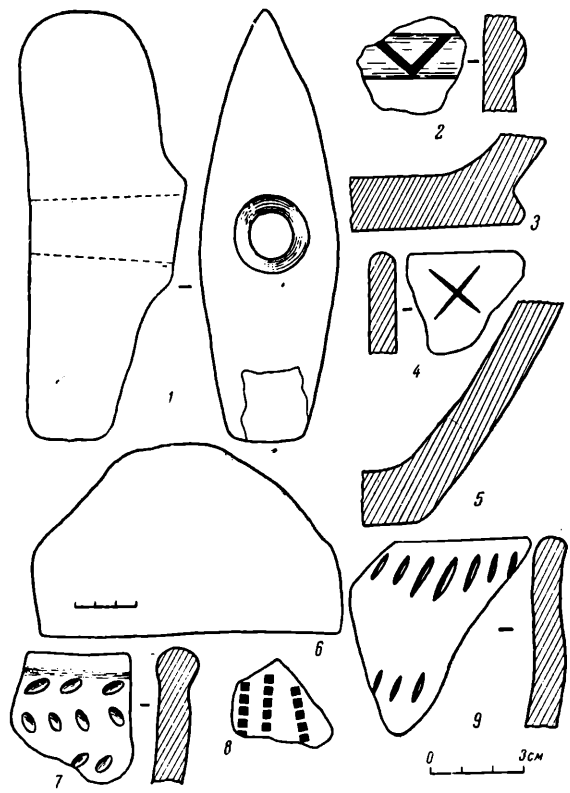


Рис. 41. Изделия из глины и камня

1 — каменный топор из с. Богдановка; *2* — валиковая керамика из с. Николаевка; 3—5, *9* — фрагменты посуды из с. Барановка; *6*, *8* — каменная терка и фрагмент сосуда, найденные в устье р. Большой Колышлей

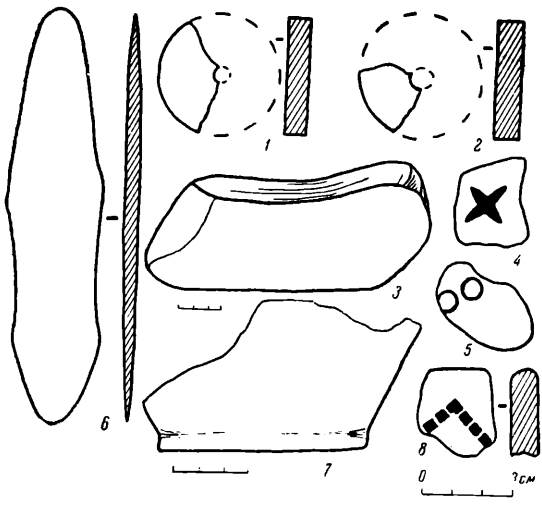


Рис. 42. Предметы эпохи бронзы

1 — обломок пряслицы из с. Нижняя Красавка; *2, 4, 5, 8* — обломок пряслица и фрагменты посуды, найденные близ с. Оверное; *3, 7* — зернотерка и часть сосуда из с. Нестеровка; *6* — бронзовый нож, найденный к северо-востоку от с. Нижняя Красавка

В 2 км к югу от ст. Красавка, на левом берегу р. Медведица, В. М. Козьменко собрал на распаханной поверхности селища обломки плоскодонной глиняной посуды ручной лепки и кварцитовый отщеп. Один фрагмент керамики был орнаментирован овальными вдавлениями по краю венчика.

Следующее селище расположено на левом берегу р. Медведица, в 1 км к северо-востоку от с. Нижняя Красавка (в 3—4 км к югу от ст. Красавка). Берег, где расположен памятник, интенсивно размывается вешними водами. В 1966 г. здесь найдена керамика эпохи бронзы, орнаментированная ямочными вдавлениями или наклонными бороздами, проведенными зубчатым штампом. П. С. Рыковым здесь раскопана землянка эпохи бронзы срубной культуры[6] и найден бронзовый листовидный нож (рис. 42, *6*).

В 400 м к северо-востоку от с. Нижняя Красавка, на левом берегу р. Медведица, открыто селище. Культурный слой толщиной до 1 м. Здесь найдены обломки плоскодонной глиняной посуды ручной лепки, точильный камень, кремневые и кварцитовые отщепы. Поверхность сосудов сглажена зубчатым штампом. В состав глины входят шамот, речной песок.

Весьма интересным является селище, расположенное на левом берегу р. Медведица в 400 м южнее с. Нижняя Красавка. Памятник ограничен двумя оврагами. Часть его разрушена глиняным карьером. Культурный слой достигает 1 м. На поверхности и в обрыве нашли несколько сотен обломков глиняной посуды ручной лепки, обломок плоского глиняного пряслица (диаметр 6,3 см, толщина 1 см), сделанного из обломка горшка (рис. 42, *1*), кремневые отщепы. В глине посуды примесь шамота, толченой ракушки или толченого камня. На селище произведен разведочный раскоп (8 кв. м). Наибольшее количество керамики (79 черепков) было найдено в нижнем слое раскопа. Здесь преобладают черепки с оттисками зубчатого штампа. В каждом слое встречаются венчики прямые, имеющие отгиб наружу и загнутые внутрь. Орнамент в виде наклонных борозд, проведенных зубчатым штампом, найден только в верхнем слое раскопа. В центральной части поселения в обрыве глиняного карьера было обнаружено разрушенное погребение подростка. Скелет лежал на левом боку с подогнутыми ногами на глубине 1,40 м, головой на юг. Вещей в погребе-

[6] *П. С. Рыков.* Результаты разведочных работ, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г. «Изв. НВИК», 1931, т. 4, стр. 79; *он же.* Очерки по истории Нижнего Поволжья. Саратов, 1936, стр. 39.

нии не обнаружено. По обряду погребение относится к срубной культуре. Подобные бескурганные захоронения известны на селище эпохи бронзы в урочище «Мартышкино» близ с. Ахмат Красноармейского района Саратовской области[7], около срубного поселения Быково III в Волгоградской области[8], на селище у с. Большое Пальцино Ульяновской области[9].

В 1965 г. открыто селище на берегу заросшего озера, на северо-восточной окраине с. Нестеровка Аткарского района. Толщина культурного слоя 1 м. На селище найдены обломки глиняной посуды ручной лепки и гранитная зернотерка (длина 16 см, ширина 14 см; рис. 42, *3*). Посуда плоскодонная (рис. 42, *7*), орнаментирована ямочными вдавлениями, прочерченными линиями и наклонными бороздами, сделанными зубчатым штампом. По краю венчика одного фрагмента имеются нарезки. В глине примесь шамота или толченой ракушки.

В том же году на левом берегу р. Медведица школьники обнаружили два селища. Одно из них находится в 3,5 км к северо-западу от с. Озерное Аткарского района. На поверхности и в обрыве собрано несколько сотен черепков глиняной посуды ручной лепки и найден обломок глиняного пряслица, сделанного из стенки глиняного горшка (рис. 42, *2*). Поверхность посуды орнаментирована оттисками зубчатого штампа (рис. 42, *8*), вдавлениями ямочными, крестовидными (рис. 42, *4*), а также в виде кружков, сделанных трубчатой костью (рис. 42, *5*). В глине примесь шамота и толченого белого камня. Любопытно, что в районе селища в 1909 г. был найден бронзовый боевой топор вислообушной формы, имеющий узкий прямой клин и обух с овальной в сечении проушиной[10].

Второе селище открыто на правом берегу р. Медведица в 3 км к западу от с. Озерное. На поверхности собраны обломки глиняной посуды ручной лепки баночной формы. На одном фрагменте оттиск зубчатого штампа по срезу венчика. В глине примесь шамота.

Все селища в бассейне р. Медведица расположены на первой надпойменной террасе. Площадь отдельного селища небольшая — от 100 до 200 м в длину и около 100 м в ширину. На поверхности не заметно признаков культурных остатков и следов от жилищ. Культурный слой расположен под дерном. Мощность культурного слоя около 1 м. Обнаруживаются эти селища по обнажениям культурного слоя в результате размыва береговой линии или случайных находок на поверхности. Найденные селища, как правило, расположены от 0,5 до 1 км друг от друга. Столь частое расположение селищ указывает на интенсивное заселение Саратовского Правобережья в эпоху бронзы. В связи с этим необходимо отметить, что эта территория также была густо заселена племенами срубной культуры, как и Левобережье.

Все обследованные селища принадлежат племенам срубной культуры.

[7] *В. Онезорге.* Археологические разведки и раскопки в урочище «Мартышкино» Камышинского уезда. ТСУАК, вып. 33, 1916, стр. 35.

[8] *Т. Б. Попова.* Памятники срубной культуры в окрестностях села Быково. МИА, № 78, 1960, стр. 278—280.

[9] *Н. Я. Мерперт.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, № 61, 1958, стр. 150.

[10] *А. Н. Минх.* Археологические раскопки и находки в Аткарском уезде Саратовской губернии. ТСУАК, вып. 27, 1911, стр. 3; *В. П. Шилов.* О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье. МИА, № 60, 1959, стр. 21, рис. 7, *4*.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 127 1971 год

О. Н. БАДЕР

БРОНЗОВЫЙ НОЖ ИЗ СЕЙМЫ С ЛОШАДЬМИ НА НАВЕРШИИ

Одно из наиболее своеобразных бронзовых изделий из Сейминского могильника — большой изогнутый обушковый нож с решетчатой рукояткой, украшенной фигурками двух лошадей, — успел за полстолетия приобрести мировую известность, но еще ни разу не был издан в полном воспроизведении с подробным описанием. В то же время он имеет некоторые весьма любопытные детали, указания на которые в литературе отсутствуют и которые приобретают особый интерес в связи с некоторыми новыми находками.

Упомянутый нож найден во время седьмых по счету раскопок Сейминского памятника, произведенных в июле 1916 г. Нижегородской архивной комиссией. Судя по сохранившемуся в архиве Б. С. Жукова, но никем не опубликованному отчету штабс-капитана А. М. Конева[1], эти раскопки производились в присутствии А. М. Конева, А. Я. Садовского (председателя Нижегородской ученой архивной комиссии) и А. В. Богородского. Отчет 1916 г. является единственным документом о раскопках дореволюционного периода на Сейминской дюне, позволяющим составить довольно определенное представление о характере памятника, объеме раскопок и даже о встреченных деталях, что позволило мне составить ориентировочный план основной части этих раскопок (рис. 43).

Вырытые за два дня пять траншей имели размеры в среднем 8 × 2 аршина и в общем составляли площадь около 45 кв. м. В трех первых и пятой траншеях обнаружены остатки погребений, в четвертой — следы жилища.

В первой траншее, доведенной до глубины полутора аршин, найдено темное пятно и вещи в нем, несомненно обозначающие погребение, а также еще две группы бронзовых вещей, связанные по крайней мере с еще двумя могилами (см. рис. 43). В траншее 2 также обнаружены следы темных пятен и многочисленные вещи, говорящие о присутствии здесь следов еще трех-четырех могил. Следы одного или более погребений зафиксированы в виде бронзовых и каменных предметов и в траншее 3 (см. рис. 43). В траншее 5 на глубине 10—12 вершков найден бронзовый нож и еще несколько бронзовых орудий, в том числе большой бронзовый кельт с двумя ушками.

В инвентаре Горьковского музея зарегистрировано поступление из раскопок 10 и 11 июля: 9 кельтов, 1 вислообушный топор, 6 копий, 11 кинжалов и ножей (в том числе и ножа с навершием в виде лошадок),

[1] *А. Конев.* Отчет о раскопках на Сейме, произведенных Нижегородской ученой архивной комиссией 10 и 11 июля 1916 г.

2 бронзовых браслета, 1 бронзовая пилка, 3 песчаниковых формочки для отливки металлических стержней, кремневые орудия и осколки, а также обломки керамики. Этот перечень не вполне совпадает с данными отчета, в котором помимо того упоминается бронзовое долотовидное орудие, 4 стержня (шилья или заготовки?), изогнутая бронзовая скоба.

Все эти вещи не вошли в публикацию В. А. Городцова — основной источник представлений о Сейминском памятнике в нашей литературе [2].

Интересующий нас здесь нож, надо полагать, был найден в одной из могил, обозначенных на рис. 43.

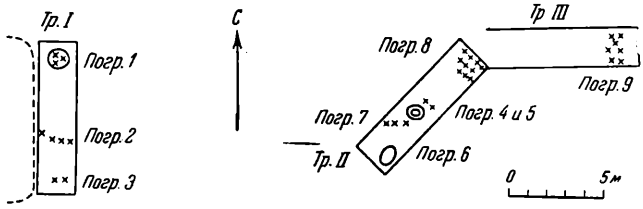


Рис. 43. Ориентировочный схематический план трех первых траншей раскопок Сейминского памятника со следами погребений (в виде могильных пятен и предметов погребального инвентаря). Составлен автором по данным отчета А. М. Конева

Впервые он был опубликован Б. С. Жуковым вместе с крупным двуухим кельтом и несколькими другими новыми тогда вещами в 1925 г. в виде мелких штриховых безмасштабных рисунков, к тому же в одной из малораспространенных нижегородских изданий [3]. В дальнейшем сейминский нож с лошадками не раз фигурирует в различных изданиях в виде более или менее схематических рисунков [4] или фотографий (и рисунков) его рукояти, впервые опубликованной в крупном плане Д. Н. Эдингом [5].

Нож [6] представляет собой крупное орудие с широким и тонким односторонним лезвием изогнутой формы, широким обушком с другой стороны, решетчатой рукоятью и навершием на ней в виде двух лошадок, видимо, кобылы и жеребца с более крупной головой, прижатыми ушами и оскаленными зубами (рис. 44). Фигуры очень динамичны. Общая длина ножа 36 см, длина лезвия от конца до характерного уступа у рукояти 22,5, максимальная ширина его (в средней части) 4,6 см, длина рукоятки 10,5 см; более высокая, первая фигурка достигает 3 см, их общая длина на навершье 6,2 см.

Техника изготовления орудия — литье в двухсторонней форме, при этом чрезвычайно тонкое. Обе фигурки животных пропорционально объемны, каждая стоит на четырех ногах, у обеих на передних ногах даже переданы утолщения на коленях, глаза и пряди волос на гривах.

По данным спектрального анализа Е. Н. Черных, нож отлит из меди с искусственной примесью олова (10,0%) и естественными примесями свинца (0,03%), висмута (0,008%), серебра (0,001%), мышьяка (0,08%),

[2] *В. А. Городцов.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Росс. импер. исторического музея за 1914 г. М., 1915.

[3] *Б. С. Жуков.* Доисторические культуры Нижегородского края. «Нижегородский краеведческий сборник. Труды Нижегор. пед. ин-та», т. I. Нижний Новгород, 1925, рис. III.

[4] *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, 1949, табл. XII, *66*; *Marija Gimbutas.* Borodino, Seima and their Contemporaries. «Proceedings of the Prehistoric Society for 1956», vol. XXII. Plate XIV; *O. Bahder.* Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland. SMYA, t. 59, f. 1. Helsinki, 1957, Abb. 4, *2* и др.

[5] *Д. Н. Эдинг.* Резная скульптура Урала. «Труды ГИМ», вып. X, 1940, рис. 73; *Marija Gimbutas.* Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. Paris—London, 1965. Plate 17a, f. 1 и др.

[6] Зарегистрирован в инвентаре Горьковского музея за № 653.

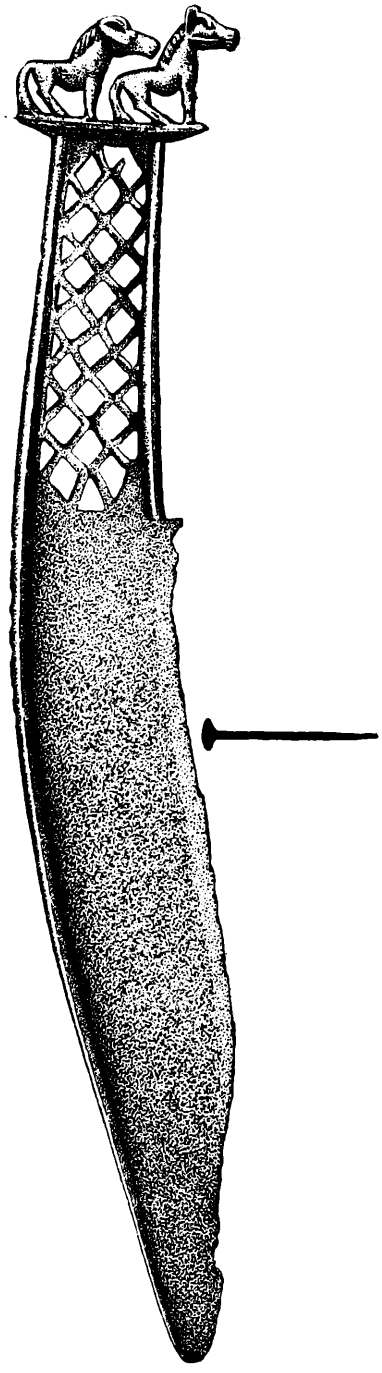


Рис. 44. Сейминский изогнутый бронзовый нож с решетчатой рукоятью и лошадками на навершии

железа (0,01%) и никеля (0,01%) [7]. Таким образом, нож был отлит из оловянистой бронзы и по этому признаку отличается от основной массы металлических изделий Сейминского могильника.

Форма ножа определяет отсутствие аналогий ему в инвентаре примерно синхронных культур середины II тысячелетия до н. э. в Восточной Европе и указывает на его азиатское происхождение, где формы кривых ножей широко распространены во II тысячелетии до н. э. Наиболее близкими аналогиями описываемому ножу являются нож из второго Турбинского могильника близ Перми с навершием в виде трех баранов и нож из Ростовкинского могильника близ Омска с навершием в виде лошади, влекущей за собой лыжника [8]. Оба эти ножа очень близки сейминскому и по составу металла — во всех трех случаях оловянистая бронза; та же бронза найдена в Самусьском IV поселении близ Томска вместе с многочисленными литейными формами [9].

Если некоторые археологи и предполагают связь художественного литья Сеймы и Турбина (в том числе и рассматриваемого ножа) с древним искусством охотников лесной полосы [10], то возникновение сюжетов наверший не только турбинского, но и сейминского и ростовкинского ножей решительно противоречит такому предположению; эти сюжеты не могли возникнуть в лесах Поволжья, Урала или Сибири. Дело в том, что на турбинском ноже изображены горные бараны — аргали, совершенно чуждые лесной полосе и неизвестные там, а на сейминском и ростовкинском ножах представлены степные животные — лошади.

Правда, по предположению С. В. Киселева, на сейминском ноже изображены не лошади, а куланы, но палеонтологи В. К. Громов и Н. К. Верещагин и зоологи С. Н. Боголюбский и В. И. Цалкин единодушно определяют фигурки как изображения лошадей. Того же мнения был и Д. Н. Эдинг [11]. Основными аргументами в этом определении служат длинные хвосты и гривы.

По мнению С. Н. Боголюбского, перед нами тип лошади Пржевальского с массив-

[7] *О. Н. Бадер.* Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964, рис. 113.
[8] «Конный лыжник» из бронзового века». «Наука и жизнь», 1968, № 9, стр. 33.
[9] *В. И. Матющенко.* К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи. СА, 1959, № 4.
[10] *Д. Н. Эдинг.* Резная скульптура Урала.
[11] Там же, стр. 87.

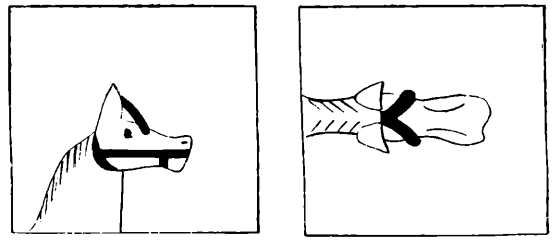


Рис. 45. Схематическое изображение ремней узды на голове первой из лошадей на рукояти сейминского ножа

ными головой и мордой, но уже со следами одомашнения, которые сказываются в длинной гриве и челке, у «пржевальца» отсутствующие. Также и по В. И. Цалкину, грубость частей тела и горболобость фигур напоминают лошадь Пржевальского; грива, по его мнению, скорее стоячая, ибо для лежачей она слишком высока, а шея животных в таком случае неправдоподобно толста; если грива действительно стоячая, то фигуры тем скорее изображают лошадь Пржевальского. Н. К. Верещагин полагает, что здесь тарпаноидный тип или тип лошади Пржевальского (по его мнению, это одно и то же) выражен более или менее отчетливо. У лошади с навершия ножа из Ростовки стоячая грива изображена гораздо более четко, чем в Сейме.

Ареал распространения лошади Пржевальского в настоящее время искусственно сужен и ограничивается пустынями Джунгарии в Центральной Азии, но раньше, по мнению С. Н. Боголюбского, был значительно шире, охватывая степи Западной Сибири, возможно, до самого Урала, где ареал «пржевальцев» должен был соприкасаться с более легкой и грациозной европейской дикой лошадью-тарпаном. Лошадь Пржевальского считается типичным представителем степных лошадей.

Долгое время державшееся в науке мнение о происхождении если не всех, то по крайней мере северо-восточноазиатских лошадей от лошадей Пржевальского недавно поколеблено исследованиями В. Ф. Румянцева и В. И. Громовой. К тому же современные опыты по приручению лошади Пржевальского (например, в степном заповеднике Аскания Нова) не дали положительных результатов из-за дикости и неукротимости этих животных. Тем не менее, принимая существование не одного, а нескольких центров приручения лошадей в азиатских и европейских степях разных вариететов диких лошадей, С. Н. Боголюбский не исключает в этом процессе «и роль лошадей Пржевальского, хотя бы в скрещиваниях их с какими-то вариететами тарпанов» [12].

Исключительный интерес имеет переданная в литье деталь на голове первой из сейминских лошадей, представляющая собой изображение узды. Один ремень ее идет от скулы под глазами через рот к другой скуле; его пересекает второй ремень, идущий вокруг морды, но вверху он по сторонам лба образует две отстающие ото лба петли, еще выше соединяющиеся, после чего ремень проходит между ушами, видимо, соединяясь с ремнем, обнимающим шею сразу за головой (рис. 45). Изображение этой детали, в особенности отстающих ото лба ремней, — наиболее трудная задача для литейщика, однако он хорошо с ней справился.

Узда — несомненный признак одомашнения лошади, уже совершившегося в середине II тысячелетия до н. э. в районе, где был сделан сейминский нож. Одновременно эта деталь говорит в пользу изображения на сейминском ноже именно лошадей, а не куланов.

[12] *С. Н. Боголюбский.* Происхождение и преобразование домашних животных. М., 1959, стр. 496.

По наблюдениям путешественников, естествоиспытателей и сотрудников заповедника Аскания Нова, жеребцы лошади Пржевальского отличаются совершенно исключительной свирепостью. Поэтому, может быть, не случайно в нашей скульптурной группе узда надета на кобылу, а на жеребце ее нет.

Еще более яркое подтверждение использования уже одомашненной лошади Пржевальского дает навершье аналогичного по форме ножа из Ростовкинского могильника близ Омска[13]. На нем изображен человек с широким лицом, в круглой шапочке, на лыжах; в правой руке он сжимает вожжу, протянувшуюся вдоль правого бока лошади и прикрепленную к ремню, обнимающему морду лошади[14]. Левая рука человека немного согнута и приподнята. Фигура человека помещается несколько правее фигуры лошади. По сообщению В. И. Матющенко, «на правом плече лошади сохранился выступ металла; видимо, сюда прикреплялся конец второй, левой вожжи, не сохранившейся в скульптуре». Невольно бросается в глаза разница между позой спокойно стоящей лошади и динамичной позой человека; впрочем, место для человека на навершье заранее предусмотрено и считать его фигуру позднее добавленной нет оснований.

Этот уникальный предмет доказывает существование в Сибири в то далекое время своеобразного конного транспорта. Что касается лыж и однополозных нарт, то они, надо полагать, были известны на Урале еще в неолите[15]. Встречены изображения лыжников и на древних наскальных рисунках Карелии[16].

На сейминском ноже имеется еще одна очень интересная деталь. На одной его стороне, вероятно, именно на той, на которой он лежал, в верхней части лезвия, у рукояти сохранились ясные следы прилегавшей к ножу ткани. Ткань была довольно тонкой, плотной, с правильным, под прямым углом сплетением нитей.

Некоторые археологи, и прежде всего С. В. Киселев[17], склонны относить сейминский нож с лошадками к южносибирской карасукской культуре. Но мы считаем его, как и турбинский и ростовкинский ножи, несколько более ранним.

Вряд ли можно сомневаться в происхождении всех трех ножей из одного и того же металлургического района. Несмотря на разную форму рукояток, их сближает аналогичная кривая форма, однолезвийность, обушок на другой стороне, художественный стиль наверший и сходный состав оловянистой бронзы. Сейминский нож отличается решетчатой рукоятью от турбинского и ростовкинского ножей, рукояти которых массивные и имеют горизонтально-реберчатую поверхность; но в комплексе металлических изделий Сеймы имеются три крупных ножа с плоскими клинками турбинского типа, имеющие вокруг рукояток или с одной их стороны рельефные литые пояски (или чеканную имитацию их), похожие на орнаментацию турбинского и ростовкинского ножей, турбинских и самусьских копий и кельтов.

По мнению Д. Н. Эдинга, «рукоятка сейминского ножа несколько уступает турбинскому по качеству работы, возрастают грубость и обобщен-

[13] *В. И. Матющенко.* Могильник у дер. Ростовка и его место среди памятников эпохи бронзы. Доклад в секторе неолита и бронзы Института археологии АН СССР, 17. VI 1968 г.

[14] «„Конный лыжник" из бронзового века», стр. 33, см. также цветную фотографию на левой странице.

[15] *О. Н. Бадер, В. Н. Чернецов.* Мезолитические и неолитические племена Урала, Западной Сибири и Прикаспия. «История СССР с древнейших времен до наших дней». М., 1966.

[16] *Ю. А. Саватеев.* Рисунки на скалах. Петрозаводск, 1967.

[17] *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. XII.

ность форм...» [18] Однако это может служить лишь для незначительного и условного омоложения сейминского ножа по сравнению с турбинским.

Район, где древние металлурги отлили из оловянистой бронзы упомянутые здесь ножи с фигурными навершьями, в том числе и сейминский, не может быть сейчас указан точно. Но присутствие на них изображений лошадей Пржевальского или близких им и горных баранов, характер оловянистой бронзы и ряд типологических аналогий позвляют локализовать этот район в древних степях или лесостепях, близких Алтайской горной системе, в Обь-Иртышье. Во II тысячелетии до н. э. граница лесов была отодвинута к северу по сравнению с современной. Нужно также принять во внимание, что домашние животные, в том числе и лошадь, были заимствованы с юга прежде всего жителями южной полосы лесов и постепенно проникали все дальше на север.

Именно здесь располагаются и памятники, где обнаружены многочисленные следы бронзового литья, остатки металла того же состава, наиболее близкие аналогии по форме вещей. Например, на Самусьском IV поселении найдены обломки около 20 литейных форм для отливки копий и кельтов сейминско-турбинских типов [19], а в Ростовкинском могильнике близ Омска обнаружена могила литейщика с каменными литейными формами; в одной из них отливались кельты с одним ушком и орнаментом в виде пояска-лесенки, заштрихованных треугольников и ромбов, т. е. кельты, наиболее близкие сейминским; вторая форма служила для отливки втульчатых наконечников дротиков; третья, комбинированная форма — для долота, втульчатой стамески и двух ножей [20].

Ранее известные пункты находок литейных форм для кельтов и копий сейминско-турбинских типов располагаются только к востоку от Иртыша [21]; западнее, и, в частности, на Урале, подобные литейные формы не найдены ни разу.

[18] *Д. Н. Эдинг.* Резная скульптура Урала, стр. 87.

[19] *В. И. Матющенко.* К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи; *М. Ф. Косарев.* Среднеобский центр турбинско-сейминской бронзовой металлургии. СА, 1963, № 4.

[20] *В. И. Матющенко.* Могильник у дер. Ростовки.

[21] *М. Ф. Косарев.* Среднеобский центр турбинско-сейминской бронзовой металлургии, см. карту, рис. 3.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 127 1971 год

Н. Л. ЧЛЕНОВА

ЛИТЕЙНЫЕ ФОРМЫ ИЗ с. БЕКЛЕМИШЕВО (ЗАБАЙКАЛЬЕ)

В Читинском краеведческом музее хранятся литейные формы, происходящие из окрестностей с. Беклемишево на берегу оз. Шакшинского, в верховьях р. Хилок (Читинская область). Здесь найдено четыре половинки литейных форм для отливки семи предметов, все они изготовлены из талькового сланца и представляют собой комплекс. Два из этих предметов уже публиковались [1], однако необходимо полное освещение находки и ее датировка и интерпретация на современном уровне наших знаний.

Первая форма удлиненная, один конец ее закруглен, другой срезан, поперечное сечение близко к сегменту. На форме вырезан нож, слегка изогнутый, с навершьем в виде кольца со срезанной нижней частью. Ручка от клинка отделена чертой. Вдоль ручки проходит желобок (рис. 46, *1*). Металл заливался в форму с нижней части клинка.

Нож этот близок одновременно к позднекарасукским ножам с кольцом и к предтагарским ножам с полукольцом или «аркой на кронштейне». Оба типа широко распространены в Сибири (есть и в Забайкалье), Монголии, Ордосе, Восточном Казахстане.

Оба типа ножей на всех перечисленных территориях бытуют одновременно, дают по нескольку вариантов и переходных форм от одного типа к другому (рис. 47, *3—12*). Обломок литейной формы из мыльного камня для отливки такого ножа с кольцом и двух круглых стержней найден в Забайкалье в бассейне р. Чикоя (Хара-Бусун б. Троицкосавского окр. Бурятской АССР [2]) (рис. 46, *5*). Ножи с кольцом завершают эволюционный ряд карасукских ножей, будучи самыми совершенными с технологической стороны (низкий процент сломанных клинков, обусловленный формой — большим центральным углом и длиной ножа, наличие экземпляров с высоким содержанием мышьяка — до 3,5—3,7% и олова — до 5%, наличие луженых ножей).

Карасукские ножи с кольцами, самые стандартные из карасукских ножей по форме, деталям и размерам, представляют как бы продукты «серийного производства». Более ранние ножи гораздо индивидуальнее.

Ножи с кольцами встречены в группе самых поздних карасукских могильников (Усть-Абаканское; Абакан — Старое кладбище, могила 1;

[1] *А. И. Махалов.* Формы для отливки и бронзовые ножи из Забайкалья. Материалы Читинского краевого музея им. А. К. Кузнецова. Иркутск—Чита, 1929, стр. 19—20. Автор приписывает эти формы гуннам: *Г. П. Сосновский.* К истории добычи олова на востоке СССР. ПИМК, 1933, № 9—10, стр. 17; *Н. Н. Диков.* Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958, табл. XIX, *2*; XX, *1*, *3*, *4*, *5*. В тексте нет упоминаний об этих формах.

[2] *Г. П. Сосновский.* Указ. соч., стр. 18.

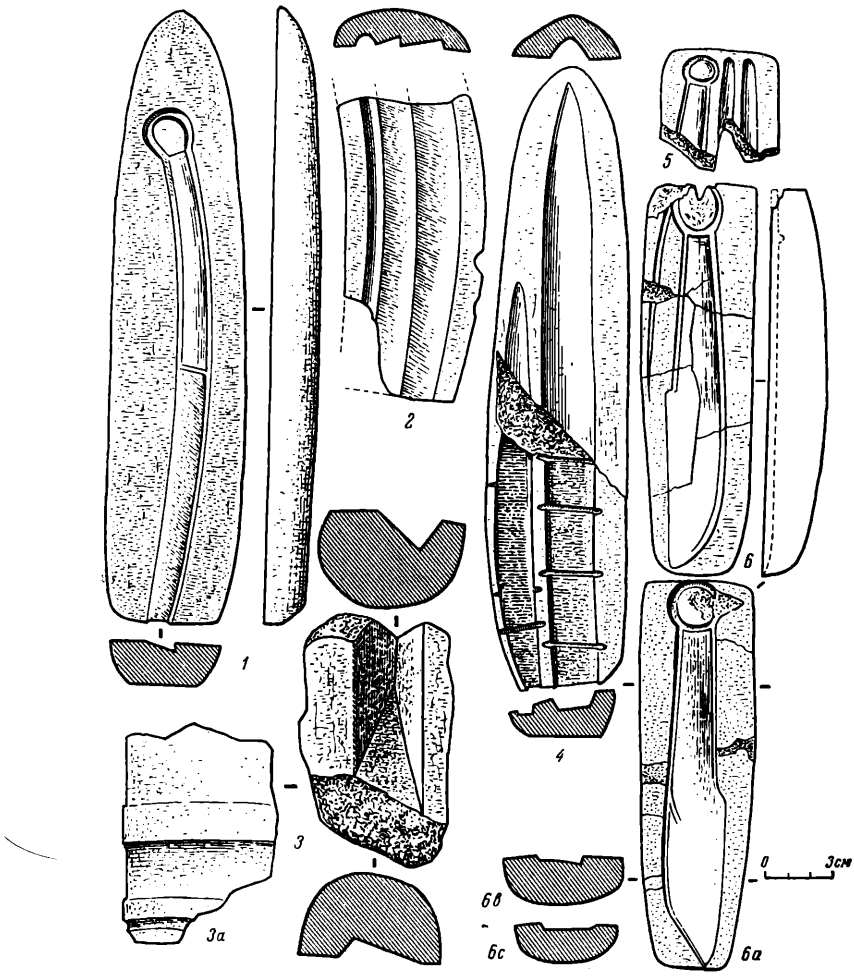


Рис. 46. Литейные формы из Беклемишево (1—4) и других мест Сибири (5, 6)

1 — ЧитМ, 930; *2* — ЧитМ, 932; *3* — ЧитМ, 881; *4* — ЧитМ, 931; *5* — Хара-Бусун, Забайкалье. По Г. П. Сосновскому; *6* — поселение Осинники у дер. Могильники Томской обл., раскопки Л. А. Чиндиной, МИМК ТГУ, шифр: «МПО, 212»; *1—4* — тальковый сланец; *5* — мыльный камень; *6* — глина.

Окунев улус, могила 9; Чарков улус, могила 10; Бельтыры, погребение девочки; Есинская МТС, могила 9; Сухое озеро II; Ярки I; Карасук I, ограда 56; Малые Копены I, мог. 135)[3], где нередко вместе с карасукской встречается уже и тагарская керамика[4], или карасукское погребальное сооружение сочетается с тагарским инвентарем[5]. Такой нож найден

[3] Соответственно: «Случайная раскопка погребения», ГЭ 5531-416; раскопки А. Н. Липского, АМ 216-2; раскопки С. А. Теплоухова, 1927, ГЭ 4657/25; раскопки С. В. Киселева, 1938, ГИМ 86292; раскопки А. Н. Липского, 1952, АМ 239-7; *Г. А. Максименков.* Раскопки Черновского отряда. АО 1967 г. М., 1968, стр. 145; раскопки Красноярской экспедиции 1961 г. ГЭ; раскопки Л. П. Зяблина.

[4] Окунев улус, могила 12 (22), раскопки С. А. Теплоухова, 1928 г., ГЭ № 4836-36, 37 и дневник С. А. Теплоухова за 1928 г., л. 28 (Архив Гос. музея этнографии народов СССР); Карасук I, раскопки С. А. Теплоухова, 1925, мог. 23 (25), 24 (26) и 25 (27), ГЭ 4371-16, 17, и дневник С. А. Теплоухова за 1925 г.; Малые Копены I, ограда 2, могилы 2 и 3, раскопки Л. П. Зяблина, 1961, отчет Л. П. Зяблина за 1961 г. Архив ИА, Р-1, д. 2358 и 2358-а, л. 12.

[5] Карасук I, могила 29 (31), раскопки С. А. Теплоухова, 1925 г., ГЭ 4371-31, и дневник С. А. Теплоухова за 1925 г., л. 2; Карасук I, ограда 51, раскопки Красно-

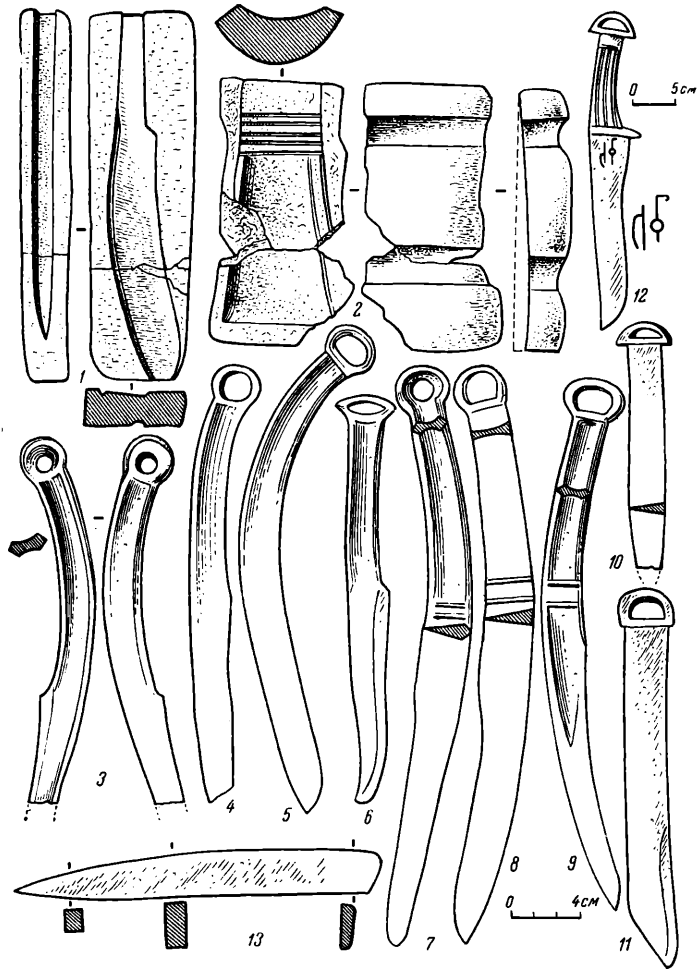


Рис. 47. Аналогии деталям беклемишевских форм и вырезанным на них предметам

1 — литейная форма из могильника Ростовка близ г. Омска, раскопки В. И. Матющенко, 1967, МИМК ТГУ, 7011-469; *2* — литейная форма из поселения Самусь IV (Томская обл.), раскопки В И. Матющенко, МИМК ТГУ, 6750; *3—12* — ножи с кольцами и полукольцами («арками»); *3* — долина р. Хилок (Забайкалье), ЧитМ, 990 (по рис. С. В. Зотовой); *4—6* — варианты ножей с кольцом и полукольцом из Ордоса (*4*, *5* — по N. Egami and S. Mizuno, AO, B Series, v. I. Tokyo—Kyoto, 1935; *6* — J. G. Andersson, BMFEA, N 4, 1932); *7—11* — варианты ножей с кольцом и полукольцом из Минусинской котловины (*7* — р. Оя, ГЭ 1293/91; *8* — с Уты, ММ 1722; *9* — дер. Игнашина, ММ 1716; *10* — дер. Потехина, ММ 1226; *11* — дер. Пойлова, ММ 1244); *12* — уезд Чанцин, провинция Шаньдун (Северный Китай), Вэнь'у, 1964, № 4; *13* — чекан из Коршуновского клада. По Б. Г. Тихонову, МИА, № 90, 1960. *1* — камень (сланец?); *2* — глина; *3—13* — бронза

и в Аскызе в кургане 3 вместе с карасукскими бронзовыми вещами и керамикой лугавского типа[6]. Эти же ножи встречены и в двух тагарских могилах, где остальной инвентарь — тагарский VII—VI вв. до н. э. (Райков улус[7], табл. III, *1—9* и Усть-Ерба)[8]. Наконец, эти ножи являются

ярской экспедиции 1961, Архив ИА, Р-1, д. 2483-а, л. 56, 57; Сухое озеро II, ограда 56, раскопки Красноярской экспедиции, 1963 г. Архив ИА, Р-1, д. 2744; Сухое озеро II, раскопки Красноярской экспедиции, 1964 г., кург. 147. Архив ИА, Р-1, д. 2958, стр. 23; д. 2958-а, л. 26, рис. 104.

[6] *G. Gjessing.* Minussinkiske oldfunn. Arbok. Oslo, 1938/40.

[7] *А. Н. Липский.* Археологические раскопки в Хакассии. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 123, рис. 53, *1*.

[8] Курган 3, раскопки С. В. Киселева, 1931, ГИМ, д. VII—47/12 в.

непосредственными предками тагарских ножей с кольцом в ручке VII в. до н. э.[9] и между ними и последними есть и переходные формы. Абсолютная дата этих ножей — VIII—VI вв. до н. э.; для более ранней даты оснований нет.

Ножи с полукольцом или «аркой на кронштейне» широко распространены в памятниках Минусинской котловины предтагарской эпохи (Баинов улус, Ильинская гора, Капчалы и др.). Из них наиболее точной аналогией ножу с беклемишевской формы является нож из кургана 2 могильника Капчалы III (VIII—VII вв. до н. э.)[10].

Есть ножи с аркой на кронштейне и в Томском могильнике (Большой мыс) того же времени[11]. В Китае известен нож с аркой на кронштейне и с иероглифом «юань-тай» на клинке, эпохи чуньцю, VIII—V вв. до н. э. (рис. 47, *12*)[12]. Ножи с аркой на кронштейне вообще характерны для этой эпохи в Китае, правда, в большинстве известны довольно геометризованные ножи конца этой эпохи[13].

Далеко на западе, в Поволжье, нож с аркой на кронштейне найден в дер. Нырсы Татарской АССР, откуда происходят также кельт меларского типа и бронзовое листовидное втульчатое копье с петелькой у основания втулки — позднейший вариант сейминских копий[14]. Все эти вещи, по всей вероятности, происходят из разрушенного могильника (рис. 48, *10—13*). Кельты меларского типа датированы в Скандинавии IV—VI периодом эпохи бронзы (1000—600 гг. до н. э.)[15], на территории Центральной Европы — заключительной фазой лужицкой культуры[16], в Поволжье — в хорошо датированных комплексах Акозинского и Старшего Ахмыловского могильников VIII—VI вв. до н. э.[17] Таким образом, и в Поволжье нож с аркой на кронштейне датируется тем же временем, что и в Сибири. Подобные ножи в Восточной Европе — чрезвычайная редкость (известен только еще один нож такого типа — на Северном Кавказе, в Божигане Чечено-Ингушской АССР[18]), и находка его в Нырсы вместе с меларским кельтом весьма примечательна: она демонстрирует связи Восточной Европы и Сибири в VIII—VI вв. до н. э., по крайней мере в области металлургии[19].

[9] *Н. Л. Членова.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, табл. *3*, *7*, стр. 173, 179.

[10] Раскопки В. П. Левашевой, 1935; *Н. Л. Членова.* Основные вопросы происхождения тагарской культуры. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 1961, таблица-вклейка, рис. 49.

[11] *М. Н. Комарова.* Томский могильник — памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. МИА, № 24, 1952, стр. 31, рис. 17, *9*; стр. 35, рис. 20, *7*.

[12] Шаньдунский провинциальный музей. Бронзовые сосуды из уезда Чанцин, провинция Шаньдун. Вэнь'у, 1964, № 4, стр. 44, рис. 38. За переводы китайских текстов приношу глубокую благодарность Л. С. Васильеву.

[13] *N. Egami, S. Mizuno.* Inner Mongolia and the Region of the Great Wall. AO, B. Series, vol. 1. Tokyo—Kyoto, 1935, Corpus, fig. 58; Фэнси фачу баогао. Пекин, 1962, таб. XIII, *1*.

[14] *A. M. Tallgren.* Collection Zaoussailov, vol. 1. Helsingfors, 1916, fig. 38; Pl. VII, *3*; Pl. IX, *3*.

[15] *C. F. Meinander.* Die Bronzezeit in Finnland. SMYA 54. Helsinki, 1954, S. 29—39.

[16] *E. Sprockhoff.* Lausitzer Tüllenbeil. PZ 1949/50, S. 117—119.

[17] Акозинский могильник: *А. Х. Халиков.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа. «Труды Марийской археологической экспедиции», т. II. Йошкар-Ола, 1962, стр. 34—38, 64; Старший Ахмыловский могильник: могила 257 — меларский кельт с бронзовым кубиком-пронизкой от сбруи VII—VI вв. до н. э.; могила 524 — меларский кельт с бронзовыми удилами со стремевидными концами VII—VI вв. до н. э. и железным копьем; могила 528 — меларский кельт с железным копьем (раскопки Марийской экспедиции, 1965 и 1968 гг.).

[18] *Е. И. Крупнов.* Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 93, рис. 25, *2*.

[19] Нож из Божигана Е. И. Крупнов считает импортным из Сибири (там же, стр. 96—98).

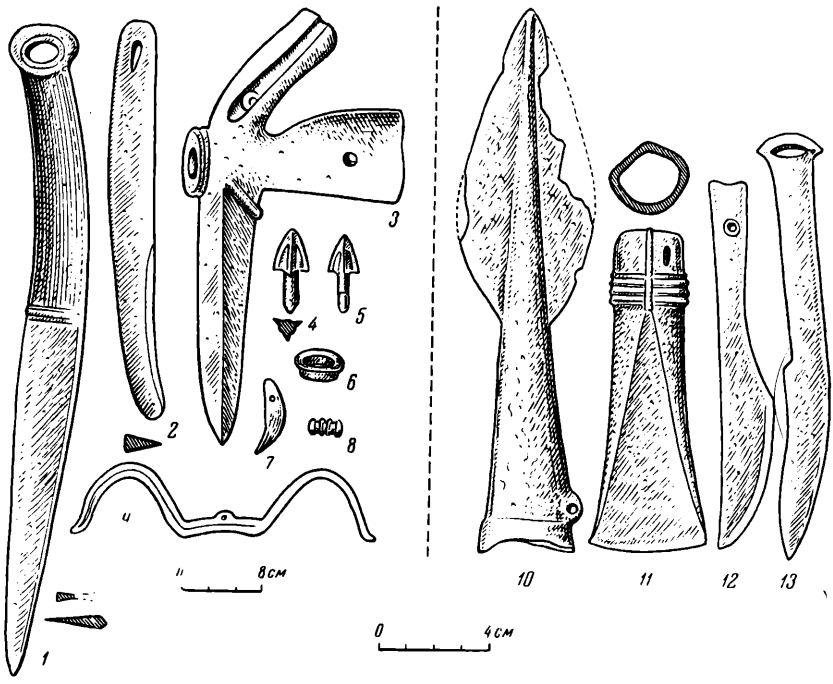


Рис. 48. Комплексы с ножами с кольцом и полукольцом

1—9 — курган у Райкова улуса (Минусинская котловина), раскопки А. Н. Липского, 1945, АМ; *10—13* — дер. Нырсы 6. Лаишевского уезда Казанской губ. (по: A. M. Tallgren. Collection Zaoussailov. Helsingfors, 1916); *7* — клык-подвеска; *8* — мраморная застежка; остальное — бронза

На второй литейной форме из с. Беклемишево (обломанной с одного конца и частично с другого) вырезано три предмета, из которых один — однолезвийный, довольно массивный, слабо изогнутый нож с треугольным сечением клинка (эти признаки позволяют отнести его, как и нож с аркой на кронштейне, к концу карасукской — началу тагарской эпохи), конец клинка служит литником, второй — либо однолезвийный нож с узким клинком, либо какое-то острие, и третий — круглый в сечении стержень, может быть, маленькое долото, каких много в памятниках и на литейных формах эпохи поздней бронзы (Омская стоянка, Еловка и др., рис. 46, *2*).

На третьей литейной форме вырезан предмет, очертания и сечение которого позволяют определить его как кельт (рис. 46, *3*). К сожалению, сохранилась только средняя часть формы, верх и низ ее отломаны, поэтому трудно определить тип кельта. Он был узкий, вытянутых пропорций, верхняя часть втулки ромбическая в сечении, в средней части кельт шестигранный.

Наконец, на последней, четвертой форме из с. Беклемишево вырезаны два чекана без проухов и втулок, бойки которых в сечении ромбические, обушки уплощенные (рис. 46, 4) [20]. Поперек обушковых частей вырезаны желобки, заходящие за края обушков. При отливке орудия тут должны были получаться шипы, назначение которых неясно. Литниками служили выходящие в край матрицы концы негативов обушков чеканов.

Такой формы бронзовые чеканы, только без шипов, известны в сейминско-турбинских памятниках (один экземпляр — в Турбине, два —

[20] А. И. Махалов (см. указ. соч.) предположил, что эти предметы — копья; однако копья такой формы нигде не известны.

в Сейме) и в Коршуновском кладе в Кировской обл. (рис. 47, *13*)[21], а каменный чекан такой же формы — в Китае, в могильнике Дасыкунцунь (XI—X вв. до н. э.)[22]. В Забайкалье такие чеканы до сих пор не были найдены.

На основании изложенного литейные формы из с. Беклемишево могут быть датированы в пределах X—VI вв. до н. э. Наиболее вероятной представляется дата VIII—VII вв. до н. э., на которую указывают карасукские ножи группы 11 и с «аркой на кронштейне» и кельт меларского типа как хорошо датированные предметы.

Некоторые указания на дату дают также материал и особенности самих литейных форм. Литейные формы из талькового сланца (материал беклемишевских форм) и других пород хлорито-талько-амфиболового ряда составляли подавляющее большинство литейных форм конца эпохи бронзы в Северном Причерноморье[23]. Характерны для эпохи поздней бронзы и двустворчатые формы (по крайней мере три из беклемишевских форм — для ножа с полукольцом[24], для кельта и для чеканов — были двустворчатыми), и вырезание на одной форме нескольких однотипных предметов[25] (половинка формы для двух чеканов и обломанная половинка формы для двух ножей), и стандартизация контуров самих форм (сравни контуры формы для отливки чеканов и формы для отливки ножа). Однако между формами из Причерноморья и беклемишевскими есть и различия: первые брусковидны (в сечении почти прямоугольны), тогда как половинки беклемишевских форм в сечении сегментовидны, а в сложенном виде формы в сечении овальны — в этом они сходны с формами из Западной Сибири, сейчас хорошо известными благодаря раскопкам М. И. Матющенко в Самусе IV, Ростовке, Еловке и других местах. Половинки этих западносибирских форм, как правило, сегментовидны в сечении. Это одинаково характерно для форм из сейминских[26] и позднекарасукских (ирменских) комплексов[27]. Сегментовидное поперечное сечение характерно и для каменных литейных форм из некоторых других районов: форм для меларских и ананьинских кельтов Финляндии[28] и для копья из могильника Верхняя Рутха (Северный Кавказ); Е. И. Крупнов датирует верхнерутхинскую форму IX—VIII вв. до н. э.[29] Особенность двух поло-

[21] Горьковский краеведческий музей, инв. № 675; *О. Н. Бадер.* Новые раскопки Турбинского I могильника. «Отчет Камской (Воткинской) экспедиции Института археологии АН СССР», вып. 1. М., 1959, вклейка на стр. 1 и стр. 79, рис. 12, *3*; *Б. Г. Тихонов.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, № 90, 1960, табл. II, *2*.

[22] *Ма Дэ-чжи, Чжан-Юн* и др. Доклад о раскопках 1953 г. в Дасыкунцунь, Аньян. Каогу сюэбао, 1955, № 9, табл. 30, *1*. О дате могильника Дасыкунцунь см.: *Chêng Tê-K'un.* Archaeology in China, v. 2. Cambridge, 1960, p. 20, 70, 71, 161.

[23] *В. Ф. Петрунь.* Петрография и некоторые проблемы материала каменных литейных форм эпохи поздней бронзы и Северного Причерноморья. «Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР». Киев, 1967, стр. 185—193.

[24] Все найденные в Забайкалье ножи с кольцом или «аркой на кронштейне» отлиты в двусторонних формах (см. рисунки в указанных выше статьях А. И. Махалова и Н. Н. Дикова и особенно наш, рис. 47, *3*, где отчетливо виден брак — несовмещение половинок формы в области кольца-навершья).

[25] *И. Т. Черняков.* Техника изготовления литейных форм и металлических изделий в Северном Причерноморье в эпоху поздней бронзы. «Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР». Киев, 1967, стр. 183.

[26] Самусь IV, раскопки В. И. Матющенко, формы для отливки сейминского копья, 13 кельтов, однолезвийного ножа и стержня (МИМК ТГУ, коллекции № 6746, 6794, 6750); Ростовка, форма для отливки сейминского кельта с ромбами (МИМК ТГУ). Исключение — две половинки брусковидной формы для отливки ножей, желобчатого долота и острий (Ростовка).

[27] Еловка, поселение, формы для отливки серпа-косаря, копья с прорезями и ножа (*А. П. Баранес, А. Ф. Косарев, В. Д. Славнин.* Еловский археологический комплекс. «Ученые записки ТГУ», № 60, 1966, стр. 61, табл. *3, 8, 9, 10*).

[28] *C. F. Meinander.* Указ. соч., стр. 28, рис. 10, 11; стр. 47, рис. 33.

[29] *Е. И. Крупнов.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, табл. X, *3*, стр. 238.

винок беклемишевских форм — один конец заострен (рис. 46, *1*, *4*) — как будто не встречалась на формах из других областей и, может быть, представляет местную особенность.

Литниками беклемишевских форм служат выходящие в край матрицы концы негативов: концы клинков ножей (на первой и второй формах), концы чеканов (на четвертой форме). То же наблюдается и на других сибирских литейных формах — комбинированной литейной форме из Ростовки, форме для отливки ножа с кольцом из ирменского поселения Осинники (близ дер. Могильники Томской обл.— рис. 46, *6*; 47, *1*). И. Т. Черняков отмечает, что такое устройство литников характерно и для причерноморских форм для отливки плоских предметов [30].

Беклемишевские формы соединялись не с помощью деревянных штифтов, как большинство причерноморских форм [31], а скорее всего связывались: на это указывают широкие желобки на тыльной стороне половинки формы для отливки кельта (рис. 46, *3а*). Подобные желобки отчетливо видны и на тыльной стороне одной из форм из Самуся IV (рис. 47, *2*). Связывали и некоторые формы из Причерноморья [32], но овальное сечение сибирских форм лучше приспособлено к этому виду соединения.

Были ли беклемишевские формы в употреблении, трудно сказать. Следов употребления на них не видно. Однако на формах из песчаника и сланцев следов отливки, как правило, и не бывает заметно — это подтверждено и экспериментальной отливкой в древней песчаниковой литейной форме, произведенной в лаборатории Британской ассоциации по исследованию цветных металлов [33].

Таким образом, как вырезанные на беклемишевских формах предметы, так и особенности самих литейных форм позволяют датировать их позднекарасукской эпохой (X—VI вв. до н. э., вернее же, VIII—VII вв. до н. э.) и указывают на их принадлежность к сейминско-карасукскому кругу памятников. Демонстрируя с несомненностью местное производство забайкальских бронз карасукского типа, они в то же время представляют новые доказательства большой близости культур указанного круга, свидетельствующие об их тесных контактах или единстве происхождения.

[30] *И. Т. Черняков.* Указ. соч., стр. 182.
[31] Там же.
[32] Там же.
[33] *H. M. Coghlan.* Notes on the Prehistoric Metallurgy of Copper and Bronze in the Old World. Oxford, 1951, p. 53—54.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 127 1971 год

Ю. С. ГРИШИН

О НЕКОТОРЫХ СИБИРСКИХ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ЛИТЕЙНЫХ ФОРМАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Литейные формы имеют важное значение для изучения истории древнейшей металлообработки, давая представление не только о технике литья, но и об уровне развития бронзолитейного дела в различные эпохи. Цель данной статьи — публикация створок двух малоизвестных сибирских металлических литейных форм для отливки бронзовых кельтов.

До недавнего времени считалось, что для изготовления минусинских карасукских изделий использовались формы из камня и глины или же только из камня, в то время как для тагарских — из глины и металла (меди и бронзы) [1]. Сейчас с этим мнением вряд ли можно согласиться. В Государственном Эрмитаже хранится створка медной литейной формы для отливки кельта своеобразного типа [2] (рис. 49, *1*). Судя по негативному воспроизведению, его тулово, расширяющееся к лезвию, ближе всего напоминает по форме известные кельты сейминско-турбинского типа, бытующие в основном на территории Приуралья, Казахстана и Западной Сибири с середины II тысячелетия до н. э. до начала I тысячелетия до н. э.[3] В Минусинской котловине также известны отдельные кельты сейминско-турбинского типа [4], но рассматриваемое изображение кельта в створке литейной формы показывает, что он отличается от этого типа кельтов наличием ободка, окаймляющего втулку, и своеобразного выпуклого пояска в виде витой веревочки. Последний вид орнаментации встречается на некоторых категориях медно-бронзовых изделий карасукского и тагарского времени (ножи, котлы), а ободок очень характерен для многих типов карасукских и тагарских кельтов. Однако, учитывая время существования кельтов сейминско-турбинского типа, к которым по основной форме наиболее близок рассматриваемый кельт, его следует отнести еще к карасукской эпохе, скорее всего к ее концу. На последнее предположение может указывать сама литейная форма, совершенно аналогичная по устройству опубликованной медной литейной форме для отливки ранних крупных массивных двуушковых тагарских кельтов [5]. Литейные

[1] *М. П. Грязнов.* Древняя бронза Минусинских степей. «Труды отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа», т. I, 1941, стр. 254; *Ю. С. Гришин.* Производство в тагарскую эпоху. МИА, № 90, 1960, стр. 144—147.

[2] Гос. Эрмитаж, колл. 5531—1226.

[3] *М. Ф. Косарев.* Среднеобский центр сейминско-турбинской бронзовой металлургии. СА, 1963, № 4, стр. 24—26.

[4] Минусинский музей, колл. 170, Красноярский краевой музей, колл. 131—739, Гос. Исторический музей, колл. 39961.

[5] *Ю. С. Гришин.* Указ. соч., стр. 144—145, рис. 6.

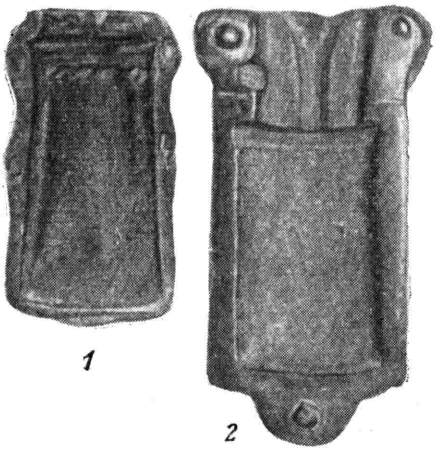


Рис. 49. Сибирские литейные формы

формы этого типа состоят из двух створок, которые имеют углубления для литниковых каналов, выступы вдоль верхнего края для удержания сердечника и углубления или выступы по боковым краям для совместной тиксации створок.

Возможность использования металлических литейных форм для отливки карасукских медно-бронзовых изделий в Минусинской котловине была также недавно высказана Д. В. Наумовым на основании данных металлографического анализа[6]. Важность их введения в бронзолитейное производство с технической стороны заключалась в том, что высокая теплопроводность металла ускоряла процесс кристаллизации и способствовала получению отливок с плотным мелкокристаллическим строением. Благодаря этому физико-механические свойства отливок, изготовляемых литьем в металлические формы, были значительно выше, чем отливок, полученных в глиняных или каменных литейных формах. Кроме того, высокая прочность металлических форм позволяла производить в них более многократные отливки, чем в каменных, не говоря уже о глиняных. С другой стороны, некоторые исследователи считают, что использование металлических форм — это свидетельство перехода к выделке массовой продукции[7]. В основном дело обстояло, по-видимому, так. Во всяком случае в Минусинской котловине уже в карасукское время наблюдается типологическая близость и компактность некоторых групп ножей (как, впрочем, кельтов и других предметов), что, несомненно, отражает начавшуюся специализацию, вызванную потребностями в широком производстве металлических изделий[8].

Как отмечают исследователи древнего бронзолитейного дела, на некоторых древних литейных формах отмечаются специально сделанные бороздки — воздушные каналы, которые служили не только для выхода воздуха при литье, но также и для выхода газов, образующихся в расплавленных при высокой температуре меди и бронзы[9]. Среди сибирских материалов из музея Томского университета имеется створка одной такой металлической формы, предназначенной для отливки кельтов подпрямоугольной в плане формы с ободком по краю[10] (рис. 49, *2*). Из известных сибирских кельтов в ней, вероятнее всего, могли отливаться либо простые тагарские клиновидные, либо асимметричные, желобчатые с одной стороны карасукские кельты-тесла, о чем определеннее можно было бы судить в случае наличия второй створки. Сама створка литейной формы имеет литниковый канал, три выступа по краям (два в верхней части и один в нижней), для соединения со второй створкой и выемку с левой стороны для закрепления вставляющегося в форму сердечника,

[6] *Д. В. Наумов.* Производство и обработка древних медных и бронзовых изделий Минусинской котловины. «Новые методы в археологических исследованиях». М.—Л., 1963, стр. 166—167, 169, табл. 3.

[7] *H. M. Coghlan.* Notes of the Prehistoric Metallurgy of Papers on Technology, № 4. Oxford, 1951, p. 54—55.

[8] *М. Д. Хлобыстина.* Бронзовые ножи Минусинского края и некоторые вопросы развития карасукской культуры. Л., 1962, стр. 24.

[9] *H. M. Coghlan.* Указ. соч., стр. 54.

[10] Музей Томского университета, колл. № 5226.

служащего для образования полости втулки кельта. Воздушные каналы располагаются горизонтально с двух противоположных краев створки над полостью для тулова кельта. Вероятно, воздух и газы проникали в них через специально оставленные просветы, образуемые некоторым сужением сердечника, или же через тончайшие зазоры, оставшиеся между поверхностью верхней части сердечника и зажимающей его поверхностью створок литейной формы. Не приходится также говорить о том, что в какой-то мере они проходили и через все места стыка двух створок, но, по-видимому, такой выход сам по себе не всегда был достаточным.

В заключение следует отметить, что в рассмотренных сибирских, как и вообще древних, металлических литейных формах могла производиться не только непосредственная отливка медно-бронзовых изделий, но и приготовление моделей из другого материала для последующего изготовления с них глиняных литейных форм. Последнее убедительно доказал Дж. Кларк для некоторых английских металлических литейных форм бронзового века, которые хорошо сохранили следы заливки в них одного из самых легкоплавких металлов — свинца [11]. Что же касается непосредственной заливки меди и бронзы в литейные формы из этих же металлов, то об этом свидетельствуют следы значительного заплыва металлом подводящих литниковых каналов и случаи приставания его отдельных тоненьких кусочков к стенкам створок форм на некоторых из них [12], в местах возможного отслаивания огнеупорного материала. Однако вопрос о покрытии металлических литейных форм огнеупорной обмазкой еще требует изучения путем тщательного визуального и химического исследования рабочих поверхностей их створок.

[11] *Дж. Кларк.* Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 198, примечание 136.
[12] *Ю. С. Гришин.* Указ. соч., стр. 145.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 127 1971 год

Л. П. ХЛОБЫСТИН

ДРЕВНЕЙШАЯ ЛИТЕЙНАЯ ФОРМА С АНТРОПОМОРФНЫМ ИЗОБРАЖЕНИЕМ ИЗ ЗАПОЛЯРЬЯ

При раскопках стоянки Абылаах I, производившихся автором в 1967—1968 гг., были обнаружены два больших кострища (№ 2 и 3), около которых происходили плавка и литье бронзы. Стоянка Абылаах I находится более чем в 500 км к северу от Полярного круга, в юго-восточной части Таймыра, на правом берегу р. Хеты, в 17 км выше пос. Катырык [1]. Таким образом, эта бронзолитейная мастерская самая северная из известных в настоящее время.

В кострищах лежали многочисленные куски глиняного шлака, по-видимому, остатки горнов, обломки льячеков и черепки толстостенных сосудов с вафельными и желобчатыми следами выбивания на поверхности. Рядом с кострищами были найдены: капли бронзового литья и кусочки бронзы, среди которых небольшой обломок втулки кельта с орнаментальным пояском, состоящим из двух валиков, пространство между которыми заполнено вертикальными «городками». От пояска спускаются валики, образующие треугольники и вертикальные линии. Такой орнамент обычен для кельтов сейминского типа, но встречается также на кельтах прибайкальского типа и на некоторых экземплярах из Западной Сибири. По-видимому, древние металлурги Абылааха утилизировали кусочки бронзы для отливки новых изделий. Здесь же близ кострищ были найдены мелкие обломки песчаниковой литейной формы и фрагмент литейной формы из глины, на котором сохранился негатив какого-то орудия, по-видимому, средней части шестигранного кельта с выступающими ребрами.

Наиболее интересна песчаниковая форма. При склейке ее кусочков, производившейся уже по возвращении из экспедиции в лабораторных условиях, оказалось, что она предназначалась для отливки антропоморфной фигурки. Эта форма сделана из плитки красноватого мелкозернистого песчаника, имеющей очертания овала с усеченным широким концом (рис. 50). Наибольшие размеры плитки 7,5 × 4 см при толщине 1,2 см. На широкой лицевой стороне ее прямолинейными желобками вырезана схематичная антропоморфная фигурка. Голова и туловище изображены одной линией, начинающейся с широкого торца плитки. Линия туловища расходится на конце на две линии ног, расставленных под острым углом. Линия туловища в верхней половине пересекается под прямым углом линией плеч, от концов которой по направлению к туловищу спускаются

[1] *Л. П. Хлобыстин.* Исследования на Таймыре. АО 1967 г. М., 1968, стр. 154; *он же.* Раскопки на Таймыре. АО 1968 г. М., 1969.

линии рук. Длина фигурки 6,5 см, ширина плеч 2,4 см, ширина желобка, изображающего туловище, 4,5—5 мм, остальных желобков 3 мм. Врезаны они также на разную глубину: туловища на 4 мм, руки и ноги на 3—2,5 мм. Желобки имеют трапециевидное сечение. Желобок туловища расширяется при выходе на торец в прямоугольный раструб.

Когда плитка стороной с вырезанным изображением прижималась к какой-нибудь (деревянной или каменной) плоской поверхности, образуя замкнутую литейную форму, то через этот раструб, имевший значение литка, форма наполнялась металлом, вероятнее всего, бронзой. Металл, застывший в виде шляпки над литком и в самом раструбе, образовывал головку отлитой фигурки. Фигурка лишена половых признаков. Тонкая линия, продолжающая туловище, является небрежностью гравировщика, как и штрихи, продолжающие желобки рук. Попадавший в них металл должен был застывать нитями и отламываться при дальнейшей обработке изделия.

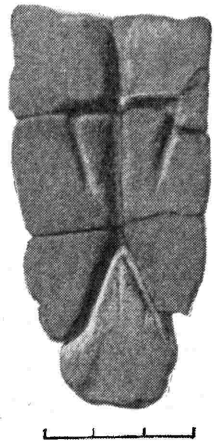


Рис. 50. Литейная форма со стоянки Абылаах I

Бронзолитейная мастерская со всем принадлежащим ей комплексом предметов имеет абсолютную дату, полученную Радиоуглеродной лабораторией ЛОИА на основе анализа угля из кострища 3. Установленный возраст образца 3100 ± 60 лет (ЛЕ-790), т. е. 1150 г. до н. э. Стоянка Абылаах I принадлежит к памятникам, характеризующим эпоху бронзы восточносибирской Арктики. Время существования этих памятников — конец II — рубеж II и I тысячелетий до н. э., — ранее определявшееся автором на основе кремневого и керамического инвентаря, прекрасно согласуется с уточняющей ее абсолютной датой.

Удачное сочетание радиоуглеродной даты и интересных вещей бронзолитейной мастерской позволяет сделать ряд выводов, имеющих важное значение не только для интерпретации данного комплекса и выяснения древней истории Арктики, но и для сибирской археологии эпохи бронзы вообще.

Во-первых, открытие на Таймыре бронзолитейной мастерской XII в. до н. э., а также нахождение следов бронзового литья на однокультурной Абылааху I стоянке Старый Сиктях, находящейся за Полярным кругом в низовьях р. Лены [2], свидетельствуют о том, что жители сибирского Заполярья не отставали в культурном развитии от населения Южной Сибири, если не считать отставанием сохранение охотничьего характера экономики, хорошо приспособленной к экологическим условиям. Впрочем, вполне вероятно, что в это время в какой-то мере уже начиналось приручение северных оленей.

Во-вторых, датируется время бытования в восточносибирском Заполярье кельтов, близких к сейминскому типу.

В-третьих, находка уникальной формы для отливки антропоморфной фигурки устанавливает дату post quem для подобных схематических изображений, часто встречающихся на писаницах Сибири.

Идентичные по положению рук и ног и по линейности рисунка фигурки были распространены в искусстве сибирских народов довольно широко. Встречаются они в разной технике исполнения. На красноватом песчанике, слагающем скалистые берега южносибирской части Енисея, они исполнены техникой точечного выбивания (гора Тепсей). Эта же техника была использована при их изображении на песчаных плитах,

[2] *А. П. Окладников.* Ленские древности, вып. 2. Якутск, 1946, стр. 82—90.

окаймляющих тагарские могилы у оз. Шира [3]. Красная охра выгодно выделяла такие же фигурки на известковых скалах близ дер. Каменки (Нижняя Ангара) [4].

Известны и этнографические параллели с подобными изображениями. На одном эвенкийском шаманском нагруднике помещено пять фигурок, застывших в той же позе, что и абылаахский «человечек». Они нарисованы на желтовато-серой ровдуге темно-красной краской и оконтурены вышивкой из белого оленьего волоса. У центральной фигурки голова не изображена, у остальных она в виде кружков [5]. Поразительной не только по постановке фигуры, но и по способу ее вырезания и даже по всем своим очертаниям аналогией абылаахской форме является литейная форма из краеведческого музея в г. Салехарде. Сделана она из дерева и имеет вторую половинку, на которой вырезана только часть литка. Высота отлитой в ней оловянной фигурки 14,5 см. Конечности фигурки снабжены кистями и ступнями. Литейная форма, судя по надписи на ней, сделанной в конце прошлого века или в начале нашего, принадлежала «самоедам» — ненцам [6].

В связи с тем что круг аналогий ограничивается пока территорией приенисейской части и Севера Сибири, на которой происходило формирование самодийцев и расселение народов, связанных с ними происхождением, возникает мысль о возможной связи канонизированного абылаахского типа схематичного антропоморфного изображения именно с этим этносом.

Приведенные примеры заставляют признать, что возраст схематичных антропоморфных фигурок, лишенных каких-либо характерных датирующих атрибутов, не может определяться достоверно. Можно говорить лишь о времени первоначального появления определенного канонического образа. Для абылаахского типа таким рубежом возникновения в настоящее время можно считать на основе радиоуглеродного определения XII в. до н. э. Это же положение распространяется и на другие канонизированные изображения (лоси, быки и т. д.), ибо традиционность приемов, ограничивающая творчество, наделяла стилизованные изображения живучестью, преодолевающей века.

Трудоемкое изготовление фигурки из дефицитного металла должно было иметь не менее важный общественно значимый смысл, чем изготовление бронзовых орудий труда. По-видимому, отлитое в абылаахской форме изображение служило, подобно ненецким отливкам, магическим оберегом-помощником. Отсутствие у фигурки каких-либо определенных атрибутов показывает, что владелец этого древнего онгона мог наделять его теми или иными свойствами. Абылаахская находка по всей совокупности связанных с ней представлений может служить косвенным подтверждением развития шаманистских воззрений у племен восточносибирского Заполярья в эпоху бронзы.

[3] *Э. Р. Рыгдылон.* Писаницы близ озера Шира. СА, т. XXIX—XXX, 1959, табл. IV, VII.
[4] *А. П. Окладников.* Петроглифы Ангары. М.—Л., 1966, стр. 102, табл. 174, *1*.
[5] *С. В. Иванов.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в. «Труды ИЭ», новая серия, т. XXII, 1954, стр. 151—153, рис. 46.
[6] *С. В. Иванов.* Скульптура народов Севера Сибири в XIX—первой половины XX в. Л., 1969, рис. 82.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 127 1971 год

Г. Н. МАТЮШИН

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

На Южном Урале вплоть до недавнего времени был известен всего один раскопанный памятник (Кысы-Куль) энеолитического времени. Причем и его инвентарь оказался смешанным, разновременным. Единичные фрагменты керамики энеолитического времени, обнаруженные С. Н. Бибиковым в пещерах Южного Урала[1], не могли дать какое-либо отчетливое представление об энеолите Южного Урала. Не случайно К. В. Сальников, пытаясь в 1962 г. сделать первую сводку по неолиту и ранней бронзе Южного Урала, отмечал, что «по состоянию наших знаний историю племен Южного Урала в широком плане можно излагать начиная лишь с эпохи бронзы». Что же касается неолита и энеолита, то, как отмечал К. В. Сальников, «накопленные данные» были слишком скудны[2].

Только в последние пять-шесть лет положение изменилось. В эти годы на Южном Урале выявлено и исследовано не только большое количество богатейших памятников мезолита и неолита, но и энеолитические поселения[3], позволяющие составить довольно отчетливое представление о культуре населения Южного Урала в эпоху энеолита. Особенный интерес среди последних представляют поселения Суртанды VIII[4], Карабалыкта IX[5] и верхний слой поселения Мурат на оз. Узункуль[6] (рис. 51).

На поселении Суртанды VIII в 1967—1968 гг. одним раскопом площадью около 500 кв. м вскрыто полностью поселение, состоящее из шести жилищ площадью в 30—32 кв. м каждое. В северной части поселения было расположено основное жилище-землянка с коридором, углубленная в землю до 1,6—1,7 м, перекрытая сверху, по всей вероятности, бревнами. В центре землянки находился мощный очаг, второй, более кратковременный, располагался у входа. Остальные жилища были незначительно углублены в землю и, видимо, представляли собой наземные постройки более легкого (летнего?) типа. В двух из них обнаружены

[1] *С. Н. Бибиков.* Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала. СА, т. XIII, 1950, стр. 95—135.
[2] *К. В. Сальников.* Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. АЭБ, т. 1. Уфа, 1962, стр. 16—17.
[3] *Г. Н. Матюшин.* Новые данные по мезолиту, неолиту и энеолиту Южного Урала. АО 1965 года. М., 1966, стр. 53—54; *он же.* Исследование памятников каменного века на Южном Урале. АО 1966 г. М., 1967, стр. 106; *Г. Н. Матюшин.* Работы на Южном Урале. АО 1967 г. М., 1968, стр. 119.
[4] *Г. Н. Матюшин.* Работы на Южном Урале, стр. 119.
[5] *Г. Н. Матюшин.* Новые данные по мезолиту, неолиту и энеолиту Южного Урала, стр. 53—54.
[6] *Г. Н. Матюшин.* Стоянка Мурат на оз. Узункуль. СА, 1965, № 1.

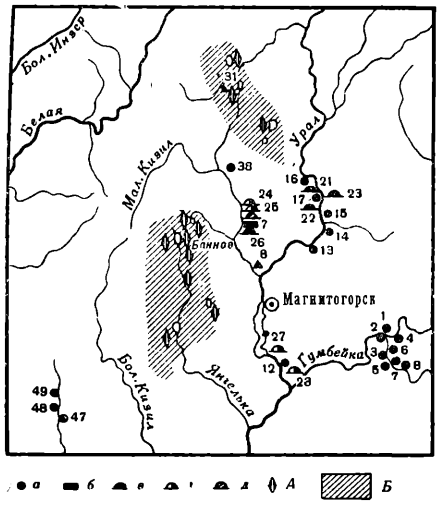


Рис. 51. Карта распространения памятников энеолита и бронзы в Магнитогорском районе

А — поселения суртандинского типа; *Б* — ареал поселений энеолитического времени: *а* — поселения андроновского типа; *б* — абашевские поселения; *в* — могильники андроновские; *г* — могильники и погребения срубной культуры; *д* — полтавкинские погребения и могильники. Нумерация соответствует нумерации памятников в книге К. В. Сальникова («Очерки древней истории Южного Урала». М., 1967, рис. 1, *40*, *41*)

остатки мастерских с наковальнями для обработки камня и большим количеством отщепов, нуклеусов, заготовок орудий и пр. В центре поселения, между жилищами была оставлена ровная каменистая площадка площадью около 80 кв. м. Выровненность и даже некоторая окатанность поверхности площадки свидетельствовала, видимо, о том, что она использовалась длительное время. Судя по остаткам костей домашних животных, найденным на поселении (лошадь, крупный рогатый скот), данная площадка, возможно, служила загоном для скота.

Культурные остатки представлены 32 584 изделиями из камня и керамики. Керамики всего 1581 фрагмент. Состав кремневого инвентаря (более 31 тыс. экз.) и по ассортименту, и по технике изготовления в целом сходен с инвентарем неолитических памятников. Однако соотношение отдельных групп инвентаря иное. Так, ножевидные пластины и изделия из них составляют здесь всего около 7% каменного инвентаря. Абсолютно преобладают изделия из отщепов с двусторонней обработкой.

Довольно близкий материал обнаружен при раскопках стоянки Карабалыкты IX, верхний слой Суртанды VI, верхний слой Мурат и др. Во всех памятниках этого типа в фауне (там, где она сохраняется) также встречаются кости домашних животных. Например, на стоянке Мурат вместе с костями человека, крупных рыб, лося найдены кости лошади и овцы или козы [7].

Форма сосудов и техника их орнаментации в целом сходна с керамикой неолитических памятников Южного Урала. Однако преобладающей формой становятся сосуды яйцевидные, со слегка отогнутым венчиком без наплыва с внутренней стороны. Появляются единичные сосуды с уплощенным дном. В орнаменте исчезают прочерченные линии. Господствует техника гребенчатого штампа. Простые орнаментальные мотивы неолитической керамики все больше вытесняются довольно сложными геометрическими композициями, часто чередующимися с незаполненными зонами. Характерные элементы орнамента — треугольники, елочка, треугольники с усеченной вершиной, соты, сетка, ломаные линии, шевроны и пр. — во многом предвосхищают элементы орнамента сосудов развитой бронзы этого же региона. Наиболее близкое сходство посуда указанных посе-

[7] Все фаунистические определения сделаны В. И. Цалкиным в лаборатории ИА АН СССР.

лений имеет с керамикой Кысы-Кульской[8] стоянки (рис. 52, *12*, *31*). Нет заметных различий и в каменном инвентаре всех этих памятников и Кысы-Кульской стоянки.

На всех памятниках суртандинского типа вместе со значительным количеством изделий из камня обнаружены и единичные предметы из металла. Изделий из металла на поселении Суртанды VIII (и в идентичном слое соседней с ней стоянки Суртанды VI) обнаружено пять (проволочка, пластинка, слитки), на стоянке Карабалыкты IX — шило, в верхнем слое стоянки Мурат — три: четырехгранный стержень, слиточек металла и медная капля (рис. 54).

Таблица

Состав металлических предметов из стоянок уральского энеолита

Мурат		Карабалыкты IX		Суртанцы			
стержень		шило	проволока	слиточек	пластинка	пластинка	пластинка
Шифр	4614	4613	6508	6509	6510	6511	6512
Cu	основа	основа	основа	основа	основа	основа	основа
Pb	0,004	—	—	—	—	—	—
Sn	—	0,001	—	—	—	—	—
Fe	0,05	0,006	0,001	0,006	0,005	0,001	0,005
Zn	—	—	—	—	—	—	—
Ag	0,05	0,05	0,008	0,02	0,007	0 15	0,05
Sb	—	0,006	—	—	—	—	—
Bi	—	—	—	—	—	—	—
As	0,5	—	—	—	—	—	—
Mn				?	0,001	0,001	0,003
Au	—	—	—	—	—	—	—
P	—	—	—	—	—	—	—
Ni	0,002	0,002	0,002	0 002	0,001	0,001	0,0008

По заключению Е. Н. Черныха, все изделия относятся к металлургической группе «чистой меди»[9], т. е. являются естественными сплавами, даже в стержне с Мурата, где количество мышьяка (As) достигает 0,5%. По своему происхождению металл, используемый в Мурате, имеет наибольшее соответствие с геохимической партией месторождения Таш-Казган, расположенного в верховьях р. Уй (в 90 км севернее стоянки Мурат).

Образец 4613 из Карабалыкты IX тождествен меди, выплавленной из руд месторождения Бакр-Узяк (70 км южнее оз. Суртанды). Образцы из Суртанды VI—VIII наводят на мысль об использовании для их изготовления самородной меди. Итак, самородная медь или естественные сплавы из двух рудников — Таш-Казган и Бар-Узяк. Интересно заметить, что позднее, как показали результаты спектральных анализов, именно эти месторождения были источником большой группы медно-мышьяковистых сплавов и для таких удаленных от восточного склона Южного Урала культур эпохи бронзы Восточной Европы[10], как абашев-

[8] *К. В. Сальников.* Указ. соч., стр. 26, рис. 6.

[9] Спектральный анализ металлических предметов проводился в кабинете спектрального анализа ИА АН СССР Е. Н. Черныхом.

[10] *Е. Н. Черных.* Обследование древних рудников Южного Урала. АО 1967 г. М., 1968 г., стр. 131.

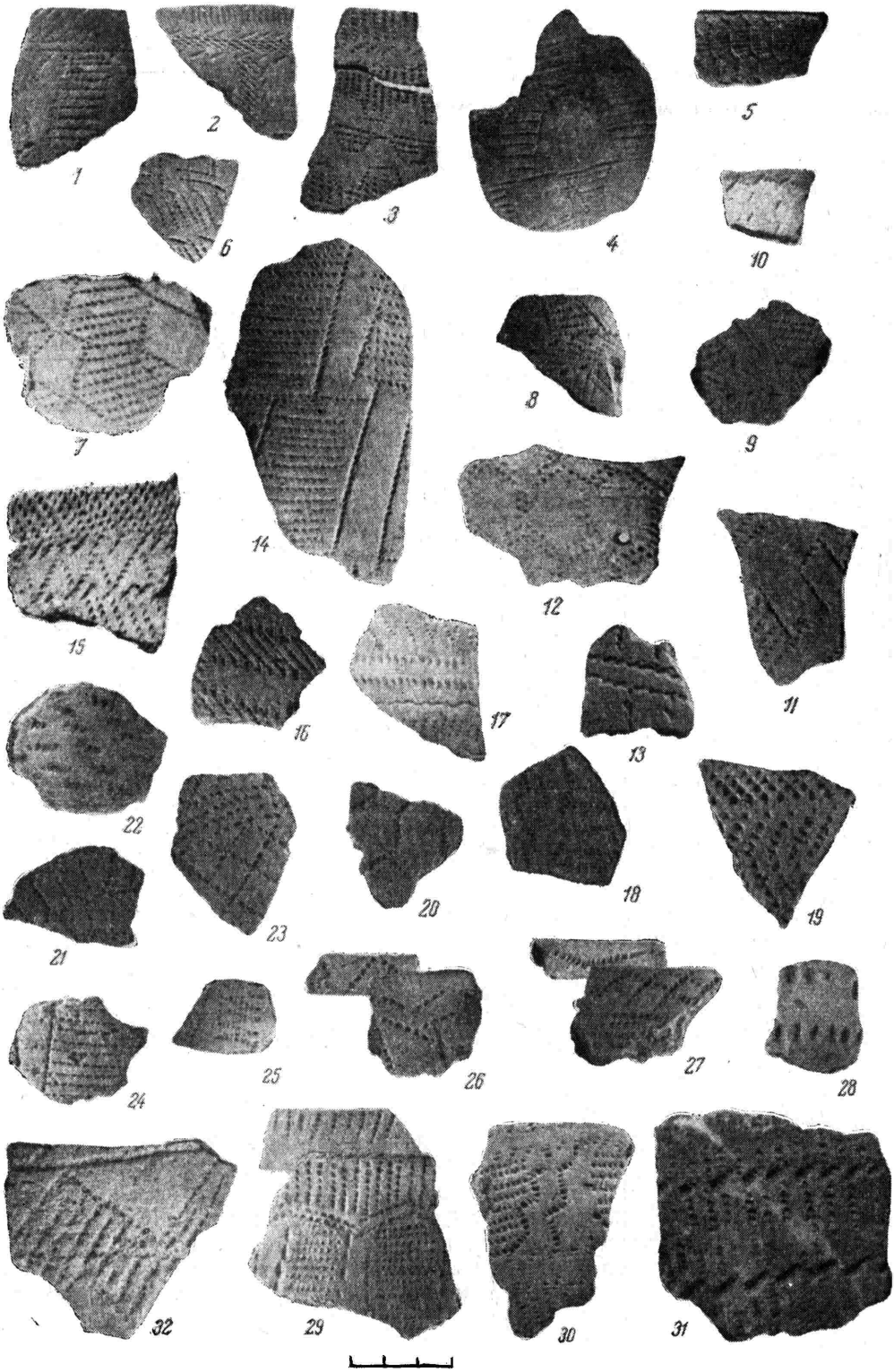


Рис. 52. Керамика верхнего слоя Мурат (*1—11, 13—15, 17, 32*); Суртанды 8 (*16, 18, 19, 22*); Карабалыкты IX (*20, 21, 23—30*) и Кусыкульской стоянки (*12, 31*)

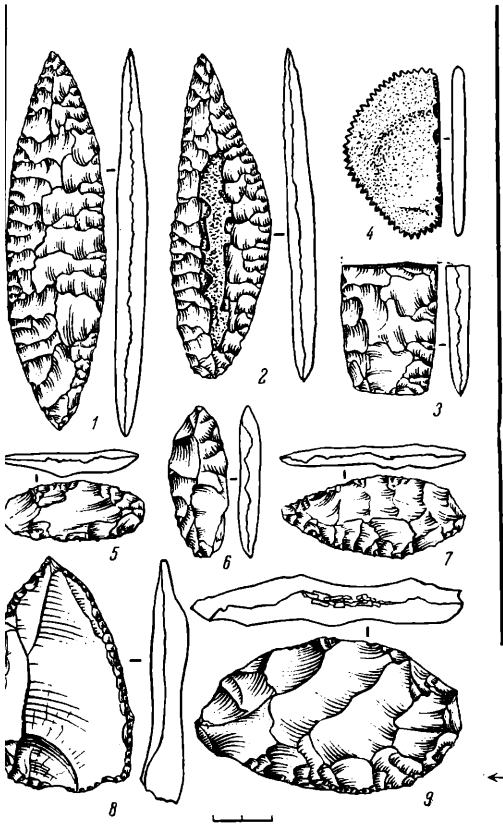


Рис. 53. Карабалыкты IX. Изделия из кремня и яшмы

1 — наконечники копья; *2, 3, 8, 9* — ножи; *4* — штамп для орнаментации керамики; *5—7* — наконечники

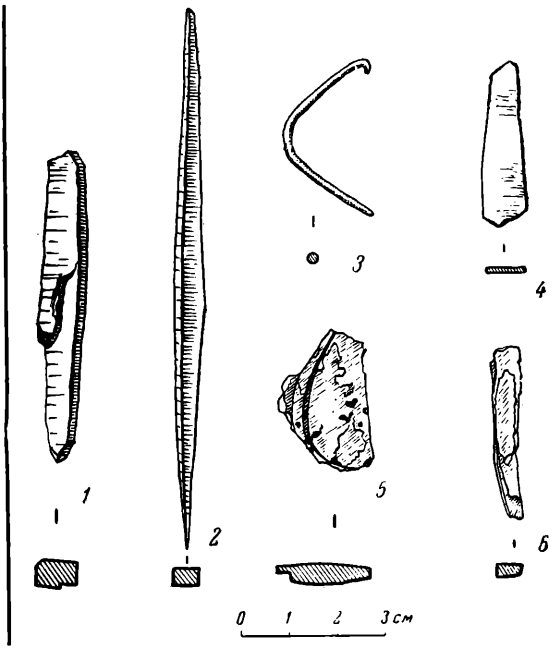


Рис. 54. Изделия из меди памятников суртандинского типа

1 — Мурат; *2* — Карабалыкты IX; *3—6* — Суртанды 8

ская, приказанская, турбинская, баланбашевская и др. Судя по химическому составу медных вещей, наиболее ранним энеолитическим памятником Южного Урала, видимо, является поселение Суртанды VIII. Подтверждает это и то обстоятельство, что медные вещи были найдены только в одном жилище из шести, хотя по инвентарю все жилища представляются относительно одновременными. Аморфность медных изделий из Суртанды VIII, в сравнении с изделиями Карабалыкты IX и Мурат, также, возможно, говорит об их древности. Подтверждает это и анализ керамики и остального инвентаря.

Мы уже отмечали близость упомянутых памятников к материалам Кысы-Кульской стоянки. При всем своеобразии комплекса этого памятника многие находки (например, сосуды с «сотовым» орнаментом — рис. 52, *12*, *20*, 21) просто идентичны с материалами Суртанды VIII, Карабалыкты IX, верхнего слоя Мурата и т. п. Напомним, что и в инвентаре Кысы-Куля найден единственный (до выявления памятников суртандинского типа) древний медный предмет Южного Урала—ланцетовидный ножичек. Медные предметы, по форме сходные с суртандинскими, найдены в инвентаре энеолитических памятников соседних территорий. Так, на стоянках Северного Казахстана — Кара-Ташар — было найдено шило четырехугольной формы, на Затобольской — медная проволока, на стоянке Коль — медная пластинка и проволока. Четырехгранное шильце найдено и на стоянке Сага в бассейне р. Уила. А. А. Формозов считает, что инвентарь этих памятников идентичен материалам Кысы-Кульской стоянки [11].

[11] *А. А. Формозов.* К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, вып. XXXIX, 1950, стр. 10—15.

Интересно заметить, что и на североказахстанских стоянках найдены кости домашних животных: на стоянке Терсек-Карагай — кости коровы, лошади, в Затобольской стоянке — лошади, в Светлом Джаркуле — овцы, коровы [12]. Как мы уже отмечали, кости аналогичных домашних животных были обнаружены и на поселениях суртандинского типа.

Датировка Кысы-Кульской стоянки, предложенная К. В. Сальниковым, — рубеж III—II тысячелетия до н. э. — ни у кого не вызывает сомнений. Аналогичные североказахстанские стоянки А. А. Формозов датирует также началом II тысячелетия до н. э.[13]

К сожалению, североказахстанские энеолитические памятники представлены только подъемным материалом с дюнных выдувов, и поэтому здесь не исключена возможность примеси материалов других эпох. Например, единичные находки микролитических изделий геометрических форм [14], встречающиеся на дюнах, относятся несомненно к другому времени, так как ни на одном памятнике суртандинского типа среди десятков тысяч предметов из камня не встречено ни одного микролита геометрической формы и вообще количество ножевидных пластин всюду невелико — нигде оно не превышает 7—10% всех изделий из камня. Сходство инвентаря памятников с памятниками суртандинского типа несомненно.

К. В. Сальников, рассматривая материалы Кысы-Кульской стоянки «как особый вариант энеолитической керамики лесной полосы Южного Урала» [15], отмечал связи кысы-кульского населения с Саузовскими стоянками и другими памятниками левшинского этапа Прикамья [16]. Добавим, что при раскопках стоянки Сауз III нами были найдены ножевидные пластины из сургучно-зеленой восточноуральской яшмы, что является прямым подтверждением отмеченных связей. Изделия из зауральской яшмы найдены и в поселениях раннебронзового времени около г. Уфы [17]. В мезолите и неолите изделий из яшмы в Предуралье не встречается. Левшинский этап О. Н. Бадер датирует также концом III—началом II тысячелетия до н. э.[18] (причем скорее концом III тысячелетия до н. э.) [19]. Памятники типа Суртанды VIII, видимо, могут быть датированы несколько более ранним временем.

Следует заметить, что памятники суртандинского типа расположены на озерах. Причем, как правило, на озерах отсутствуют памятники более позднего времени. Энеолитические памятники являются, как правило, следами финальной стадии заселения исследуемых озер. Они здесь и наиболее многочисленны. Озера после исчезновения энеолитических памятников становятся необитаемыми вплоть до современности. Встречаются лишь единичные находки поздней бронзы и раннего железа. Причем исчезновение многочисленного населения (судя по количеству памятников суртандинского типа на озерах, богатству инвентаря и их часто очень значительной площади) произошло относительно одновременно в эпоху энеолита вскоре после появления здесь изделий из металла и домашних животных. Костей животных пока еще мало, но все же, несмотря на немногочисленность, состав их всюду однообразен — лошадь, крупный и изредка мелкий рогатый скот. Таков же состав фауны и на североказахстанских синхронных стоянках.

Обращает внимание исчезновение грузил из массивных галек. Круп-

[12] *А. А. Формозов.* Указ. соч., стр. 11.
[13] Там же, стр. 10—11.
[14] Там же, рис. 2, *16*.
[15] *К. В. Сальников.* Указ. соч., стр. 26.
[16] *О. Н. Бадер.* Стоянки Нижнеадищевская и Боровое озеро 1 на р. Чусовой. МИА, № 22, 1951, рис. 13, 15.
[17] *А. В. Збруева.* Затонское селище. АЭБ, т. 1, 1962, стр. 59—61.
[18] *О. Н. Бадер.* Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. МИА, № 99, 1962, стр. 182.
[19] Там же, стр. 183.

ные рыболовные грузила — самая распространенная находка в инвентаре памятников каменного века Южного Урала со времен мезолита. Однако в памятниках суртандинского типа они исчезают. В инвентаре стоянки Суртанды VIII среди 32 тыс. изделий из камня нет ни одного специально изготовленного грузила. Вероятно, рыболовство перестает быть главным занятием озерного населения в эпоху энеолита. Кости домашних животных свидетельствуют о том, что главным занятием населения становится животноводство, а возможно, судя по находкам зернотерок и другим материалам, в какой-то мере и земледелие.

Показательно и расположение памятников энеолита и бронзы; например, если в Магнитогорском районе в неолите и энеолите были густо заселены все озера и совершенно отсутствовали поселения на близлежащих реках — Большой, Малый Кизил, Урал и их притоках, то в эпоху бронзы население исчезает на озерах и заселяет близлежащие реки (рис. 51).

Вполне вероятно следующее предположение: до периода начального освоения металла, животноводства и земледелия (эпоха суртандинско-кысы-кульских поселений) существенного различия между памятниками лесной и степной зоны не было, так как и там, и здесь занимались главным образом рыболовством. С возникновением животноводства рыболовство перестает быть ведущей отраслью хозяйства (исчезновение грузил) и, следовательно, жизнь на берегах озер с устойчивым уровнем воды и отсутствием заливных лугов становится менее удобной, население вследствие этого переселяется в другие условия — поймы небольших рек. Именно этим, видимо, и объясняется, что больше всего памятников эпохи развитой бронзы мы находим на берегах рек: Урал (рис. 51, *13—17, 21—23*), Малый Кизил (рис. 51, *7, 24—26, 38*), Бахта (рис. 51, *1—8*), Сакмара (рис. 51, 47—49) и других, расположенных вокруг озер с максимальной концентрацией энеолитических поселений.

К. В. Сальников решительно возражал против «объединения северо-казахстанских местонахождений в одну культуру со стоянкой Кысы-Куль [20]. В основном возражения К. В. Сальникова мотивировались тем, что Кысы-Кульская стоянка типично лесная, в то время как североказахстанские стоянки относятся к степным и лесостепным памятникам.

Окончательное решение вопроса о культурной принадлежности североказахстанских материалов в силу их фрагментарности затруднительно. Что же касается Кысы-Кульской стоянки, то, несмотря на то, что она действительно лежит не в степной, а в лесной зоне, ее вряд ли можно отрывать от «степных» памятников, так как аналогичные Кысы-Кульским материалы в большинстве своем происходят все же из степных поселений. И Карабалыкты IX, и Суртанды VIII, и другие памятники этого типа находятся в степной полосе. Исключение составляет стоянка Мурат. Не останавливаясь на том, что границы экологических зон в III—II тысячелетиях до н. э. могли не совпадать с современными, заметим, что и лесная стоянка Кысы-Куль, и степные поселения Суртанды VIII, и Карабалыкты IX, и лесостепная Мурат — все расположены на озерах. Естественно предполагать, что возникновение постоянных поселений на озерах обусловлено занятиями населения, а именно рыболовством. Многочисленные материалы неолитических поселений подтверждают, что главным занятием населения берегов этих озер было рыболовство. Следовательно, его культура определялась не окружающей степью или лесом, а хозяйством — рыболовством, причем и в лесных, и в лесостепных, и в степных районах оно было связано с одним и тем же источником — озером. Характер же озер, топография их берегов, состав фауны в них и в лесных (оз. Кысы-Куль), и в степных (оз. Суртанды, Карабалыкты) сходен.

Почему же в таком случае должны быть резкие различия в материальной культуре? Естественно предполагать, что на ранней стадии сложения

[20] *К. В. Сальников.* Указ. соч., стр. 29—30.

энеолитической культуры и в неолите их не было. Именно этим, видимо, объясняется то обстоятельство, что между лесными и степными приозерными памятниками практически особых различий не наблюдается. Все это позволяет нам объединить и Кысы-Кульское и Суртандинское поселения в одну культурную общность. Впрочем, между материалами Магнитогорского Приозерья наблюдается большее сходство, нежели между ними и Кысы-Кульской стоянкой. Однако различия не настолько велики, чтобы относить эти памятники к разным культурам.

Если большая часть Южного Урала на картах энеолита до сих пор выглядела белым пятном, то для эпохи раннего металла Среднего Урала и Зауралья исследователи выделяют уже несколько культур: горбуновскую [21], дмитриевскую [22], боборыкинскую [23], шигирскую, полуденскую, андреевскую [24]. Керамике суртандинского типа можно найти аналогии в материалах большинства этих культур. Так, в орнаменте керамики энеолитических памятников лесной полосы Западной Сибири (Липичинская, 2-я Андреевская стоянка и т. п.) также господствует гребенчатый штамп, имеются и геометрические узоры [25], в свою очередь типичный для последних ямочный орнамент встречается и в инвентаре южноуральских памятников. Причем в орнаменте керамики суртандинского типа преобладают, как и в Западной Сибири, ямки неправильной формы (рис. 52, *28*). Несомненно и сходство с некоторыми материалами памятников горбуновской (или шигирской и полуденской) культур [26]. Но больше всего аналогий суртандинской керамике можно найти в материалах синхронных памятников южных районов Среднего Урала. На востоке этой пограничной с Южным Уралом территории К. В. Сальников выделяет боборыкинскую [27] культуру, на западе Н. П. Кипарисова — дмитриевскую культуру. Керамике суртандинского типа можно найти наиболее близкое сходство с посудой последней. К сожалению, обе культуры выделены по материалам смешанных памятников. Боборыкинская культура выделена К. В. Сальниковым по материалам раскопок Боборыкино II у г. Шадринска, где представлены и материалы раннеолитического и энеолитического (иткульского) типа, и материалы андроновской и более поздних культур. К. В. Сальникову удалось проследить, что керамика боборыкинского типа вместе с иткульско-абселямовской залегала под слоем с андроновскими материалами, однако смешанность остального комплекса находок не позволила дать полную характеристику боборыкинского варианта раннебронзовой культуры Зауралья. Н. П. Кипарисова, по материалам раскопок на стоянках Абселямовская, Иткуль I, II на оз. Иткуль выделила культуру эпохи раннего металла на этой территории, назвав ее по имени археолога П. А. Дмитриева дмитриевской [28]. Однако керамика, привлеченная ею для характеристики этой культуры, также была выделена типологически по смешанным памятникам. Каменный инвентарь всех этих памятников был довольно беден и невыразителен. Расчленить его стратиграфически, как и керамику, было практически почти невозможно. Смешанными оказались и остальные стоянки на оз. Иткуль. Следует заметить, что все же на некоторых участках раскопа Н. П. Кипарисовой удалось проследить, что

[21] *В. М. Раушенбах.* Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. М., 1956.
[22] *Н. П. Кипарисова.* О культурах лесного Зауралья. СА, 1960, № 2, стр. 7—25.
[23] *К. В. Сальников.* Новый вариант раннебронзовой культуры Зауралья. КСИА, вып. 85, 1961, стр. 3—10; *он же.* Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья. СА, 1961, № 2, стр. 37—48.
[24] *Е. М. Берс.* Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963, стр. 28—55.
[25] *В. Н. Чернецов.* Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953, стр. 36—44.
[26] *В. М. Раушенбах.* Указ. соч., рис. 7, *3*, *4*; 8, *16*, *11*; 20, *2*, *5*.
[27] *К. В. Сальников.* Указ. соч.
[28] *Н. П. Кипарисова.* Указ. соч., стр. 23.

энеолитическая керамика залегает выше неолитической и сверху перекрывается слоем с андроновской керамикой. Некоторые материалы энеолитического облика были выявлены ею при раскопках стоянки Чебаркуль I.

Попытки выделить культуры только по материалам смешанных памятников могут привести к искаженным представлениям. В качестве примера можно сослаться на характеристику энеолита Южного Урала, данную Л. Я. Крижевской по смешанным материалам поселения Чебаркуль II. В верхнем слое этого памятника были обнаружены фрагменты керамики энеолитического облика, сходные с керамикой памятников дмитриевской культуры, и различные изделия из камня, в том числе ножевидные пластины и изделия из них. Л. Я. Крижевская датировала керамику началом II тысячелетия до н. э., а кремень отнесла к нижнему (неолитическому) слою, основываясь на том, что якобы «для зауральских стоянок этого времени характерно почти полное отсутствие (?!) кремневого инвентаря, а тем более инвентаря из пластин» [29]. На чем основывается столь категоричное заключение, неизвестно. Даже из приведенной выше фрагментарной предварительной характеристики памятников суртандинского типа видно, что на эпоху энеолита падает последняя вспышка расцвета кремневой индустрии. Десятки тысяч изделий из камня, обнаруживаемые в каждом поселении суртандинского типа, убедительно свидетельствуют в пользу этого. Состав кремневого инвентаря довольно разнообразен (рис. 53). Причем он типичен и для небольших и более кратковременных стоянок, нежели поселения типа Суртанды VIII, Карабалыкты IX, Мурат и др. В качестве примера можно привести стоянку Кысы-Куль. Судя по отчету К. В. Сальникова [30], на этом памятнике в 1937 г. было вскрыто 244 кв. м. площади и обнаружено вместе с керамикой 4 топора, 2 зашлифованных долотца, 7 наконечников стрел, 18 скребков, 5 отбойников, 2 песта, 1 кинжал из сланца, 1 шлифовальник с желобом, 200 отщепов, 19 призматических нуклеусов вместе с ножевидными пластинами и т. п. Более полутора тысяч ножевидных пластин найдено при раскопках поселения Суртанды VIII, на Карабалыкты IX их 739 и т. п. Следовательно, техника изготовления ножевидных пластин в энеолите Южного Урала продолжает существовать. Правда, их доля значительно падает. Количество ножевидных пластин нигде в энеолите не превышает 7—10%. Однако отрицать их, как это делает Л. Я. Крижевская, нельзя. Видимо, полная характеристика любой культуры невозможна без исследования памятников с чистым несмешанным инвентарем.

В заключение следует подчеркнуть, что инвентарь памятников суртандинского типа генетически полностью связан с неолитом этого же региона. Ни в керамике, ни в изделиях из камня не прослеживается никаких посторонних включений. Поэтому нет оснований и предполагать, что изменения в хозяйстве и, в частности, появление домашних животных и металлообработки на Южном Урале по меньшей мере на рубеже III и II тысячелетий до н. э. связано с приходом сюда какого-то «более развитого» населения. Следовательно, исследование памятников суртандинского типа позволяет отнести Южный Урал к одному из очагов возникновения скотоводства и металлургии на территории СССР. Безусловно, определенную роль в этом сыграли устойчивые связи населения Южного Урала с Прикаспием, прослеженные здесь еще с мезолита [31].

[29] *Л. Я. Крижевская.* Стоянка Чебаркуль II эпохи неолита и раннего металла. ВАУ, 2. Свердловск, 1962, стр. 31—32.

[30] *К. В. Сальников.* Отчет об археологических исследованиях Челябинского областного музея в 1937 г. ЧКМ, XII инв. № 511, 275. Архив ЛОИА, ф. 2, д. 233.

[31] *Г. Н. Матюшин.* О характере материальной культуры Южного Урала в эпоху мезолита. СА, № 4, 1969, стр. 23—48; *он же.* О южных связях мезолита Урала. АЭБ, т. III, Уфа, 1968, стр. 15—32; *он же.* Средняя Азия и Южный Урал в эпоху мезолита и неолита. «Проблемы археологии Средней Азии». Л., 1968, стр. 25—27.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 127 1971 год

ХРОНИКА

СЕКТОР НЕОЛИТА И БРОНЗЫ В ПЕРИОД С 1966 ПО 1969 Г.

Научная деятельность самого многочисленного (31 человек) и самого сложного по разнопроблемности сектора Института археологии АН СССР по-прежнему была связана с разработкой большой проблемы «Развитие первобытнообщинного строя и сложение этнических общностей на территории СССР». Изучение этой проблемы ведется в двух основных аспектах: в социально-экономическом и этнокультурном, одновременно с разработкой периодизации древнейших этнокультурных общностей и археологических культур эпохи неолита и бронзы. В связи с организацией АН СССР в последние годы ряда зарубежных археологических экспедиций новые выдвигаемые жизнью исследовательские задачи еще больше осложнили основную научную проблематику сектора.

За период с 1966 по 1969 г. сотрудники сектора издали или подготовили к печати значительное количество монографий и статей, посвященных разработке отдельных вопросов этой общей проблемы, докладов и сообщений, прочитанных как на заседаниях сектора, так и в других научных учреждениях, а также в большом числе проведенных сотрудниками сектора археологических исследований, давших богатейший фактический материал для углубленного освещения различных сторон истории отдельных областей и эпох первобытного общества.

Кроме того, довольно значительное внимание было уделено популяризации достижений советской археологической науки. В предпринятом в последние три года важнейшем издании института — 5-томной «Археологии СССР» — коллектив сектора принял самое активное участие. Если в 1-м томе (под редакцией А. А. Формозова), уже находящемся в производстве, в числе авторов значатся только три сотрудника сектора О. Н. Бадер, А. А. Формозов и Н. О. Бадер, то авторский коллектив 2-го тома «Археологии СССР», подготовляемого к печати под редакцией Е. И. Крупнова, значительно расширился (И. И. Артеменко, О. Н. Бадер, П. М. Кожин, М. Ф. Косарев, Д. А. Крайнов, Е. И. Крупнов, Е. Е. Кузьмина, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев, Б. А. Рыбаков, Е. Н. Черных, Е. К. Черныш).

Ряд сотрудников работал над изучением истории населения каменного века. Вопросу заселения европейской части СССР в верхнем палеолите был посвящен ряд докладов О. Н. Бадера, основанных на блестящих результатах раскопок стоянки Сунгирь близ г. Владимира, ознаменовавшихся открытием уникальных палеолитических захоронений, а также на исследованиях палеолитических стоянок в пещерах Урала. Сотрудники сектора Н. О. Бадер и Л. В. Кольцов занимались изучением: первый —

верхнего палеолита и мезолита Причерноморья, Кавказа и Ближнего Востока; второй — южной и восточной Прибалтики; Г. Н. Матюшин завершил написание первой части монографии «Мезолит и неолит Южного Урала».

На заседаниях сектора были обсуждены и рекомендованы к защите, а позднее защищены на заседании Ученого совета института кандидатская диссертация сотрудника сектора В. С. Титова «Неолит Греции», вышедшая в 1969 г. отдельной книгой, докторская диссертация Д. Я. Телегина (Киев) «Днепродонецкая культура» и кандидатские диссертации Ю. А. Мочанова (Якутск) «Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии» и Г. М. Медведева (Иркутск) «Мезолит Верхнего Приангарья».

Основные усилия сотрудников сектора были направлены на изучение различных проблем истории СССР в эпохи энеолита и бронзы. К числу крупных достижений следует отнести завершение монографии Д. А. Крайновым «Фатьяновская культура», защищенную в качестве докторской диссертации в 1967 г. Значимость этой работы определяется ее связью с проблемой шнуровой керамики или культуры боевых топоров. Вопросу происхождения этой же культуры посвящена кандидатская диссертация П. М. Кожина «Происхождение фатьяновской культуры», защищенная им в 1967 г.

Тесно связана с проблемой изучения племен шнуровой керамики и опубликованная в 1967 г. книга И. И. Артеменко «Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы»; в ней автор осветил вопросы происхождения среднеднепровской культуры и проследил ее изменения в процессе развития. Проблеме происхождения и развития племен шнуровой керамики Подолии, Волыни и Закарпатья посвятил свой доклад на секторе И. К. Свешников (Львов).

Кандидатская диссертация С. В. Ошибкиной «Племена Восточного Прионежья в эпоху раннего металла», защищенная в 1966 г., содержит историческую характеристику и периодизацию культуры населения этой территории. В 1967 г. ею же написана работа «Позднекаргопольская культура».

В области изучения истории энеолитического населения степной и лесостепной территории европейской части СССР наибольшее значение имеет монография Н. Я. Мерперта «Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III—начало II тысячелетия до н. э.)», защищенная им в качестве докторской диссертации; она впервые во всех аспектах освещает историю самых ранних скотоводческих племен от р. Урала до р. Днестра. Автор показал развитие племен ямной культуры, выделил локальные варианты и определил хронологические рамки бытования каждого из них.

С докладами по истории населения лесостепи «О хронологии абашевской культуры на Среднем Дону» и «Древние культуры Подонья эпохи бронзы» как части подготовляемой им докторской диссертации выступил П. Д. Либеров. Обсуждена на заседании сектора также кандидатская диссертация А. Д. Пряхина (Воронеж) «История населения Верхнего и Среднего Подонья во II—начале I тысячелетия до н. э.».

Большое место в работе сектора отведено исследованию племен трипольской культуры. В 1966 г. Т. С. Пассек завершила большую плановую тему «История племен Поднестровья в V—III тысячелетиях до н. э.»; в этой монографии рассматриваются вопросы взаимоотношений неолитических племен культуры линейно-ленточной керамики с нижнедунайскими племенами культуры боян и раннетрипольскими. Аспиранткой сектора А. П. Погожевой в 1968 г. завершена кандидатская диссертация «Пластика раннего этапа трипольской культуры», в которой рассмотрены все известные находки раннетрипольских статуэток и разработана их типо-

логия. Получила одобрение на секторе и кандидатская диссертация сотрудницы кафедры археологии МГУ Н. В. Рындиной «Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы (по материалам трипольской культуры)» и диссертация В. И. Маркевича (Кишинев) «Неолит Молдавии». Интересный доклад о периодизации трипольских памятников сделал М. Петреску-Дымбовец (Румыния) «Фазы культуры Кукутени в связи с новыми раскопками в Кукутени-Бонча» и Е. К. Черныш «О локальных вариантах раннего триполья».

В области кавказской археологии серьезным достижением явилась крупная монография, завершенная Р. М. Мунчаевым, «Древнейший Кавказ (V—III тысячелетия до н. э.)», в которой автор анализирует культуру населения Кавказа в эпоху возникновения таких важнейших отраслей хозяйства, как земледелие, скотоводство и медно-бронзовая металлургия. Опубликованная в 1969 г. книга В. И. Марковина «Дагестан и Горная Чечня в древности (коякентско-харачоевская культура)» содержит научную характеристику одной из довольно слабо еще изученных культур позднебронзового века на Северо-Восточном Кавказе. Сотрудником сектора В. В. Бжания подготовлена к печати работа «Культура энеолита и ранней бронзы Абхазии». По кавказской тематике сектором обсуждены, а позднее успешно защищены авторами как кандидатские диссертации: книга В. М. Котович (Махачкала) «Верхнегунибское поселение» и Г. Кесаманлы (Баку) «Культура древних племен Юго-Западного Азербайджана эпохи бронзы и раннего железа». Интересный доклад сделали Д. В. Гаджиев и М. М. Гусейнов «Палеоантропологические находки неандертальского человека в Адыхской пещере»; уникальностью открытия он вызвал множество вопросов и горячее обсуждение. Несколько выпадающая из тематики сектора монография Е. И. Крупнова «Средневековая история и культура Ингушетии» была сдана в печать в 1969 г. Однако основной своей направленностью, раскрывающей процесс развития и распада родовой организации, она близка основной проблематике сектора. Монография написана на основе использования археологических материалов, с привлечением письменных, этнографических и лингвистических данных.

Среднеазиатская тематика нашла свое отражение в изданном в 1966 г. Е. Е. Кузьминой томе САИ В 4—9 «Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии». Автор систематизировал весь известный материал по истории металлообработки в Средней Азии на протяжении более чем трех тысячелетий. Археологии Средней Азии посвящен ряд докладов сотрудника сектора В. И. Сарианиди «Об энеолитических погребениях» и В. И. Цалкина о «Древнейших домашних животных Средней Азии», в котором автор пришел к выводу об очень раннем появлении скотоводства у местных неолитических племен.

Большое место в работе сектора занимает уральская и сибирская тематика. В 1966 г. Е. Е. Кузьминой завершена работа над монографией «История племен эпохи бронзы в районе южноуральских меднорудных месторождений». В ней дается детальная характеристика местным андроновским племенам — металлургам. Уральской металлургии были посвящены доклады Е. Н. Черныха «Металл Сеймы, Турбина и Абашева» и «О меднорудной базе Урала». В. И. Мошинская в 1969 г. закончила монографию «Бронзовый век в лесной зоне Западной Сибири и Зауралья». Исследователь установила относительную хронологию и периодизацию памятников эпохи бронзы этого региона. Н. Л. Членовой в 1966 г. завершена работа «Карасукская культура Минусинской котловины», в которой разработана относительная и абсолютная хронология карасукской культуры и подтверждена правомочность выделения особой лугавской культуры.

На заседаниях сектора заслушаны доклады по различным вопросам

археологии эпохи бронзы Сибири. Так, темой доклада М. Ф. Косарева были «Этнокультурные сдвиги в Томско-Нарымском Приобье», С. В. Зотовой — «Андроновские племена и их ареалы», Ю. С. Гришина — Памятники бронзового века в Восточном Забайкалье». В. И. Матющенко (Томск) доложил о раскопках интереснейшего памятника сейминско-турбинского типа у дер. Ростовки Омской области. В 1967 г. Н. Л. Членова опубликовала монографию «Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры», в которой показаны истоки культуры и сделана попытка осветить вопрос о так называемом скифском зверином стиле. Близка по тематике и выполненная М. А. Девлет кандидатская диссертация «Племена бассейна Среднего Енисея в раннем железном веке», где также рассмотрены вопросы происхождения и развития тагарских племен. В 1968 г. ею же выполнена работа «Погребальные конструкции и обряд у племен бассейна Среднего Енисея».

В. В. Волков в 1967 г. в г. Улан-Баторе издал книгу «Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии», в которой на основе своих археологических исследований и материалов, хранящихся в монгольских музеях, показал пути развития культуры населения в рассматриваемую эпоху. В этом же году им подготовлена монография «Древнее искусство Монголии». В монографии систематизированы и датированы изваяния Монголии.

Древнейшим памятникам искусства посвящена вышедшая в 1969 г. монография А. А. Формозова «Очерки по первобытному искусству». Это основательный аналитический обзор наскальных изображений и древних каменных изваяний на территории СССР. По ним автор прослеживает развитие идеологических представлений первобытного человека на протяжении каменного и бронзового веков и делает попытку раскрыть смысловое назначение исследуемых памятников.

Древнему изобразительному искусству населения Урала посвящены вышедший из печати выпуск 1-й САИ В4-12 В. Н. Чернецова «Наскальные изображения Урала» и подготовленный к печати выпуск 2-й. М. А. Девлет сделала доклад «Наскальные изображения Куйлуг-хема в Туве».

Важным моментом в деятельности сотрудников сектора является популяризация достижений советской археологической науки. Научно-популярная литература пополнилась книгами В. И. Сарианиди «Тайны исчезнувшего искусства Каракумов», В. И. Марковина «В стране вайнахов», А. А. Формозова «Памятники первобытного искусства на территории СССР» и статьями Е. И. Крупнова «За хозяйственное освоение Прикаспийской низменности» в сборнике «Земли древнего орошения и перспективы их сельскохозяйственного использования» и «О времени формирования основного ядра нартского эпоса у народов Кавказа» в сборнике «Эпос народов Кавказа». Ю. С. Гришиным подготовлена к изданию книга «Древняя добыча меди и олова», в которой изложены современные научные представления о возникновении металлургии: методах разработки руд и выплавки металлов».

В порядке координации научно-исследовательской работы и оказания помощи отдельным научно-исследовательским институтам Российской Федерации сотрудники сектора активно участвовали в подготовке первых томов истории отдельных республик. Так, в I томе «Очерки истории Чечено-Ингушской АССР» в 1967 г. отдельные разделы написали Р. М. Мунчаев, В. И. Марковин и Е. И. Крупнов. Последним для I тома «Истории Кабардино-Балкарской АССР» написаны три главы.

Кроме перечисленных выше крупных монографий, написанных и подготовленных сотрудниками сектора, научная продукция состоит более чем из 250 статей и заметок по различным вопросам археологии, древней истории и культуры народов СССР. На заседаниях сектора за четыре

года были заслушаны и обсуждены более 200 докладов и сообщений как сотрудников сектора, так и других научных учреждений СССР, а также представителей зарубежной науки.

Сотрудники сектора являются непременными участниками различных археологических совещаний и конференций, где они выступали с докладами и сообщениями. Большая часть сотрудников сектора выступила с докладами в Москве, Кишиневе и Ленинграде на Сессии Отделения Истории АН СССР и Пленуме института. Так, с докладами «Проблема первоначального заселения Севера Европы человеком» выступил О. Н. Бадер, «10 лет работ Северокавказской археологической экспедиции в Чечено-Ингушетии» — Е. И. Крупнов, «10 лет работ Верхневолжской археологической экспедиции» — Д. А. Крайнов и др. Кроме того, О. Н. Бадер, Е. И. Крупнов, Д. А. Крайнов, Н. Я. Мерперт, Т. С. Пассек и В. Н. Чернецов руководили работами отдельных секций.

На пятом Уральском археологическом совещании в г. Сыктывкаре выступили: В. И. Мошинская «Некоторые вопросы в изучении эпохи бронзы в лесной полосе Западной Сибири», Е. Е. Кузьмина «Хронология памятников Орско-Актюбинского варианта андроновской культуры», а также О. Н. Бадер, М. Ф. Косарев и Н. Л. Членова. На конференции «По происхождению аборигенов Сибири» в городах Томске, Новосибирске выступали с докладами М. А. Дэвлет, П. М. Кожин, Г. И. Андреев, М. Ф. Косарев, В. И. Мошинская и В. Н. Чернецов.

В 1966 г. на научной сессии, посвященной проблеме происхождения осетинского народа, в Орджоникидзе Е. И. Крупнов прочитал доклад «Проблема этногенеза осетин по археологическим данным». На Среднеазиатском совещании в Ленинграде Е. Е. Кузьмина выступила с докладом «Локальные варианты культур степного типа в Средней Азии», Д. А. Крайнов, Г. Н. Матюшин и другие принимали участие в совещаниях по неолиту и по проблеме андроновской культуры. В 1968 г. Е. И. Крупнов участвовал в конференции по проблеме кушанского государства в Душанбе, О. Н. Бадер и Г. Н. Матюшин — в конференции по этногенезу башкир в Уфе.

Сотрудники сектора И. И. Артеменко и В. С. Титов работали на выставке «Археология СССР» в Нидерландах, Швейцарии, Италии и ФРГ. Кроме организации экспозиций и проведения экскурсий они выступали с докладами и лекциями. Так, И. И. Артеменко сделал доклад «О новых археологических исследованиях памятников эпохи бронзы на территории Белоруссии», а В. С. Титов — «Неолит Юго-Запада СССР», Только лекцию о выставке прослушали в Эссене около 60 тыс. человек.

В 1966 г. во время командировки от АН СССР в Ирак Е. И. Крупнов в Багдаде прочел доклад «Об основных достижениях советской археологии» и выяснил реальные возможности организации советской археологической экспедиции в Ираке. За истекший период в организованных АН СССР зарубежных археологических экспедициях активно работали сотрудники сектора: в египетской, советско-болгарской и в иракской Н. Я. Мерперт, в иракской экспедиции работает Н. О. Бадер, и руководит ею Р. М. Мунчаев. Экспедиция успешно исследует памятники хассунской и халафской культур. В Афганистане работали В. И. Сарианиди и Р. М. Мунчаев.

Огромную работу по организации и проведению археологических исследований на территории СССР, проведенную сотрудниками сектора за четыре года, интересующийся читатель может найти в ежегодных выпусках «Археологические открытия» с 1966 по 1969 г.

Подготовкой аспирантов в секторе руководили О. Н. Бадер, Д. А. Крайнов, Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт и Р. М. Мунчаев.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМ	— Абаканский музей
АО	— Археологические открытия
АП	— Археологічні пам'ятки УРСР, Київ
АС	— Археологический съезд
АЭБ	— Археология и этнография Башкирии
ВАУ	— Вопросы археологии Урала
ВДИ	— Вестник древней истории
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГНМ	— Годишник на Народния Музей
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ДП	— Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья
ЗОРСА РАО	— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ИАД	— Известия на Археологическото Дружество
ИАИ	— Известия на Археологическия институт
ИАК	— Известия археологической комиссии
ИВАД	— Известия на Варненското Археологическо Дружество
КДУ	— Київскіі державьніі университет
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии
МАК	— Материалы по археологии Кавказа
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИМК ТГУ	— Музей истории материальной культуры Томского государственного университета
ММ	— Минусинский музей
НВИК	— Нижне-Волжский институт краеведения
ПИМК	— Проблемы истории материальной культуры
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
ТГУ	— Томский государственный университет
ТСУАК	— Труды Саратовской ученой архивной комиссии
УЗСГУ	— Ученые записки Саратовского государственного университета
ЧКМ	— Челябинский краеведческий музей
ЮТАКЭ	— Южнотуркменская археологическая комплексная экспедиция
AO	— Archaeologia Orientalis. Tokyo—Kyoto
BMFEA	— Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities Stockholm
PZ	— Prähistorische Zeitschrift
SMYA	— Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja Helsinki

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

В. М. Массон. Метод палеоэкономического анализа в археологии 3
Д. А. Крайнов. Металлургия у племен фатьяновской культуры 10

Публикации материалов

В. И. Кнышов. Раскопки жилых комплексов эпохи бронзы на Алтын-депе 18
Г. Ф. Коробкова, А. М. Мандельштам. Новые материалы неолитического времени с Мангышлака 23
А. Радунчева. Некоторые результаты исследования поселения Клиседжик (Северо-Восточная Болгария) в 1967 г. 29
А. Л. Нечитайло. Новые находки эпохи поздней бронзы в Ставропольском крае 32
В. И. Марковин. Курганы Константиновского плато у г. Пятигорска . . . 35
Э. С. Шарафутдинова. Металлические изделия кобяковской группы поселений эпохи поздней бронзы 45
О. Г. Шапошникова, В. Н. Станко. Некоторые итоги работы Ингульской экспедиции в 1967 г. 50
Н. Н. Бондарь. К вопросу о культурной принадлежности каневской группы поселений эпохи ранней бронзы 54
Л. В. Кольцов. Изображение рыбы на сосуде из Галичской стоянки . . . 63
О. С. Гадзяцкая. Новые раскопки Тургиновского могильника 65
Р. Д. Голдина, Л. Я. Крижевская. Одино — поселение эпохи ранней бронзы в западносибирском лесостепье 72
Г. И. Корнюшин. Курганы эпохи поздней бронзы у с. Старая Тойда Воронежской области 78
Б. Г. Тихонов. Третий Старотойденский курган 86
Ю. В. Деревягин. Новые памятники эпохи бронзы в бассейне р. Медведицы 93
О. Н. Бадер. Бронзовый нож из Сеймы с лошадьми на навершии 98
Н. Л. Членова. Литейные формы из с. Беклемишево (Забайкалье) 104
Ю. С. Гришин. О некоторых сибирских металлических литейных формах эпохи бронзы и раннего железа 111
Л. П. Хлобыстин. Древнейшая литейная форма с антропоморфным изображением из Заполярья 114
Г. Н. Матюшин. Памятники эпохи раннего металла Южного Зауралья . . 117

Хроника

Сектор неолита и бронзы в период с 1966—1969 г. 126

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ НЕОЛИТА И БРОНЗЫ. КСИА, вып. 127

Утверждено к печати ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства *Г. В. Моисеенко*. Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технический редактор *Л. И. Куприянова*

Сдано в набор 9/III 1971 г. Подписано к печати 24/VIII 1971 г. Бумага № 1. Формат 70×108 1/16. Печ. л. 8 1/2. Усл. печ. л. 11,9. Уч.-изд. 10,2. Тираж 1850 экз. Тип. зак. № 180. Т-13031. Цена 64 коп.

Издательство «Наука». Москва К-62, Подсосенский пер., 21
1-я типография издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12